

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКАЯ АКАДЕМИЯ

КОНФЛИКТЫ И КОНФЛИКТНЫЕ СИТУАЦИИ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Волгоград 2003

ББК 67. 629. 372
К 65

Одобрено
редакционно-издательским советом
Волгоградской академии МВД России

Конфликты и конфликтные ситуации на предварительном след-
К 65 ствии: Сб. науч. тр. / Под ред. А. П. Резвана. – Волгоград: ВА
МВД России, 2003. – 212 с., 200 экз.

ISBN-5-7899-0258-8

Сборник научных трудов подготовлен по материалам Всероссийской научно-практической конференции, проходившей в ВА МВД РФ 26–27 ноября 2001 г. В статьях рассмотрены теоретические положения конфликтов и предложены практические рекомендации по преодолению конфликтов в ходе предварительного следствия.

Сборник предназначен для курсантов, слушателей, преподавателей, адъюнктов и практических сотрудников ОВД.

ББК 67. 629. 372

ISBN 5-7899-0258-8

© Волгоградская академия МВД России, 2003

Раздел 1 || ПОНЯТИЕ КОНФЛИКТОВ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

С. А. Бородулин

КОНФЛИКТЫ И КОНФЛИКТНЫЕ СИТУАЦИИ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ

На протяжении длительного времени предварительное следствие является одной из наиболее важных задач органов внутренних дел России. Как и любая деятельность, сопряженная с функцией государственного принуждения, производство предварительного следствия связано с конфликтами и конфликтными ситуациями. Их возникновение обусловлено, в первую очередь, самой сущностью и предназначением предварительного следствия, а именно установлением обстоятельств совершенного преступления и сбором доказательств, дающих основание для предъявления обвинения конкретному лицу.

Анализ законодательной базы и практической деятельности органов внутренних дел указывает на то, что ключевым звеном предварительного следствия является следователь, на котором в установленных законом формах замыкаются результаты работы службы криминальной милиции, милиции общественной безопасности, других государственных и муниципальных органов и учреждений, общественных организаций, предприятий, граждан, принимающих участие в раскрытии преступлений. Именно следователь становится той фигурой, вокруг которой возникают конфликтные ситуации, так как он вынужден принимать на себя основную тяжесть конфликта и искать пути разрешения сложившейся ситуации с соблюдением принципов, задач и условий уголовного судопроизводства в Российской Федерации. Поэтому рассматривать природу происхождения, развития и преодоления конфликтов и конфликтных ситуаций на предварительном следствии необходимо в тесной взаимосвязи со следователем, исходя из его процессуальных полномочий, профессиональной подготовки и внешней среды, в которой он осуществляет свою деятельность.

Сущность конфликта и конфликтной ситуации заключается в противоречиях, возникающих между следователем и участниками процесса, служащими государственных и муниципальных органов и

учреждений, работниками предприятий и представителями общественных организаций в процессе предварительного следствия по поводу путей, способов и времени разрешения задач уголовного судопроизводства. Отличие конфликта от конфликтной ситуации носит сугубо номинальный характер и, скорее всего, определяется объемом противоречий и количеством лиц, принимающих в нем участие.

Для того чтобы успешно разрешать конфликтные ситуации, необходимо знать общие закономерности их возникновения и развития. В силу специфичности социально-экономической и криминальной обстановки на обслуживаемой территории, направленности деятельности следственного подразделения возникающие конфликты и конфликтные ситуации нередко носят однотипный и легко прогнозируемый характер.

Исходя из периода возникновения и процессуальных особенностей, конфликты и конфликтные ситуации условно разделяют на две стадии: первая – возникающие на первоначальном этапе расследования, вторая – при производстве предварительного следствия. Первой стадии присущи конфликты, возникающие на почве организационного характера, и в основном они разрешаются ведомственными инструкциями и приказами МВД России. На второй стадии возникают конфликты по поводу толкования и применения следователем норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, оценки собранных по делу доказательств. В качестве примеров можно привести ряд конфликтных ситуаций на предварительном следствии, присущих указанным выше стадиям.

Так, при возбуждении уголовного дела конфликтные ситуации чаще всего возникают с организацией выезда для осмотра места происшествия следственно-оперативной группы. В условиях экономической нестабильности, определенных сложностей с материально-техническим обеспечением органов внутренних дел, недостатком квалифицированных сотрудников во всех службах ОВД имеют место случаи, когда следственно-оперативные группы на осмотры мест происшествий направляются не в полном составе. Это, соответственно, ведет к возложению следователем, как руководителем СОГ, на других сотрудников неприемлемых им обязанностей, что в конечном итоге сказывается на работе всего состава группы, влияет на эффективность и качество результатов осмотра, а также полноту проведения всего комплекса оперативно-розыскных мероприятий и первоначальных следственных дейст-

вий. Для совершенствования этого направления в деятельности органов внутренних дел Приказом МВД России № 334-96 г. утверждена Инструкция по организации взаимодействия подразделения и служб органов внутренних дел в расследовании и раскрытии преступлений, которая максимально четко разграничила обязанности и полномочия каждого сотрудника, сгладила основную массу конфликтных ситуаций.

Не менее острые противоречия возникают при решении следователем вопроса о полноте собранных материалов. Согласно Приказу МВД России №334-96 г. следователь вправе направлять материал в орган дознания для проведения дополнительной проверки и выполнения отдельных проверочных действий. Однако в некоторых органах внутренних дел данное положение не всегда выполняется в полном объеме. Сотрудники органа дознания идут по пути наименьшего сопротивления, не проводя дополнительную проверку, инициируют возбуждение уголовного дела через прокурора или, что наиболее часто встречается, обращаются к руководителям более высокого ранга. Это, соответственно, ведет к необоснованному возбуждению уголовных дел, особенно по преступлениям экономической направленности, росту количества уголовных дел, производство предварительного следствия по которым прекращается в связи с отсутствием события или состава преступления.

На второй стадии наиболее часто конфликты возникают при проведении следственных действий со свидетелями, потерпевшими и другими участниками процесса, когда те отказываются по каким-то причинам давать показания об обстоятельствах известного им преступления или меняют показания, либо отказываются участвовать в проведении необходимых следственных действий. Порой это зависит от гражданской позиции конкретного лица или боязни каких-либо негативных последствий лично для себя и своих близких. Особую сложность в решении данных конфликтных ситуаций для следователя вызывает тот факт, что до настоящего времени в Российской Федерации не разработан правовой и экономический механизм защиты свидетелей, потерпевших и других категорий лиц, которые не являются участниками процесса, но тем или иным образом участвуют в раскрытии преступлений и изобличении преступников.

Не удастся избежать конфликтных ситуаций и при проведении следственных действий с подозреваемыми и обвиняемыми, которые все чаще и более изощренно оказывают активное противодей-

ствие установлению истины по уголовному делу. Расширение в последнее время прав подозреваемых и обвиняемых, вызванное скорее популистскими мотивами, а не желанием реального обеспечения прав граждан на предварительном следствии, фактическое предоставление возможности вести защиту любыми способами, не опасаясь наступления для себя негативных последствий за откровенную ложь, обвинение в совершении преступления других лиц, без мотивного отрицания объективно установленных фактов, психологического воздействия на других участников процесса требуют от следователя очень внимательного и четкого построения линии поведения с данной категорией лиц и их представителей.

Остро стоит вопрос по обеспечению следователем права подозреваемого и обвиняемого на защиту, особенно при отсутствии у последних средств на оплату услуг адвоката. Недостаточно четкая регламентация в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР и Законе об адвокатуре порядка предоставления защитника, недостаточное финансирование оплаты услуг адвоката, участвовавшего на предварительном следствии по приглашению следователя, ведут к возникновению конфликтов как с адвокатами, так и с подозреваемыми и обвиняемыми. Кроме того, имеют место случаи, когда адвокаты, услуги которых профинансированы обвиняемыми или близкими им людьми, нередко нарушают этические нормы, не являются по вызову к следователю; срывая проведение следственных действий, умышленно затягивают сроки следствия, организуют направление жалоб в различные инстанции, применяют другие методы, вынуждая, таким образом, следователя выполнить его условия, удовлетворение которых невозможно по ряду формальных признаков.

Хотелось бы отметить, что наиболее часто конфликты и конфликтные ситуации возникают там, где нет четкого нормативного разграничения полномочий каждого участника процесса или принятые нормы не имеют экономической основы. Любая двоякость в понимании диспозиций норм как уголовного, так и уголовно-процессуального законодательства создает массу прецедентов, применение или неприменение которых в конкретной ситуации зависит в основном от правосознания конкретного лица.

Не менее остро воспринимаются следователями и факты возвращения уголовных дел на дополнительное расследование, особенно с формулировкой неполнота следствия, которая четко не регламентируется действующим законодательством и зависит в основном от субъективных оценок. Вопрос о сохранении данного

института неоднократно обсуждался на всех уровнях, однако до настоящего времени он не решен, что способствует возникновению различных конфликтных ситуаций.

Как уже отмечалось, причины возникновения конфликтных ситуаций кроются и в ненадлежащем техническом обеспечении как следственных работников, так и сотрудников других служб ОВД, работников гражданских учреждений. Не секрет, что в последнее время увеличилось количество преступлений, доказательственная база по которым строится при наличии технических, товароведческих, ревизионных исследований, которые требуют больших финансовых затрат.

Кроме того, следователь, являясь одной из центральных фигур предварительного следствия, сам фактически является незащищенным. Вся деятельность следователя по сбору доказательств становится известна обвиняемому, а также его защитнику, которые имеют право знакомиться с материалами уголовного дела на протяжении всего периода следствия, вырабатывают единую тактику, имеют возможность «поговорить со свидетелями, потерпевшим», а порой и сфабриковать доказательства. К сожалению, в настоящее время возможность противостоять такой ситуации полностью зависит только от профессиональной подготовки и индивидуальных качеств конкретного следователя.

В данной статье приведены наиболее общие конфликты и конфликтные ситуации, возникающие при производстве предварительного следствия, но, безусловно, следственная практика более многогранна. На первый взгляд, в сравнении с другими проблемами предварительного следствия, конфликты могут выглядеть несущественно, однако изучение причин «текучности» кадров в следственных подразделениях показало, что, наряду с неудовлетворенностью размером денежного довольствия, ими являются большие эмоциональные нагрузки на следователя, связанные с необходимостью постоянного разрешения конфликтов и конфликтных ситуаций, возникающих при производстве предварительного следствия.

Поэтому научное изучение данной проблемы, определение путей ее решения вызвано необходимостью качественно нового подхода к организации предварительного следствия, реального обеспечения прав всех участников процесса, внедрения в жизнь новых форм организации работы органов внутренних дел, активизацией борьбы с преступностью, закреплении кадрового аппарата следственных работников.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ КОНФЛИКТОВ И КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ

Под конфликтом принято понимать «всякое явление, относительно которого можно говорить об участниках, об их действиях, об исходах явления, к которым эти действия приводят, о сторонах, так или иначе заинтересованных в этих исходах, и о сущности этой заинтересованности»¹. Для конфликтов характерно столкновение противоположных интересов, взглядов, стремлений, серьезное разногласие. Даже поверхностное ознакомление со следственной практикой показывает типичность таких ситуаций, прежде всего когда расходятся интересы следствия и подследственного – участников ситуаций, когда их действия прямо противоположны: один стремится скрыть истину, другой – ее обнаружить, когда возможен различный результат их действий, направленных на достижение взаимоисключающих целей.

Глубокое исследование конфликтов и конфликтных ситуаций на предварительном следствии предпринял Олег Яковлевич Баев. Он является бесспорным лидером разработки этой проблематики в отечественной криминалистике. Его работы «Конфликты в деятельности следователя. Вопросы теории» (1981), «Конфликтные ситуации на предварительном следствии. Основы предупреждения и разрешения» (1984) и многочисленные статьи по различным аспектам изучения следственных ситуаций выдвинули О. Я. Баева в число ведущих отечественных ученых-криминалистов.

За прошедшие годы изучения различными учеными данной тематики были выработаны некоторые (психологические и криминалистические) средства, приемы и методы действий следователя в конфликтной ситуации. В то же время исследование проблемы конфликтов и конфликтных ситуаций на предварительном следствии продолжается, что находит свое отражение в представленном сборнике. Можно выделить основные направления таких исследований:

1. Прежде всего, это теоретическая разработка сущности конфликтов. Так, ряд авторов говорит о закономерности возникновения конфликтов в правоприменительной деятельности (Ю. Ю. Ве-

¹ Энциклопедия кибернетики. Киев, 1975. Т. 1. С. 333.

тютнев, А. С. Шириков). Другие авторы делают анализ конфликтных ситуаций, определяют причины их возникновения, развитие конфликта и его результаты, а также границы конфликтов (А. А. Закатов, Л. И. Полтавцева, Н. А. Соловьева, В. К. Соловьев, С. А. Закатов). Большое внимание уделяется проблеме противодействия (А. Н. Петрова, Р. Н. Шехавцов, Т. П. Бирюкова, П. А. Резван, С. А. Закатов), и предлагаются пути его преодоления (Е. И. Пухов, С. Г. Еремин). Дан анализ теории «бесконфликтного следствия» как искажения существующей действительности (Е. И. Замылин) и концепции примирительного (восстановительного) производства в уголовном процессе как предварительного самостоятельного этапа, предшествующего направлению дела в суд, в ходе которого происходит возмещение ущерба или заглаживание вреда иным способом в целях освобождения лица от уголовной ответственности (В. Д. Дармаева).

2. Традиционно рассматриваются конфликтные ситуации, возникающие между следователем и обвиняемым (подозреваемым) как на общетеоретическом уровне (Н. Н. Демидов, О. В. Хитрова, В. В. Семенов), так и в процессе расследования конкретных видов преступлений (А. Я. Эрекаев, Д. М. Филин, И. А. Ландин). Как правило, речь идет о ситуациях, возникающих при непризнании обвиняемым своей вины или отказе в даче показаний, причем не только на предварительном следствии, но и в ходе проведения судебно-психиатрической экспертизы (В. В. Вандыш-Бубко). Также рассматриваются и конфликтные ситуации, возникающие при признании обвиняемым своей вины, предлагаются пути их разрешения (В. Л. Будников, М. Г. Першаков). В качестве нетрадиционных путей разрешения конфликтных ситуаций предлагается использование полиграфа (А. Н. Першин, Р. И. Могутин, Е. А. Тришкина).

3. Одной из наиболее сложной является проблема разработки приемов и методов управляющих воздействий на «противника» в целях получения наибольшего выигрыша следователем. В связи с этим ученые-криминалисты изучают возможности «разжигания» конфликтов между участниками преступной группы (Р. Г. Аксенов) и их использования (В. М. Быков).

4. В ходе предварительного расследования возникают конфликтные ситуации не только с обвиняемыми и подозреваемыми, но также и с потерпевшими и свидетелями. Анализ и путям разрешения данной проблемы посвящен ряд работ, как на общетеоретическом уровне (В. А. Булатов, О. В. Медведева, В. Г. Глебов, В. Л. Будников, Э. Я. Кулиев, П. М. Филиппов, О. А. Дьячкова), так и

применительно к расследованию отдельных видов преступлений (О. Н. Смирнова, А. В. Харченко, В. Ф. Щербатов, Ю. Д. Викторов, Е. В. Кушпель, А. М. Дьячков, М. А. Рудь) и проведению отдельных следственных действий (И. В. Шевчук, Е. И. Пухов).

Следователь осуществляет свою деятельность, взаимодействуя не только с участниками уголовного процесса, но и с другими сотрудниками правоохранительных органов. Анализ данной деятельности позволяет сделать вывод о наличии конфликтов между членами следственно-оперативной группы (М. А. Шматов, В. М. Шматов, А. Н. Москаленко), следователем и прокурором (А. П. Кругликов, В. К. Соловьев), следователем и экспертом (Е. Н. Трофимов, Ю. М. Завражнов, В. В. Гордиенко, Л. О. Каткова, Л. В. Чулкова, Е. А. Зайцева, Д. В. Сердюкова), другими работниками правоохранительных органов (В. Ф. Щербатов, А. П. Большаков, О. В. Терпелец).

Проблемы конфликтов и конфликтных ситуаций, реально существующих в процессе расследования, напрямую связаны с вопросами профессионального отбора и подготовки следователей. Следователь должен быть готов действовать в экстремальных условиях, в состоянии интеллектуального и эмоционального напряжения, в обстановке, когда может возникнуть необходимость в принятии неожиданных решений, наконец, при явном или скрытом противодействии заинтересованных в исходе дела лиц. Поэтому нужно не только продолжать выработку наиболее оптимальных путей решения конфликтных ситуаций на уровне психологии и криминалистической тактики, но и внести необходимые изменения в существующее законодательство, которое в немалой степени способствует возникновению конфликтов.

А. А. Закатов

К ВОПРОСУ О КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЯХ В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

1. Деятельность следователя протекает в специфической эмоциональной обстановке, вызванной многими факторами, среди которых повышенная общественная значимость профессии; осознание ее большого воспитательного значения; наличие властных полномочий и элементов принуждения; процессуальная регламентация деятельности в сочетании с ее тактическим простором; необ-

ходимость сохранения служебной тайны; повышенная ответственность за принимаемые решения в условиях процессуальной самостоятельности; неповторимость психологической атмосферы расследования; многообразие решаемых задач; большой объем работы; дефицит времени и информации и, конечно, работа в условиях противодействия заинтересованных лиц, т. е. конфликта.

2. В последнее время вопросам понимания сущности конфликта и его преодоления уделяется существенное внимание в психологической, социологической, политологической и юридической (в частности, криминологической и криминалистической) литературе. Сформировалась специальная наука – конфликтология, как наука о противостоянии социальных групп, слоев и индивидов¹.

3. В юридической литературе отношение к конфликту долгое время (а отчасти и сейчас) было неоднозначным. Многие известные ученые (особенно М. С. Строгович) пропагандировали идею бесконфликтности следствия. Другая большая группа ученых придерживалась противоположной точки зрения, которую разделяем и мы.

Сама сущность расследования, поиска истины, изобличения виновных лиц, т. е. преодоления противодействия заинтересованных в исходе дела субъектов, заведомо предполагает наличие конфликта между противостоящими сторонами. Допрос дающего ложные показания подозреваемого, обвиняемого, лжесвидетеля, да нередко и потерпевшего, обыск у скрывающего какие-либо объекты лица неизбежно протекают в условиях конфликтной ситуации. Ну, а такое следственное действие, как очная ставка, в своей основе предполагает конфликт, т. е. устранение возникших между ранее допрошенными лицами существенных противоречий.

4. С позиций науки конфликтологии конфликт – это процесс, в котором два (или более) индивида или группы активно ищут возможность помешать друг другу достичь определенной цели, предотвратить удовлетворение интересов соперника или изменить его взгляды и социальные позиции². В уголовном процессе такими противодействующими сторонами являются правоохранительные органы, в частности следователь, и лица, привлекаемые к уголовной ответственности.

5. Как уже отмечалось, деятельности следователя по расследованию преступлений присуща большая эмоциональная насыщенность.

¹ См.: Дмитриев А. В. Конфликтология. М., 2000.

² См.: Там же. С. 54.

Прежде всего, она определяется: 1) наличием перегрузок в деятельности по расследованию преступлений; 2) непосредственной близостью к событию преступления, выражающейся в наблюдении и личном восприятии его людьми или лицами, явившимися жертвами преступления, сразу же после этого события (наблюдения их психического состояния, горя, боли, внешнего вида травм и т. п.); 3) активной деятельностью, связанной с действиями по розыску и задержанию преступника; 4) восприятием объектов, возбуждающих отрицательные эмоции (например, восприятие расчлененного трупа); 5) неожиданностью (непредсказуемостью) развития событий, интенсивным и эмоциональным поведением их участников. Нередко эти обстоятельства лежат в основе возникновения конфликтных ситуаций.

6. Возникновение конфликта неразрывно связано с появлением и развитием противоречий. Назревание и развертывание конфликта отражает кульминационный этап борьбы реальных противоположностей. Разрешение этого конфликта ведет к разрушению данного противоречивого единства с одновременным возникновением его нового качества. Начало конфликта определяется объективными (внешними) актами поведения, направленными против другого участника (конфликтующей стороны), при условии, что последний осознает эти акты как направленные против него и им противодействует. Именно таким образом возникает конфликтная ситуация между лицом, производящим расследование, и лицом, привлекаемым к ответственности.

При этом: 1) первый участник сознательно и активно действует противоположно интересам другого участника (следователь), т. е. лицо задерживается, допрашивается, перед этим против него возбуждается уголовное дело и т. д.; 2) второй участник (подозреваемый, обвиняемый и др.) осознает, что указанные действия направлены против его интересов; 3) указанные лица предпринимают ответные, активные действия, направленные против первого участника (следователя).

7. В межличностном конфликте (ситуация расследования) большое значение имеет характер восприятия конфликтной ситуации сторонами. Субъект реагирует на сложившуюся ситуацию сообразно своему характеру и взглядам. Разные люди (разные группы) оценивают одну и ту же ситуацию и реагируют на нее по-разному, порой прямо противоположно. Естественно, что проявление определенных свойств личности в конкретной ситуации способно вызвать конфликт или уберечь от него, что необходимо учитывать в ходе расследования преступлений.

8. Конечно, не следует считать, что деятельность следователя не может протекать иначе как в экстремальных условиях, неизбежно порождающих конфликты. На различных этапах этой деятельности уровень эмоциональной насыщенности может быть различен. Да и следует учитывать психологический механизм адаптации, привыкания следователя к ранее казавшимся экстремальным условиям, вызывавшим конфликт, что, однако, нельзя смешивать с профессиональной деформацией следователя.

Ю. Ю. Ветютнев

О ЗАКОНОМЕРНОМ ХАРАКТЕРЕ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОГО КОНФЛИКТА

Правовую жизнь можно рассматривать как своего рода уменьшенную копию всей общественной жизни, где соседствуют и вступают в сложное взаимодействие негативные и позитивные, закономерные и случайные явления. При этом закономерным мы считаем такое явление, которое причинно обусловлено, систематически повторяется при определенных обстоятельствах и с высокой степенью вероятности будет повторяться в дальнейшем. Такие явления вызывают наибольший интерес юридической науки; многие из них успели подвергнуться всестороннему исследованию, многие еще ждут своей очереди, а некоторые стали объектом научного анализа совсем недавно. К последним относится и юридический конфликт.

Вся сфера юридической практики, а в особенности правоприменения, является необычайно благоприятной средой для возникновения и развития конфликтов. Право и юридическая деятельность в целом имеют тенденцию формироваться именно в тех областях социальной действительности, которые более всего заряжены конфликтогенностью; происходит это в немалой степени потому, что одной из самых древних и общественно значимых функций права является урегулирование разногласий между членами общества. Чем выше уровень конфликтности в отношениях, тем сильнее потребность в авторитетной инстанции, которая бы не только уладила спор, но и смогла добиться исполнения своих решений. Отсюда правоприменитель, будь то судья или иное должностное лицо, изначально выступает своего рода «медиатором», то есть арбитром, посредником в конфликте. Однако с отделением и из-

вестным отчуждением государства и права от общества правоприменение не только начинает забывать о своей примиряющей функции, но и само становится источником дополнительных социальных конфликтов.

Применение права есть властное вмешательство компетентных органов публичной власти в общественные отношения путем издания индивидуальных предписаний на основе действующих норм права¹. Уже из этого следует очевидная возможность конфликта, поскольку участники общественных отношений далеко не всегда заинтересованы в том, чтобы их деятельность контролировалась извне и чтобы кто-то посторонний диктовал им свою волю. Это справедливо для всех форм и способов правоприменения: и для исполнительно-распорядительного (регулятивного), и для юрисдикционного (охранительного). Исполнительно-распорядительная форма правоприменения осуществляется в процессе государственного управления делами общества, когда органы власти принимают участие в организации позитивных общественных процессов, координируют деятельность по решению тех или иных социальных проблем. Конфликты здесь возможны как между звеньями государственного механизма (по причине различного видения путей социального развития, пересечения сфер компетенции и др.), так и с участием субъектов гражданского общества. Например, конфликты граждан с чиновниками имеют место на почве взаимного недоверия, вызванного недостаточной правовой культурой, непросвещенностью, стереотипностью мышления первых и бюрократизмом, равнодушием, некомпетентностью вторых². Так или иначе, основным здесь является конфликт между двумя несовместимыми моделями поведения: официально-правовой и обыденно-житейской.

Но более конфликтной является другая форма правоприменения – юрисдикционная, или правоохранительная, связанная с выявлением правонарушений и применением к виновным мер государственного принуждения. Если регулятивное правоприменение зачастую соответствует интересам гражданина и происходит по его инициативе (а конфликты вызваны лишь низкой эффективностью этого процесса), то правоохранительная деятельность всегда на-

¹ См., например: *Вопленко Н. Н.* Реализация права. Волгоград, 2001. С. 21–22.

² См., например: *Комаровский В. С., Тимофеева Л. Н.* Конфликты граждан с чиновниками: почему и зачем // *Государство и право.* 1997. № 10. С. 7–10.

правлена на лиц, которые не желают применения к ним правовых норм и готовы этому активно сопротивляться.

Конфликтность, противостояние, антагонизм являются постоянными и неотъемлемыми свойствами правоохранительной деятельности, что отражается в привычных словесных оборотах: не случайно мы требуем от правоохранительных органов именно «борьбы с преступностью», а не просто бесстрастного применения норм права. Эта же идея заложена и в названии одного из важнейших принципов современного уголовного процесса, а именно состязательности. По мнению специалистов, основное содержание состязательности заключается не только в разделении функций обвинения и защиты, но и в их активном противоборстве¹. И это естественно, поскольку ранее существовавшее положение дел, при котором защита фактически была союзником обвинения, превращало судопроизводство в пустую формальность или, того хуже, в спектакль.

Обращаясь к таким основным разновидностям юридического конфликта, как конфликт интересов, когнитивный конфликт, ложный конфликт², мы для каждого из них находим в правоприменительной деятельности объективные предпосылки. Так, в интересах правоприменителя – как можно скорее обнаружить и изобличить лицо, совершившее правонарушение; в интересах же этого лица – избежать ответственности за содеянное. Если имеется подозреваемый в правонарушении, то его интерес состоит в том, чтобы отвести от себя подозрения (независимо от того, обоснованны ли они), а интерес должностного лица, выдвинувшего подозрение, – убедительно его доказать. Случаи сближения и совпадения интересов являются скорее нетипичными (например, при подкупе следователя обвиняемым или при добровольном сотрудничестве преступника со следствием). Когнитивный конфликт, или «спор о знании», имеет место в тех случаях, когда участники правоприменительного процесса расходятся в своем представлении о каких-либо фактах либо в толковании закона. Ложным является конфликт, в котором хотя бы одна из сторон неверно оценивает обстановку в целом и действия своего противника в частности, что тоже не редкость в право-

¹ См.: Смирнов В. П. Противоборство сторон как сущность принципа состязательности в уголовном судопроизводстве // Государство и право. 1998. № 3. С. 59–61.

² См.: Кудрявцев В. Н. Юридический конфликт // Государство и право. 1995. № 9. С. 11–12.

применении. Например, к ложным можно отнести конфликт невиновного лица, ошибочно обвиняемого в преступлении, со следователем, искренне уверенным в его виновности.

Особенность юридического конфликта в том, что его необходимо не просто разрешить, а разрешить юридическими средствами, в рамках действующего права. Сделать это нелегко, поскольку природа любого конфликта такова, что ему вообще крайне трудно удержаться в каких-либо границах. Поэтому важнейшей закономерностью развития юридического конфликта является то, что он постоянно стремится утратить правовой характер и перейти в иное качество, выбыть из сферы правового регулирования, став либо обыкновенным межличностным конфликтом, либо противоправным. Именно стремление победить в борьбе часто приводит к тому, что обе стороны правоприменительного конфликта начинают с одинаковой активностью нарушать закон, в результате чего между ними стирается всякое различие.

В последнее время принято обращать внимание на позитивную сторону социальных конфликтов, которые обновляют общество, указывают на реальные общественные проблемы, позволяют их решать; однако по такой логике положительное значение болезни в том, что она позволяет принимать лекарства. На наш взгляд, напротив, конфликты следует свести к минимуму, а в идеале стремиться к бесконфликтному обществу. Ведь не всякое различие интересов само по себе образует конфликт: существуют и такие формы столкновения, как соревнование, конкуренция, в которых участники тоже борются за успех; «но действия сторон при этом позитивны, они стремятся к собственному максимальному успеху: подавление противника для них не самоцель»¹. По мнению социологов, «если в конкурентных процессах соперники пытаются опередить друг друга, быть лучше, то при конфликте делаются попытки навязать противнику свою волю, изменить его поведение или даже вообще устранить его»². Конфликт, таким образом, всегда связан с открытой враждебностью, создавая вокруг себя тяжелую психологическую и социальную обстановку. Разумеется, в глобальном смысле, как явление правоприменительной практики, конфликты совершенно неизбежны, однако в каждой конкретной ситуации конфликту можно и нужно искать альтернативу.

¹ Юридическая конфликтология / Под ред. В. Н. Кудрявцева. М, 1995. С. 8.

² Фролов С. С. Социология. М., 1997. С. 323.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ

Любая деятельность, осуществляемая людьми систематически в течение определенного времени, склонна вызывать к жизни множество конфликтных ситуаций. Эти конфликты могут быть как непосредственным результатом, так и побочным эффектом совершаемых действий. Правоприменительная деятельность в этом смысле не только не составляет исключения, но и даже выделяется среди прочих видов деятельности человека повышенной степенью конфликтности. Специфика правоприменения такова, что в ней рельефно отражаются все главные особенности человеческой природы, в числе которых особо выделяются конфликтность и противоречивость. Число противоречий в правоприменительной деятельности растет также благодаря ее познавательному и диалогическому¹ характеру.

Суть правоприменительного конфликта всегда заключается в противостоянии между правоприменителем и другим субъектом соответствующего процессуального правоотношения (гражданином, организацией или органом власти)². С внешней точки зрения такой конфликт выражается в противоречии между определенными характеристиками действительности, в нарушении канонов совершенства, в том числе и юридического³. Следует иметь в виду, что правоприменительный конфликт вовсе не обязательно имеет негативные последствия. Давно подмечено, что конфликты способствуют обновлению общества и его институтов⁴; в более прагматическом смысле конфликт (в том числе и правоприменительный) нередко позволяет быстро и окончательно разрешить возникшую проблему. Однако любой конфликт (как негативного, так

¹ См.: О диалогическом характере юридической деятельности см.: *Солодухина А. О., Солодухин О. А.* Юридический диалог. Теория и практика, круг проблем. М., 1998.

² Как подчеркивает В. Н. Кудрявцев, юридический конфликт – это всегда конфликт между личностями. См.: *Кудрявцев В. Н.* Юридический конфликт // Государство и право. 1995. № 9. С. 10.

³ Об этом см.: *Шириков А. С.* Юридическая техника и юридическое совершенство // Правовая культура в России на рубеже столетий: Матер. Всерос. конф. / Под ред. Н. Н. Вопленко. Волгоград, 1999. С. 132–135.

⁴ См.: Юридическая конфликтология – новое направление в науке («Круглый стол») // Государство и право. 1994. № 4. С. 23.

и позитивного характера) должен находиться под контролем субъекта деятельности, чем обеспечивается его эффективная нейтрализация или коррекция его хода.

В связи с этим можно выделить две группы правоприменительных конфликтов: возникающие по воле участников правоприменительной деятельности и образующиеся помимо их воли. Если первые, по существу, представляют собой особый вид управленческого воздействия на правоприменительную ситуацию, то вторые, напротив, выступают как безусловное препятствие для деятельности участников правоприменительного процесса.

Характерным примером конфликтов второго рода является конфликт, возникший вследствие нарушения требований юридической техники (под которой мы понимаем систему средств, приемов и правил подготовки и оформления правовых актов). Такой конфликт внешне может выглядеть вызванным объективными причинами (неурегулированностью или невозможностью урегулировать то или иное общественное отношение, противоречием между социальными интересами и т. д.), но в действительности является результатом технической ошибки, допущенной на одном из этапов правового регулирования. Иногда эту ошибку возможно исправить, иногда нет, однако в любом случае она вызвана неправильным или некорректным применением имеющихся правовых средств для урегулирования или разрешения той или иной жизненной ситуации. Рассматриваемые конфликты можно разделить на три группы:

1. *Конфликты, вызванные нарушением требований правотворческой техники.* Такого рода конфликты происходят в результате того, что при формулировании правовой нормы была допущена погрешность, которая делает невозможным применение нормы в том виде, в каком она, по мысли законодателя, должна была применяться. Следствием этого может быть ограничение прав определенных лиц, невозможность выполнения определенных действий и др. Разрешить конфликт, возникший по этой причине, иногда возможно путем комплексного толкования законодательства, при помощи руководящих разъяснений вышестоящих инстанций или обобщений правоприменительной практики. В ряде случаев конфликт невозможно разрешить, пользуясь действующим законодательством или практикой его применения; в качестве выхода может быть использовано обращение с запросом в Конституционный Суд РФ.

2. *Конфликты, вызванные некорректным толкованием законодательства.* Ошибки, допущенные в ходе толкования, неизбежно

сказываются на результатах правоприменительного процесса (в виде неправильной квалификации юридического дела, необоснованности принятого решения и т. п.). Возникающий в этом случае конфликт по своим результатам совпадает с описанным выше, однако важно иметь в виду, что возникает он по вине субъекта правоприменительной деятельности. Это означает, что разрешить конфликт можно, представив правильное толкование соответствующих правовых норм. Разновидностью этого конфликта является противопоставление толкованию контртолкования, то есть другого варианта толкования той же самой нормы. В таком случае средства разрешения конфликта лежат в логической плоскости; успешность нейтрализации конфликта зависит от того, будет ли обосновано истинное толкование и будет ли оно принято за основу при разрешении дела.

3. *Конфликт, вызванный погрешностями техники правоприменительных актов.* В данном случае применяемые нормы права не содержат погрешностей, а толкование их произведено верно. Однако акт, оформляющий результаты правоприменения, составлен с ошибками, которые, нарушая интересы каких-либо лиц, и влекут возникновение конфликта. Из всех трех описанных видов конфликтов этот представляет наименьшую опасность; для его разрешения заинтересованному лицу, как правило, достаточно обратиться в орган, вынесший решение, и указать на недостатки правоприменительного акта¹. Поскольку данный вид конфликта основан не на неверном умозаключении субъекта правоприменения, а лишь на небрежности, и не содержит реального противоречия в интересах сторон, он может быть отнесен к ложным конфликтам².

Рассмотренные нами виды конфликтов, разумеется, не охватывают все множество конфликтных ситуаций, возникающих в правоприменительной деятельности. Совершенно в иной плоскости лежат, например, конфликты, вызванные противоречием между требованиями законности и справедливости, между границами правоприменительного усмотрения и особенностями конкретной ситуации. Однако изучение любого из этих конфликтов представляет несомненную ценность для формирования общей картины конфликтов, возникающих в ходе правоприменения, которая может стать одной из отправных точек для совершенствования этого процесса.

¹ См., например, ст. 204–205 ГПК РСФСР.

² См.: Кудрявцев В. Н. Указ. соч. С. 12.

**О ВЛИЯНИИ ГРАНИЦ КОНФЛИКТОВ,
ВОЗНИКАЮЩИХ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ, НА КАЧЕСТВО ДОКАЗАТЕЛЬСТВ**

Как известно, многие следственные действия (допрос, обыск, проверка показаний на месте, следственный эксперимент), проводимые в ходе расследования преступлений и являющиеся средствами собирания доказательств, сопряжены с конфликтами, возникающими в процессе их осуществления.

Чтобы точнее уяснить природу конфликта, а следовательно, выработать наиболее эффективные пути его преодоления, необходимо определить его границы, т. е. внешние пределы конфликта в пространстве и во времени.

1. Можно выделить три аспекта определения границ конфликта: пространственный, временной и внутрисистемный.

2. Пространственные границы конфликта обычно определяются территорией, на которой происходит конфликт. Четкое определение пространственных границ конфликта имеет важное значение на предварительном следствии, что тесно связано с проблемой участников конфликта: следователь и обвиняемый (подозреваемый). Полагаем, что для того чтобы избежать возникновения конфликта или сгладить его остроту, следователь, планируя производство следственного действия, должен правильно решить вопрос о месте его проведения. В зависимости от вида расследуемого преступления, от категории допрашиваемых лиц (обвиняемый, свидетель, потерпевший), а также от индивидуальных свойств личности (пол, возраст, психологические, соматические и иные особенности) следователь может провести допрос или очную ставку: а) в своем кабинете; б) по месту жительства допрашиваемого; в) по месту работы или учебы допрашиваемого; г) у знакомых и родственников допрашиваемого. Правильное решение этого вопроса может пресечь возможный конфликт, что, в свою очередь, будет способствовать наиболее полному и всестороннему исследованию обстоятельств дела.

3. Временные границы – это продолжительность конфликта, его начало и конец. От того, считать конфликт начавшимся, продолжающимся или уже закончившимся, зависят, в частности, действия

следователя, которые будут направлены либо на предупреждение, либо на преодоление возникшего конфликта.

4. Начало конфликта определяется объективными (внешними) актами поведения, направленными против другого участника, при условии, что последний (следователь) осознает эти акты как направленные против него и интересов следствия и им противодействует. Это означает, что конфликт будет признан начавшимся, если: а) допрашиваемый сознательно и активно действует в ущерб следователю; при этом под действиями понимаются как физические действия (например, отказ лица выдать искомую вещь при обыске; отказ лица совершить определенные действия в ходе следственного эксперимента или проверки показаний на месте, а также умышленное их искажение), так и передачу информации (сознательное утаивание определенных сведений о преступлении, о лицах, о мотивах в ходе проведения допросов и очных ставок, а также дача заведомо ложных показаний); б) следователь осознает, исходя из имеющихся в деле материалов, что указанные действия допрашиваемого направлены против интересов расследования; в) следователь предпринимает ответные активные действия против допрашиваемого, направленные на преодоление конфликта; эти действия могут выражаться в применении следователем определенных тактических приемов проведения отдельных следственных действий (предъявление доказательств, убеждение и т. д.).

5. Вышесказанное означает, что, если действует только один участник (например, следователь, враждебно настроенный к обвиняемому или другому участнику уголовного процесса, или же, наоборот, занявший пассивную позицию по отношению к последним) или участниками производятся лишь мыслительные операции (планирование поведения, обдумывание образа действий, прогнозирование хода будущего конфликта и т. п.), говорить о наличии конфликта неправомерно. В самом деле, ситуацию, в которой действует (пусть даже агрессивно) лишь одна сторона, а вторая ведет себя пассивно (следователь), назвать конфликтной еще нельзя. Возможно следователь или обвиняемый (либо другое лицо, вовлеченное в уголовный процесс) признает эти действия правильными: он может опасаться противодействовать второму участнику и подчиняться ему или же им руководят какие-то иные соображения.

6. Как бы то ни было, мысленные действия, никак не выраженные внешне, не являются элементом начавшегося конфликта, под

которым понимается фактическое, а не воображаемое противоборство сторон.

7. Сказанному, однако, не противоречит предложенное некоторыми специалистами выделение латентной (скрытой) стадии развития конфликта, а точнее, стадии, предшествующей открытому конфликту, которая включает планирование будущих операций и подготовку к ним.

8. Завершение конфликта также неоднозначно. Конфликт может быть исчерпан (например, следователь, применив тактические и психологические приемы проведения отдельных следственных действий, убедил вторую сторону в целесообразности дачи правдивых показаний), но может прекратиться выходом из конфликта одной из сторон (например, подозреваемый или свидетель отказываются от дачи показаний, ссылаясь на ст. 51 Конституции РФ).

9. Возможно пресечение развития и прекращение конфликта в результате вмешательства третьих лиц (например, привлечение к производству некоторых следственных действий специалистов в области психологии, психиатрии, судебной медицины и т. д., переводчиков, законных представителей). Это обстоятельство также должно учитываться следователем при планировании расследования. Таким образом, окончанием конфликта нужно считать прекращение всех действий сторон, независимо от причины, по которой они имели место.

10. Внутрисистемный аспект развития конфликта заключается в том, что всякий конфликт происходит в определенной системе. Внутрисистемные связи сложны и многообразны. Конфликт между сторонами, входящими в одну систему, может быть глубоким, обширным или частным, ограниченным. Определение внутрисистемных границ конфликта тесно связано с четким выделением конфликтующих сторон из всего круга его участников. Кроме непосредственно конфликтующих сторон, участниками конфликта могут быть и такие фигуры, как подстрекатели, пособники конфликта (сами в нем непосредственно не замешанные). К последним, в частности, могут быть отнесены друзья, родственники, сослуживцы обвиняемых (подозреваемых) и свидетелей (потерпевших), а также иные лица, по каким-либо причинам не заинтересованные в установлении истины по уголовному делу. Все эти лица – элементы системы. Границы конфликта в системе зависят, таким образом, от того, насколько широк круг вовлеченных в него участников.

Таким образом, следователь должен знать пространственные, временные, внутрисистемные границы конфликтов, возникающих на предварительном следствии, для того чтобы умело воздействовать на происходящие процессы, своевременно и эффективно пресекать и прекращать начавшиеся конфликты.

Е. И. Замылин

КОНФЛИКТ И КОНФЛИКТНАЯ СИТУАЦИЯ КАК СЛЕДСТВИЕ НЕПРАВОМЕРНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ ЛИЦ

1. Отсутствие процессуального механизма обеспечения безопасности лиц, содействующих правосудию, во многом определяет характер взаимоотношений следователя и конкретного участника уголовного процесса, формирует следственную ситуацию. В практике расследования преступлений в зависимости от ситуации на момент проведения следственных действий с участвующими в них лицами у следователя складываются определенные отношения, носящие бесконфликтный или конфликтный характер.

В основе любого конфликта лежит ситуация, которая включает в себе противоречие между интересами взаимодействующих сторон; именно оно не позволяет решить в позитивном плане проблему, стоящую перед каждой из сторон в отдельности. В то же время, как считает О. Я. Баев, чтобы взаимодействие носило конфликтный характер, оно должно быть осмыслено, воспринято как конфликтное хотя бы одной из указанных сторон¹.

2. Особенно наглядно конфликтная ситуация проявляется на предварительном следствии, когда взаимодействующие индивиды (следователь и недобросовестный участник уголовного процесса) преследуют несовместимые цели или способы достижения этих целей, когда участник следственного действия, преследуя свои интересы, не только скрывает информацию, которой обладает, но и умышленно ее искажает, вводя следствие в заблуждение. А в итоге – напряженность отношения между взаимодействующими сторонами препятствует успешному решению проблемы установления истины в процессе расследования.

¹ См.: Баев О. Я. Конфликтные ситуации на предварительном следствии. Воронеж, 1984. С. 59.

3. В юридической литературе существует и «теория бесконфликтного следствия», согласно которой конфликтная ситуация, как таковая, отрицается. Авторы¹, аргументируя свои доводы в основном ссылками на этические, моральные стороны предварительного расследования, не считают должным вникать в сущность конфликта, оставляют в стороне (опускают в своих рассуждениях) объективный характер конфликта, его природу и происхождение. В частности, И. Ф. Пантелеев и А. Ф. Савкин, не отрицая в целом случаи недобросовестного поведения участвующих в уголовном процессе лиц, считают, что концепция допроса как борьбы, конфликта неизбежно порождает обвинительный уклон в расследовании по делу, проникновение в уголовный процесс несвойственных ему методов².

С этим нельзя согласиться. Идея «бесконфликтного следствия» ставит под сомнение не только существование конфликтной ситуации, но и необходимость разработки тактических и психологических средств ее преодоления, а соответственно, вместо активизации борьбы с преступными проявлениями она способствует снижению качества расследования конкретных преступлений, «разоружает следствие», следователь же может превратиться в стенографиста, просто фиксирующего то, что ему сообщат, а противная сторона получит возможность для противодействия³. Правоприменительная деятельность в области уголовного судопроизводства – это борьба, порой непримиримая, между следователем и недобросовестным участником процесса. Именно в ходе этой борьбы от следователя требуются соответствующий уровень подготовки и навыки работы в конфликтных ситуациях.

4. В криминалистике разработана классификация конфликтных ситуаций⁴, которая, отражая основные моменты проведения следственных действий в условиях конфликтной ситуации, отвечает предъявляемым требованиям. Однако, если брать в целом, данная классификация рассматривает проблему конфликтной ситуации в

¹ См.: Любичев С. Г. Этические основы следственной тактики. М., 1980. С. 12–13; Строгович М. С. Признание обвиняемым своей вины в качестве судебного доказательства // Сов. государство и право. 1982. № 4. С. 71; Ларин А. М. Криминалистика и паракриминалистика. М., 1996. С. 108.

² См.: Пантелеев И. Ф., Савкин А. Ф. Тактика допроса // Криминалистика. М., 1993. С. 380–381.

³ См.: Белкин Р. С. Курс криминалистики: В 3 т. М., 1997. Т. 3. С. 150; Чуфаровский Ю. В. Юридическая психология. М., 1998. С. 79 и др.

⁴ См.: Кулагин Н. И., Порубов Н. И. Организация и тактика допроса в условиях конфликтной ситуации. Минск, 1977. С. 7.

ходе конкретного следственного действия с участием, как правило, той категории участников процесса, которые имеют намерение из «личных интересов» вступить в конфликт со следователем. При этом надо признать, что Н. И. Кулагин и Н. И. Порубов хотя и касаются проблем угроз и шантажа в адрес свидетелей, но посредством этого акцентируют внимание лишь на конфликте с обвиняемым, который совершает указанное противодействие расследованию. Вопрос же о конфликте следователя со свидетелем (потерпевшим), который нашел выражение как следствие неправомерного воздействия заинтересованных лиц в предложенной классификации конфликтных ситуаций, как нам представляется, не рассматривается.

Требования сегодняшнего дня вносят определенные коррективы: необходимо более тщательно подходить к изучению противоборствующей стороны, выявлять причину противостояния. Сущность данной проблемы заключается в том, что довольно часто субъект (конкретный участник уголовного процесса) вступает в конфликт со следователем под воздействием третьих лиц. Это особый вид конфликта.

5. Как показывает проведенное исследование, подобная ситуация далеко не всегда говорит о «криминализации» участника следственного действия, его предубеждении в отношении правоохранительных органов или корыстных интересах, что предполагает целенаправленные действия по введению следователя в заблуждение, как результат предварительного сговора с лицами, заинтересованными в исходе дела. Нередко лжесвидетельство выступает как следствие неправомерного воздействия заинтересованных лиц на участников процесса (независимо от их статуса) посредством угроз, физического или психического насилия; те, в свою очередь, опасаясь за свою безопасность, за жизнь и здоровье близких, вынуждены давать показания, не соответствующие действительности, или вообще уклоняться (отказываться) от участия в уголовном процессе.

6. Следователю приходится «бороться» за информацию по делу, а психологическая борьба в ходе взаимодействия сторон в обязательном порядке предполагает психологическое воздействие: следователь, решая поставленные перед ним задачи, посредством воздействия на психику участника следственного действия, стремится убедить его отказаться от неверной позиции и дать правдивые показания по существу дела, в целесообразности сотрудничества со следствием, в действенности мер, которые будут приняты

правоохранительными органами в целях обеспечения его безопасности.

7. В юридической литературе существует мнение, которое рассматривает психологическое воздействие как аморальное и противоправное, как психическое насилие над участником процесса, в силу того, что оно якобы лишает допрашиваемого возможности выбора собственной линии поведения, а соответственно, требует его исключения из числа методов, применяемых на допросе¹.

Вряд ли данное мнение следует считать правильным. В процессе общения индивидов в повседневной деятельности, а тем более в ходе расследования, психологическое воздействие является закономерным фактором: в одном случае оно происходит в определенной степени произвольно, например в ходе ознакомительной беседы, в другом – носит со стороны следователя целенаправленный характер, преследуя цель получения достоверных показаний.

8. Грань между психическим насилием и психологическим воздействием определяется наличием свободы выбора. При насилии допрашиваемый существенно ограничен или вовсе лишен возможности выбора для себя линии поведения. В отличие от насилия правомерное психическое влияние само по себе не диктует конкретного действия, не требует показания того или иного содержания, а, вмешиваясь во внутренние психические процессы, формирует правильную позицию допрашиваемого, сознательное отношение к своему поведению и лишь опосредованно приводит его к выбору определенной линии действия².

9. По мнению специалистов в области судебной психологии³, психологическое воздействие всегда имеет место в процессе предварительного расследования; это, как правило, воздействие на обвиняемого, подозреваемого, свидетеля, потерпевшего. Известно, что в практической деятельности расследование конкретных уголовных дел сопряжено с большими трудностями, поскольку позна-

¹ См.: *Харазисвили Б.* Рецензия на работу А. Р. Ратинова «Судебная психология для следователей» // Сов. юстиция. 1968. № 9. С. 29; *Строгович М. С.* Судебная этика, ее предмет и сущность // Сов. государство и право. 1971. № 12. С. 91; *Пантелеев И. Ф.* Ошибочные рекомендации в теории уголовного процесса и криминалистики // Соц. законность. 1974. № 7. С. 54; и др.

² Об этом см.: *Ратинов А. Р., Ефимова Н. И.* Психология допроса обвиняемого. М., 1988. С. 94–95.

³ См.: *Дулов А. В.* Введение в судебную психологию. М., 1970. С. 136–147; *Васильев В. Л.* Юридическая психология. М., 1991. С. 15; *Чуфаровский Ю. В.* Юридическая психология. М., 1998. С. 78–79 и др.

ние их обстоятельств осуществляется ретроспективно, при весьма интенсивном противодействии заинтересованных лиц. В нашем случае психологические методы воздействия призваны блокировать неправомерное воздействие заинтересованных лиц.

10. Чтобы следователь мог решать проблемы установления истины по делу, он вправе и даже обязан в ходе расследования оказывать психологическое воздействие на недобросовестных участников уголовного процесса. Так, в ходе допроса, имеющего в своей основе конфликтную ситуацию, участник следственного действия, выдавая ложь за истину, переживает своеобразный внутренний конфликт: в его сознании происходит борьба различных чувств и мотивов, выражающаяся в решении мыслительной задачи – какие показания для него наиболее благоприятны и выгодны? Недобросовестный допрашиваемый опасается быть уличенным во лжи, а соответственно, и наступления в результате этого нежелательных для него последствий. В этот момент, момент внутренней психологической борьбы, следователь не имеет права проявлять безразличие, он должен своими активными действиями побуждать участника уголовного процесса к выбору той линии поведения на допросе, которая наиболее выгодна для установления истины по делу.

В этом, отчасти, и заключается сущность тактики допроса, умелое применение разработок которой лишает недобросовестного допрашиваемого возможности осуществить намерения по умолчанию о важных обстоятельствах по делу или исказить их.

Л. И. Полтавцева

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ

Конфликты и конфликтные ситуации на предварительном следствии – одна из тех проблем теории и практики криминалистики, решение которой возможно на основе интеграции психологических и криминалистических научных знаний. Жесткие условия все возрастающего противодействия расследованию, в которых ведется борьба с преступностью в настоящее время, обуславливают частоту встречаемости конфликтных следственных ситуаций, делают их практически неизбежными. Последним в криминалистике уделяется значительное внимание: описаны признаки конфликтной ситуации, разрабатываются рекомендации по использованию специальных

тактических приемов производства следственных действий в условиях конфликта. В свою очередь, в психологии разработаны теоретические основы и конкретные рекомендации по организации бесконфликтного взаимодействия, различные стратегии преодоления конфликтов. Безусловно, интерпретация данных психологии в контексте целей и задач предупреждения и преодоления конфликтных ситуаций на предварительном следствии может и должна способствовать эффективности этих процессов.

Не останавливаясь подробно на самом понятии конфликта, считая, что уже на бытовом уровне каждый человек сформировал свое собственное и практически верное представление о конфликте как о противоположности интересов и противостоянии, рассмотрим основные причины конфликтов: знание причины определяет эффективность методов борьбы с ее следствием.

Причины конфликтов, наиболее часто возникающих на предварительном следствии, могут быть определены как внутриличностные и межличностные. Первая категория причин включает проблемы отдельной личности, затрудняющие ее взаимодействие с другими людьми, например неадекватная, чаще заниженная самооценка; проблема «выбора» равнозначных целей поведения или «уклонения» от одинаково нежелательных последствий. В данном случае весьма эффективными нам представляются рекомендации, «адресованные» самооценке, а именно «обращение к позитивным качествам личности», а также воздействия на интеллектуальную сферу, объясняющие нежелательные последствия поведения, помогающие разрешить внутриличностный конфликт целей.

Причинами межличностных конфликтов являются взаимоисключающие ценности, цели и задачи взаимодействующих. Конфликты именно этой природы часто встречаются в процессе расследования преступлений. В данном случае речь идет об антагонизме сформировавшихся позиций, а не о заблуждениях или сомнениях отдельной личности, нуждающейся в помощи в разрешении ее внутреннего конфликта. Иными должны быть и методы преодоления конфликта. Психология предлагает три стратегии: борьбы, игры и дебатов.

В «борьбе» конфликт считается разрешенным в случае «уничтожения» противника путем унижения, угроз, подавления, вплоть до физического устранения. Данная стратегия абсолютно неприемлема для сотрудников правоохранительных органов, тем не менее используется против них самих.

В «игре» противник должен быть побежден по определенным правилам. Заканчивается конфликт тогда, когда и самому противнику, и окружающим становится ясно – кто побежден. В преодолении конфликтной ситуации на предварительном следствии жесткими правилами выступают нормы УПК. Противник вынужден признать свое поражение в результате предъявления доказательств, опровергающих его позицию.

В «дебатах» конфликт разрешается не победой над противником, а его переубеждением. Реализации этой наиболее сложной стратегии способствуют непредвзятое отношение следователя, открытость его позиции и «авансированное» доверие.

С. А. Закатов

КОНФЛИКТНЫЕ СИТУАЦИИ НА ДОПРОСАХ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ В ЦЕЛЯХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ РОЗЫСКА

1. Одним из эффективных средств осуществления розыскной деятельности следователя в ходе расследования преступлений является допрос различной категории лиц (свидетелей, потерпевших, соучастников скрывшихся обвиняемых), который нередко проводится в ситуации возникшего конфликта.

2. Тактика допроса во многом зависит от наличия или отсутствия конфликтной ситуации между допрашивающим и допрашиваемым. Под конфликтом в общепринятом значении понимается столкновение, соперничество противоположных интересов, взглядов, стремлений.

3. Для управления конфликтными ситуациями на допросах и их преодоления необходимо четко представлять их психологическую сущность. Характеризуя конфликт, нужно различать его внешнюю и внутреннюю стороны. С внешней стороны конфликт проявляется как противодействие, соперничество двух сторон: следователя и допрашиваемого. С внутренней стороны конфликт представляет собой соотношение различных информационных систем, определенную взаимосвязь субъектов, принимающих, сообщающих и использующих информацию друг о друге. Соответственно этому конфликтные ситуации подразделяются на явные и скрытые. В первом случае допрашиваемый не скрывает своего антагонизма по отношению к следователю и целям установления разыскиваемого лица,

во втором случае направленность его намерений тщательно маскируется.

4. К факторам, побуждающим возникновение конфликта, относятся:

а) реальная угроза ущемления или неудовлетворения личных интересов субъекта (угроза привлечения допрашиваемого к уголовной ответственности, обнаружение разыскиваемого лица и т. п.). Сюда же относится и защитная позиция или сопротивление на действия оппонента (в частности, следователя, противостоящего допрашиваемому в конфликте);

б) ошибочное приписывание следователю необъективной позиции, направленной против допрашиваемого. Возникновению такого заблуждения нередко способствуют тактические ошибки со стороны следователя и его двусмысленные высказывания;

в) психологическая непереносимость (идиосинкразия) оппонентов, основанная на предвзятом отношении к свойствам или поведению человека.

Указанные факторы могут существовать изолированно или в различных сочетаниях.

5. В условиях судопроизводства допустим лишь конфликт с его одним участником – допрашиваемым. Исключение составляет очная ставка, где конфликт (нередко при сознательном допущении следователем) возникает между двумя одновременно допрашиваемыми лицами. Сам же следователь не должен позволять втягивать себя в конфликтные отношения.

6. Момент перехода от состояния готовности к реализации конфликта трудно предсказуем. Он зависит от особенностей личности участников взаимодействия, обстановки следственного действия и участия в нем третьих лиц, уровня прогнозирования соперником последующих событий и т. д.

7. Развитие начавшегося конфликта (его реализация) может протекать разными способами: а) поступательное, логическое («игровое») развитие. Соперничающие стороны как бы поочередно делают ходы, приводящие к наступлению конфликта. Поступки конфликтующего допрашиваемого сохраняют связь с ситуацией; б) бурное, лавинообразное развитие конфликта. В этом случае поступки конфликтующего допрашиваемого стремительны, прямолинейны. Они резко набирают силу, приобретают неуправляемый характер, теряют связь с вызвавшей их причиной и не соответствуют ей по масштабам. Конфликт быстро достигает максимума, за которым следует спад;

в) взрывное развитие конфликта. Оно приближается к лавинообразному, но проходит еще острее. Ему свойственно мгновенное достижение максимума, разрушительность, завершенность.

8. Любая конфликтная ситуация находит свое логическое завершение. Возможны следующие результаты острых конфликтов: а) полное разрешение, угасание конфликта; б) спад конфликта, переход его в хроническое состояние; в) возврат к состоянию готовности конфликта.

9. Надвигающийся конфликт легче предотвратить, чем пресечь. В целях профилактики конфликтных ситуаций на допросах применимы следующие положения: а) соблюдение объективности со стороны следователя по отношению к допрашиваемому и анализируемым материалам дела, а также проявление в допустимых случаях целесообразной уступчивости; б) ясность и доброжелательность со стороны допрашивающего; в) самообладание следователя и сохранение с допрашиваемым необходимой дистанции.

10. К способам преодоления конфликтных ситуаций можно отнести следующие: а) благоприятствование свободному развитию конфликта и завершению реакции (в случаях, когда конфликт на допросе предотвратить не удалось; при его лавинообразном и взрывном развитии целесообразно дать допрашиваемому выговориться, завершить аффективную вспышку, а затем постановкой вопроса в спокойной форме и демонстрацией в необходимых случаях доказательств убедить его в необходимости дать достоверные показания); б) пресечение конфликта (при любой его форме развития, если конфликтная ситуация грозит срывом следственному действию или нарушением нормальной работы учреждения, следователь может, проявляя свои властные полномочия, потребовать от допрашиваемого изменить свое поведение на нормальное или прервать допрос); в) разъединение конфликтующих (этот способ применим в случае проведения очных ставок и сводится к временной изоляции допрашиваемых друг от друга до восстановления нормальной обстановки); г) посредничество в конфликте третьего лица (педагога, переводчика, прокурора, руководителя бригады следователей и т. п.).

Таким образом, умение следователя предупредить или преодолеть конфликт на допросе является действенным средством установления с допрашиваемым психологического контакта и тем самым достижения розыскных целей.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СУЩНОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Одним из основных условий успешной борьбы с преступностью является совершенствование качества работы органов расследования. Между тем значительная часть преступлений остается нераскрытой из-за активного противодействия органам расследования, которое в последнее время проявляет устойчивую тенденцию к возрастанию. Такая тенденция обуславливается несколькими обстоятельствами: а) все возрастающим правовым нигилизмом граждан, значительная часть которых к правонарушителям относится сдержанно, равнодушно, а иногда и доброжелательно; б) невысоким профессионализмом сотрудников правоохранительных органов, их неготовностью раскрывать и расследовать сложные уголовные дела (об этом говорит хотя бы тот факт, что около 53 % следователей МВД не имеют высшего юридического образования и примерно 50 % имеют стаж работы менее трех лет); в) недоверием населения к органам расследования; г) коррумпированностью отдельных сотрудников; д) отсутствием правовой базы для организации действенных мер по преодолению противодействия органам расследования.

Рассматривая такое понятие, как противодействие расследованию, нельзя не обратиться к анализу филологической сущности термина «конфликт». «Конфликт, – пишет К. Боулдинг, – может быть определен как ситуация конкуренции, в которой стороны понимают потенциальную несовместимость позиций и в которой каждая сторона стремится занять позицию, несовместимую со стремлением другой стороны»¹. Авторы Большой Советской Энциклопедии под конфликтом понимают «столкновение противоположных интересов, взглядов, стремлений; серьезное разногласие, острый спор, влекущие за собой более сложные формы борьбы»². С. И. Ожегов считает, что «конфликт – это столкновение, серьезное разногласие, спор», а «противодействовать» – значит «препятствовать, бороться против кого-чего-нибудь»³. По В. Далю, слово «противодействовать» рав-

¹ Boulding K. E. Conflict and Defence: General Theory. N.V., 1962. С. 42.

² Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. Т. 22. М., 1955. С. 135.

³ Ожегов С. И. Словарь русского языка. 7-е изд. М., 1968. С. 252, 541.

нозначно смыслу слова «перечить», мешать и стараться уничтожить другое действие»¹.

Анализ приведенных определений позволяет заключить, что «конфликтовать» – значит противодействовать, мешать другой стороне добиться противоположных целей, уничтожить результат действия, исходящего от соперника.

Рассматривая понятие «противодействие расследованию», приведем определение В. Н. Карагодина: «Противодействие предварительному расследованию – умышленные действия (система действий и бездействия), направленные на воспрепятствование установлению объективной истины по уголовному делу и достижению других задач предварительного расследования»². На наш взгляд, эта дефиниция наиболее полно и точно отражает сущность рассматриваемого явления.

Отметим, что несмотря на определенные различия терминов «противодействие» и «конфликт» с точки зрения филологии и криминалистики, оба они выражают направленность субъекта на создание помех деятельности следователя по установлению истины.

На предварительном следствии конфликт, противодействие обуславливаются возникновением резкого несоответствия установок, мотивов и действий противоборствующего лица задачам следствия, которое нарушает нормальное взаимодействие этого лица со следователем. Задача последнего – снять конфликт, преодолеть противодействие, получить от противоборствующего лица информацию, наиболее правдиво освещающую факты, представляющие интерес для расследования.

Подчеркнем, что противодействие предварительному расследованию в конечном итоге всегда обращено к органам дознания или следствия, хотя может начинаться еще до начала расследования и продолжаться после его окончания. При направлении уголовного дела в суд и нахождении дела в суде противодействие органам расследования переходит в противодействие суду и приобретает свои отличительные признаки. Противодействие не всегда направлено против конкретных лиц, осуществляющих предварительное следствие. Часто субъект даже не знает конкретного сотрудника органа расследования,

¹ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. СПб; М., 1981. С. 1358.

² *Карагодин В. Н.* Основы криминалистического учения о преодолении противодействия расследованию: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992. С. 16.

который будет его «оппонентом» и не имеет какого-либо представления о действиях и намерениях лица, ведущего следствие. В таких случаях он использует общие представления о возможной деятельности органов внутренних дел¹.

Ситуация без противодействия следствию характеризуется отсутствием или небольшим числом препятствий к выполнению следственного действия, полным или частичным совпадением главных интересов участников процесса в деятельности по установлению истины. Такие совпадения целей бывают, например, при допросе следователем добросовестного (законопослушного) свидетеля, когда и следователь, и свидетель стремятся как можно объективнее познать расследуемое событие. Ситуации же противодействия возникают тогда, когда недобросовестные свидетели, потерпевшие, подозреваемые, обвиняемые или иные лица по различным причинам заинтересованы в неправильном, необъективном восприятии события следователем. Противодействие может быть оказано по любому преступлению, совершенному как умышленно, так и неосторожно, и выражаться в самых различных формах. Различны и субъекты противодействия: организаторы, исполнители преступлений, их родственники и близкие, должностные лица государственных и общественных структур, свидетели и потерпевшие, сотрудники правоохранительных органов, эксперты и ревизоры, специалисты и другие привлекаемые к расследованию лица.

Анализ следственной практики убеждает, что иногда даже конфликты «мягкой формы» исключают взаимодействие сторон и их общение по законам логики. Участники таких ситуаций отстаивают различные интересы и разными средствами. Независимо от силы аргументов, каждый из них (особенно тот, кто конфликтует со следователем) долго, а то и на весь период расследования, сохраняет свои позиции. Объективность восприятия, логичность мышления, продуманность действий уступают место мнительности, необоснованному воображению и эмоциям. В таких случаях добывать и использовать доказательства, устанавливать объективную истину сложно. Проблема принятия в таких экстремальных условиях обоснованных, оптимальных решений, рассчитанных на перспективу и учитывающих требования следственной практики, относится к числу наиболее актуальных и сложных, тем более что преступность в России приобретает все более опасные формы: организуется в

¹ См.: Карагодин В. Н. Указ. соч. С. 15.

банды, вооружается, повышает свою техническую оснащенность, внедряется в органы власти и управления, имеет практически неограниченные финансовые возможности.

Р. Н. Шехавцов

ХАРАКТЕРИСТИКА ЭЛЕМЕНТОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Противодействие расследованию справедливо признается в качестве вида преступной деятельности¹, и как любой другой вид человеческой деятельности оно представляет собой систему взаимодействующих между собой субъективных и объективных элементов, характеризующих его внутреннюю и внешнюю сторону², которые требуют своего определения и раскрытия с позиций криминалистики и юридической психологии.

К субъективным элементам относятся:

Субъект противодействия. В качестве такового могут выступать лица, участвующие в расследовании: подозреваемый, обвиняемый, свидетель, потерпевший, эксперт, специалист, а иногда и защитник; лица, осуществляющие, контролирующие надзорные функции за ходом расследования: руководители следственных и оперативно-розыскных подразделений правоохранительных органов, работники прокуратуры; коррумпированные должностные лица органов государственной власти; представители средств массовой информации, политических партий, движений, общественных организаций; родственники, знакомые лиц, участвующих в расследовании; члены организованных преступных формирований.

Мотив. Как писал А. Н. Леонтьев, «деятельности без мотива не бывает»³. Потребность в удовлетворении лицом своих личных интересов, приобретая побудительную, направляющую силу деятельности, становится ее мотивом. В качестве таковых при оказании противодействия расследованию выступают мотивы личной безопасности, корысти, неприязненного отношения к правоохранительным органам или лицам, участвующим в процессе расследо-

¹ См.: Кузьмичов В., Москвін Ю. Криміналістичне вивчення злочинної діяльності // Право України. 1999. № 5. С. 65.

² См.: Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Основы теоретической психологии: Учеб. пособие. М., 1999. С. 275–288.

³ Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С. 82.

вания. Условия возникновения данных мотивов весьма разнообразны. Так, мотив личной безопасности может возникать не только у преступников, стремящихся избежать уголовной ответственности, но и у потерпевших, свидетелей, иных участников расследования, когда, например, на них самих или членов их семей оказывается физическое воздействие для побуждения к отказу от ранее данных ими показаний. Корыстный мотив влияет на принятие решений об оказании воздействия на результаты расследования у коррумпированных должностных лиц. Мотивы неприязненного отношения к правоохранительным органам или к лицам, участвующим в расследовании, могут быть результатом выработки жизненной позиции лица по отношению к ним и т. д. Указанные мотивы являются результатом воздействия различных внутренних и внешних факторов, обретающих свое воплощение в каждом конкретном случае их образования.

Цель – это осознанный образ предвосхищаемого результата, на достижение которого направлено действие лица¹. Процесс целеобразования при противодействии расследованию заключается в постановке общей цели, препятствовании процессу установления объективной истины о преступлении и (или) разделении ее на промежуточные (частные) для каждого акта противодействия.

Умысел – выступает в качестве объединяющего элемента мотивов и целей деятельности противодействующего субъекта. Находясь в состоянии психической напряженности, вызванной угрозой привлечения к ответственности (уголовной, административной, гражданской, дисциплинарной), оказываемым на него воздействием со стороны других лиц, непреодолимым желанием обрести материальные и иные блага, лицо осознанно принимает решение о совершении деяний, направленных на недопущение установления объективной истины, конкретизирует непосредственные цели и выбирает способ их достижения.

Противодействия расследованию нет, когда лицо, обладающее информацией о событии преступления, добросовестно заблуждаясь об истинном характере и содержании имевших место событий, не будучи подвергнутым воздействию со стороны заинтересованных лиц, сообщает эту информацию лицам, ведущим расследование. Движимое стремлением помочь правоохранительным органам, оно

¹ См.: Краткий психологический словарь / Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. Ростов н/Д, 1998. С. 434.

при данной ситуации не может знать о ее недостоверности и предполагать о наступлении негативных последствий своих действий.

Объективными элементами противодействия являются:

Объект противодействия, под которым понимается регламентированные уголовно-процессуальным законом правоотношения по установлению объективной истины о событии преступления. Воздействие на них осуществляется посредством оказания непосредственного влияния на физических лиц (потерпевших, свидетелей, подозреваемого, обвиняемого, эксперта, специалиста, оперативного работника, дознавателя, следователя, их руководителей, прокурора, членов их семей) и на материальные носители доказательственной информации (орудия, средства, следы совершения преступлений).

Способ противодействия – действие или бездействие, осуществляемое для сокрытия, изменения, ликвидации доказательственной информации, склонения других лиц к совершению таких деяний.

Место и время совершения противодействия, к которым относится место и время совершения преступления, производства следственного действия, оказания воздействия на носителей доказательственной информации.

Четкое представление лицом, осуществляющим расследование содержания каждого из приведенных элементов противодействия, возможных изменений их качественных и количественных характеристик, позволит наиболее эффективно решать задачи по его выявлению и преодолению.

Т. П. Бирюкова

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КАК ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОНФЛИКТОВ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Расследование преступлений – процесс познания событий прошлого. Осуществляемое следователем, оно представляет собой деятельность, регулируемую рамками уголовного процесса по накоплению фактов, доказывающих либо опровергающих событие преступления, виновность или невиновность лица, его совершившего, и др.

Не всегда этот процесс происходит гладко. Часто возникают и развиваются конфликтные ситуации. К сожалению, они неизбежны и являются постоянным спутником расследования любого преступления. Их причина заложена непосредственно в целях, преследуемых участниками уголовного процесса, а они абсолютно противоположны. Цель следователя установить преступника, доказать его вину в совершении преступления, предоставить суду необходимые доказательства с тем, чтобы последний объективно решил вопрос о наказании и виновный понес заслуженное наказание. У преступника зачастую иная, совершенно противоположная цель – любыми средствами уйти от ответственности, в том числе путем использования различных форм противодействия следствию.

Следователь и обвиняемый – центральные фигуры процесса расследования, они являются наиболее заинтересованными лицами в исходе дела, поэтому и конфликт между ними наиболее выражен.

В процессе расследования следователь, не являясь участником расследуемого события и не имевший возможность наблюдать его, по крупицам пытается реконструировать обстановку преступления, установить характер действий участников, т. е. построить его информационную модель, которой в сущности и является уголовное дело. Лицо же, совершившее преступление, наоборот, является непосредственным участником события, зачастую готовится к нему и заинтересовано в определенном его ходе и результатах. Имея такое преимущество, последний может трактовать происшедшее с выгодных ему позиций, преследуя при этом цели, не совпадающие с целями органов предварительного расследования.

Как видим, противоречия изначально определяются целями участников уголовного процесса, и, следовательно, конфликты здесь неизбежны и будут иметь место до тех пор, пока стороны не придут к обоюдному согласию. Согласие же может быть достигнуто лишь в случае установления объективной истины, доказанности вины лица или его оправдания.

Возникновению конфликтов, в частности, способствует то обстоятельство, что преступники выгодно используют особенности начального этапа расследования, когда наиболее остро ощущается дефицит доказательств. Здесь они прибегают к использованию пассивной лжи. Ими умалчиваются сведения об известных им фактах, или они их отрицают, при этом ничем не рискуя, так как даже в случае бесспорного установления скрытых или отрицаемых ими фактов в дальнейшем их трудно будет уличить во лжи, потому что

они всегда могут сослаться, в крайнем случае, на забывчивость, а за это уголовная ответственность не наступает.

В дальнейшем, по мере накопления доказательств, они меняют свои показания и переходят к активной лжи. Созревает конфликт, выражающийся в противоречиях их показаний с показаниями соучастников, свидетелей, потерпевших. В процессе такого конфликта они вынуждены опровергать их собственные, ранее данные ими показания. В итоге отвергать очевидное становится сложнее. Нередко конфликт осложняется за счет того, что ложь смешивается с элементами правды и ее труднее разоблачить в отличие от лжи, полностью основанной на вымысле.

Следует отметить, что одним из источников возникновения конфликтов на предварительном следствии может оказаться обычный просчет со стороны следователя, допущенная им невнимательность или небрежность. К примеру, следователь не совсем точно зафиксировал показания, недостаточно конкретизировал и детализировал их, хуже того, допустил утечку информации, повлекшую нарушение тайны предварительного следствия. Последнее обстоятельство может обеспечить допрашиваемому возможность построить свои ложные показания с учетом знания им сути доказательств, которые стали ему известны по разным основаниям. Наконец, возникновение конфликта может быть связано с нарушением психологического контакта с допрашиваемым. В этом случае трудно рассчитывать на получение от него объективной информации.

Иногда подозреваемые или обвиняемые перед началом допроса или в начальной его стадии специально провоцируют следователя на конфликт, создавая, таким образом, экстремальную ситуацию. Конечно, это может привести к нарушению психологического равновесия следователя и негативно сказаться на продуктивности ведения допроса. Поэтому важно всегда и в любых ситуациях допрашиваемому лицу сохранять спокойствие, выдержку, демонстрируя при этом свой профессионализм.

Конфликты, возникающие между следователем и допрашиваемыми по делу лицами, подлежат немедленному урегулированию. Способов урегулирования много, и выбор их определяется сложившейся следственной ситуацией, а также видом, характером совершенного преступления и другими факторами. Так, действенным способом преодоления противодействия, возникшего в результате дачи допрашиваемым ложных показаний, может быть их детализация, на что в криминалистической литературе указыва-

лось неоднократно. Подтверждено это и многочисленными примерами следственной практики. Использование такого способа борьбы с ложью, как причиной возникновения конфликтов при расследовании преступлений, нередко позволяет не только разоблачить допрашиваемого во лжи, но и предупредить ее в самом начале, ибо ложь легче предупредить, чем разоблачать ее.

Выбор и использование конкретного способа преодоления конфликта во многом определяется творческим отношением следователя к расследованию как к искусству, общей профессиональной подготовленностью, а также остротой конфликта. Острота его зависит от объема добытых доказательств. Замечено, что конфликт тем острее, чем меньше доказательств вины конкретных лиц, и наоборот. Бесспорно одно: любой возникающий по делу конфликт, который объективно выступает как средство противодействия расследованию, должен быть преодолен. Главное оружие следователя здесь – правильно выбранная тактика расследования, подкрепленная его профессиональными навыками.

П. А. Резван, С. А. Закатов

УКЛОНЕНИЕ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ФОРМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ

В основе конфликтной ситуации на предварительном следствии лежит, как правило, противодействие расследованию со стороны субъекта преступления.

Расценивая противодействие в уголовном судопроизводстве как умышленные действия, преследующие цель воспрепятствования осуществлению задач правосудия, мы относим к одной из его форм уклонение лиц, виновных в совершении преступления, от ответственности.

Исследование конфликтной ситуации как форма проявления преступного противодействия и использование полученных данных для решения задач доказывания следует рассматривать в качестве одного из методов расследования. Этот метод можно охарактеризовать следующим образом: «от противодействия – к преступнику и обстоятельствам преступления»¹. Использование названного ме-

¹ Клочков В. В., Образцов В. А. Преступление как объект криминалистического познания // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1985. Вып. 42. С. 53.

тогда в розыскной деятельности следователя может оказаться эффективным для обнаружения скрывшихся обвиняемых и иных укрываемых объектов. Такая постановка проблемы связана с усиливающейся криминализацией экономики и огромным материальным ущербом, причиняемым преступлением.

В целом противодействие расследованию надо рассматривать, с одной стороны, как активную деятельность, с другой – как пассивное социально опасное поведение.

Лица, уклоняющиеся от следствия и суда, чаще всего осуществляют активную деятельность, прибегая к различного рода уловкам, а лица, им способствующие, нередко – пассивную (умолчание, недонесение, непредоставление требуемой информации, документов).

Вообще, под сокрытием преступления понимается деятельность (элемент преступной деятельности), направленная на воспрепятствование расследованию путем утаивания, уничтожения, маскировки или фальсификации следов преступления и преступника и их носителей. Частным случаем такого рода сокрытия преступления и преступника являются уловки (ухищрения), к которым преступники и их пособники прибегают с целью уклониться от ответственности и укрыть объекты розыска. Так, в качестве уловок – способов маскировки – могут быть названы: перемещение объектов; изменение внешнего облика разыскиваемого преступника (грим, парик, смена одежды, отращивание бороды и т. п.). К способам фальсификации, т. е. создания ложной информации, можно отнести: дачу заведомо ложных показаний, подделку документов и пр.

В целом сокрытие можно рассматривать как социальную патологию, приобретающую различные формы проявления в зависимости от содержания и интенсивности негативных отклонений от норм поведения (например, должностных лиц), преступного укрывательства, уклонения от ответственности с помощью различного рода уловок.

Так, в целях противодействия расследованию и созданию конкретных ситуаций преступники, совершающие криминальные банкротства (ст. 195–197 УК РФ), стремятся использовать в качестве прикрытия должностных лиц различных государственных органов и за счет их действий или бездействия создать необходимые условия для сокрытия своей преступной деятельности, имущества и т. п.

Изучение уголовных дел показало, что наиболее распространенными уловками, к которым прибегали разыскиваемые с целью затруднить свое обнаружение, явились:

- переход на нелегальный образ жизни, а также укрытие в специально оборудованных тайниках;
- заказные убийства;
- изменение анкетно-биографических данных (фамилии, имени, отчества, года и места рождения, национальности и др.);
- изменение признаков внешности (изменение прически, цвета волос, отращивание бороды и усов, ношение париков, использование грима, имитация физических недостатков;
- фабрикация подложных документов, удостоверяющих личность (паспорта, военного билета, трудовой книжки, удостоверения водителя и т. д.);
- пребывания в безлюдных местностях (в лесу, горах, пустынных местностях и т. д.);
- совершение менее значительного преступления с целью подвергнуться аресту и укрыться от розыска в местах лишения свободы;
- снятие имущества с учета, перемещение из мест обычного хранения, искажения сведений об имуществе;
- неправомерная продажа, сдача в аренду, поставки материальных ценностей в кредит;
- совершение заведомо ложного объявления о банкротстве в целях получения отсрочки и рассрочки платежей и т. п.;
- инсценирование обстоятельств гибели (несчастного случая, самоубийства с исчезновением трупа, что может подкрепляться оставлением «предсмертных записок» и т. п.); распространение слухов о вымышленном месте пребывания; создание видимости выезда за границу; использование возможностей пластических операций в целях изменения внешности и др.

При сокрытии материальных объектов осуществляющие его лица прибегают к таким способам, как оборудование тщательно замаскированных хранилищ, тайников; хранение ценностей у родственников и знакомых, а также посторонних лиц за вознаграждение; сдача имущества в камеры хранения, ломбарды; сокрытие объектов по месту работы, на дачах, в гаражах, на местности; изменение разыскиваемых объектов (например, разукомплектование угнанного транспортного средства, перекрашивание его, уничтожение номеров и нанесение новых), переплавка антикварных вещей из драгоценных металлов, «записывание» шедевров искусства кустарной живописью и др.

Необходимо отметить, что на выбор способов сокрытия оказывают влияние следующие факторы: особенности объекта, подлежащего укрытию (размеры, ценность, физические свойства и возможность транспортировки и др.); характер обстановки, в которой предстоит сокрытие (наличие соучастников); навыки и умения укрывающего лица (в том числе, профессиональные); бюджет времени и т. п. Отмечается определенная зависимость выбора способов укрытия от таких свойств личности, как пол, возраст, образование, опыт (включая преступный), волевые качества.

Думается, что для качественного расследования и эффективности розыска следователю необходимо знание психологических особенностей противодействующих лиц и тех способов, к которым они могут прибегнуть в целях противодействия расследованию и созданию часто сложных конфликтных ситуаций не только на предварительном следствии, но и в суде.

Е. И. Пухов

РОЛЬ ТАКТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ В УСТРАНЕНИИ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ

В практике расследования по уголовным делам в зависимости от ситуации на момент проведения следственного действия с участвующими в них лицами у следователя складываются определенные отношения, носящие **бесконфликтный** или **конфликтный** характер. В ходе проведения следственного действия ситуации могут меняться, переплетаться, исчезать и вновь возникать под воздействием некоторой совокупности фактов¹.

Деление следственных ситуаций на конфликтные и бесконфликтные основывается на характеристике одного из психологических компонентов следственной ситуации: соперничества и противодействия сторон, цели и интересы которых при расследовании преступления не совпадают. Бесконфликтная ситуация характеризуется полным или частичным совпадением интересов участников взаимодействия, отсутствием противоречий в целях, к достижению которых направлены их усилия на данном этапе расследования.

¹ См.: Лузгин И. М. Развитие методики расследования отдельных видов преступлений // Правоведение. 1977. № 2. С. 64.

Ситуация конфликтов различной длительности и остроты возникает тогда, когда между участниками процесса складываются отношения соперничества и противодействия¹.

Правоприменительная деятельность в области уголовного судопроизводства – это борьба, порой непримиримая, между следователем и недобросовестным участником уголовного процесса. Именно в ходе этой борьбы от следователя требуется соответствующий уровень подготовки и навыки работы в конфликтных ситуациях.

Конфликтная ситуация возникает тогда, когда интересы следователя и конкретного участника следственного действия крайне противоположны, когда подозреваемый (обвиняемый), преследуя свои интересы, не только скрывает информацию, которой обладает, но и зачастую умышленно ее искажает, вводя следователя в заблуждение.

Анализ мнений следователей позволил получить сведения на предмет: в связи с какими обстоятельствами возникает конфликтная ситуация между следователем и подозреваемым (обвиняемым). Следователи назвали следующие причины: 62,1 % – нежелание давать правдивые показания; 6,3 % – стремление к отводу следователя; 48,4 % – негативное отношение к правоохранительным органам; 34,7% – преступная солидарность; 35,7 % – боязнь мести со стороны соучастников; 45,2 % – стремление уменьшить степень своей вины; 17,8 % – необъективность следователя; 5,3 % – иные. Спектр причин возникновения конфликтной ситуации достаточно широк. Главной задачей следователя в таких ситуациях является определение мотивов конфликтности и поиск путей выхода из нее. Так, А. А. Закатов применительно к проведению допроса в конфликтной ситуации считает целесообразным использование таких тактических приемов, как «стимулирование положительных качеств допрашиваемого; предъявление ему доказательств в различной последовательности; формирование убеждения у допрашиваемого о наличии у следователя доказательств, изобличающих его во лжи; оставление в неведении об объеме доказательств; подробный допрос с последующим анализом показаний с целью выявления в них противоречий и сведения на нет ложного утвер-

¹ См.: Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М., 1967. С. 157.

ждения допрашиваемого; повторный допрос в иной последовательности»¹.

Большинство приведенных тактических приемов вполне могут быть использованы при проведении очной ставки, предъявлении для опознания, обыска, а также проверки показаний на месте².

Довольно широкое распространение получила деятельность следователя по избранию тактических приемов в проблемной ситуации. Такая ситуация характеризуется той или иной мерой информационной недостаточности, определенным противоречием между знанием и незнанием относительно подлежащих установлению фактов (лица, совершившего преступление, мотива, способа совершения преступления и т. д.)³.

В зависимости от характера и объема информации в момент обнаружения преступления условно можно выделить четыре вида проблемных ситуаций: 1) ситуации, в которых известно и событие, и лицо, его совершившее; 2) ситуации, в которых очевидно событие, но неизвестно лицо, его совершившее; 3) ситуации, в которых известно лицо, но сомнение вызывает событие, т. е. неизвестно, совершено оно или нет, и если совершено, то является ли преступлением; 4) ситуации, в которых и лицо, и событие вызывают сомнение.

По поводу использования тактических приемов в проблемной ситуации в криминалистике имеется мнение о необходимости:

- 1) подготовки нескольких тактических платформ;
- 2) возможности изменения тактической платформы в результате неблагоприятного развития ситуации;
- 3) использования арсенала типовых систем (подсистем) тактических приемов отдельных процессуальных действий.

Тупиковые ситуации характеризуются следующими признаками:

- 1) высоким уровнем неопределенности, когда неизвестного больше, чем известного о расследуемом деле (при условии, что

¹ См.: *Закатов А. А.* Ложь и борьба с нею. Волгоград, 1999. С. 97.

² См.: По нашему мнению, проверка показаний на месте представляет собой сочетание тактических приемов (комбинаций). Мы обратились к мнению практических работников следствия, которые в 228 случаях (из 280 опрошенных) подтвердили его, что, в определенной мере, позволяет нам присоединиться к мнению о признании процессуального статуса проверки показаний на месте в качестве самостоятельного следственного действия.

³ См.: *Образцов В. А.* Криминалистическое моделирование в условиях проблемных ситуаций // Проблемы программирования, организации и информационного обеспечения предварительного следствия. Уфа, 1989. С. 46.

дело длительное время находилось в производстве следователя), хотя тупиковые ситуации являются типичными и для начального этапа расследования (раскрытия) неочевидного преступления;

2) числом и качеством проблем, стоящих перед следователем, превышающих его физические и интеллектуальные возможности при их разрешении;

3) отсутствием результата, сопряженного с потерей надежды на его получение;

4) возникновением «психологического и смыслового барьеров», препятствующих выходу из тупика¹.

Методы выхода из тупиковых ситуаций: методы критики и селекции идей; методы эвристической рекомбинации элементов следственной ситуации; метод экспериментальной дифференциации (разрушения) процесса расследования; метод исключения негативных факторов; метод «семикратного поиска» и некоторые другие².

К перечисленным методам выхода из тупиковых ситуаций необходимо дополнить моделирование. Моделирование в данном случае выступает как один из важных вариантов решения следственной задачи.

С. Г. Еремин

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНО-КОНФЛИКТНЫЕ СИТУАЦИИ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В современных условиях роста преступности важным является повышение эффективности деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений. Это возможно лишь на основе нового научного подхода к изучению, анализу и разработке действенных частных методик выявления и расследования преступлений. В таких методиках одним из приоритетных направлений представляется усиление взаимодействия оперативных работников и следователей, широкое использование помощи специалистов.

Выявление и расследование преступлений в условиях информационной определенности, отсутствия противодействия со сторо-

¹ См.: Зорин Г. А. Криминалистический риск: природа и методы оценки: Учеб. пособие. Минск, 1990. С. 37, 38.

² См.: Зорин Г. А. Указ. соч. С. 46–70.

ны заинтересованных в исходе дела лиц обычно не вызывает особых трудностей у оперативных работников и следователей. Однако трудности образуются, когда по делу возникают экстремальные ситуации, которые характеризуются не только отсутствием достаточной информации о признаках, способе преступления, круге лиц, его совершивших, размере причиненного ущерба и других обстоятельствах, подлежащих доказыванию, но и усиленной активизацией противодействия в установлении объективной истины. Разрешение сложных следственных ситуаций требует от оперативных работников и следователей высоких профессиональных качеств, применения эвристических приемов.

В науке криминалистике выделяют три вида сложных следственных ситуаций: а) *проблемные*; б) *конфликтные*; в) *проблемно-конфликтные*. Рассмотрим особенности *проблемно-конфликтных* ситуаций, поскольку именно они часто встречаются в следственно-судебной практике, не всегда преодолеваются оперативными работниками и следователями.

Проблемные ситуации заключаются в противоречии между известными и неизвестными обстоятельствами, подлежащими установлению по делу, т. е., с одной стороны, у оперативного работника, следователя имеются данные, но, с другой стороны, их недостаточно для принятия однозначного решения, поэтому требуется дополнительная информация. Проблемная ситуация характеризуется отсутствием заранее определенной, однозначной программы нахождения информационных и тактических решений. Окончательное разрешение проблемных ситуаций в процессе раскрытия и расследования преступлений состоит в установлении, процессуальном закреплении всех необходимых обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Следственно-судебная практика свидетельствует, что некоторые оперативные работники и следователи в большом массиве информации по уголовному делу не всегда могут вычленить из нее доказательственную часть, поэтому не выдвигают и не проверяют перспективные версии. Это нередко приводит к невозможности преодолеть познавательный барьер, обнаружить латентные преступления, установить всех лиц, его совершивших.

Значительная часть криминалистических методик выявления и расследования отдельных видов преступлений базируется на рассмотрении типичных действий (способы подготовки, совершения и сокрытия преступлений, методы их выявления и расследования).

Вместе с тем кроме постоянных проявлений часто возникают случайные, нетипичные, противоположные признаки (например, случайные изменения последствий деяния, влияние инсценировок на образование следов, воздействие природных условий). Такие проблемные ситуации приводят к возникновению нетипичных признаков, множественности версий, нетрадиционности выводов, которые разрешаются в дальнейшем при накоплении и анализе доказательств.

Представляется, что успешному разрешению проблемных ситуаций способствует построение следственных версий, их проверка с помощью универсальных приемов выявления и расследования преступлений. В числе таких приемов могут быть: установление подозреваемых лиц с учетом избирательности ими способов подготовки, совершения и сокрытия преступления; проверка лиц, ранее судимых за совершение аналогичных преступлений (кража с инсценировкой взлома, хищение товарно-материальных ценностей путем получения их для реализации по договору комиссии и др.); использование оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, в зависимости от сложившихся следственных ситуаций.

Процесс выявления и расследования преступлений часто связан с возникновением конфликтных ситуаций, приводящих к противоборству между оперативным работником, следователем, с одной стороны, и лицом, совершившим преступление, с другой стороны. Создание подозреваемыми (обвиняемыми) лицами конфликтных ситуаций имеет цель оказать противодействие расследованию: избежать наказания за преступление, скрыть соучастников преступной деятельности, уклониться от возмещения материального ущерба; завоевать авторитет в преступной среде и др.

Указанные выше ситуации противодействия проявляются в отказе обвиняемых (подозреваемых) от общения с инициатором выявления и расследования преступления, даче ложных показаний, уничтожении, повреждении или сокрытии доказательств осуществления преступной деятельности, склонении свидетелей к даче ложных сведений, шантаже, подкупе, угрозе физической расправой участникам уголовного процесса.

При разрешении конфликтных ситуаций, направленных на оказание противодействия расследованию, необходимо определить его вид, силу направленности, учитывать специфику преступления, избрать эффективный комплекс приемов обнаружения, фиксации и

исследования доказательств, содержание норм закона, регламентирующих следственные действия.

Значимость в преодолении противодействия расследованию имеют психологические качества личности инициатора расследования, уровень его профессиональной подготовки по использованию оперативно-розыскной информации о намерении лиц, оказывающих противодействие. Сюда же можно отнести умелое применение тактико-психологических приемов при производстве осмотра места преступления, допроса, очной ставки, выемки, следственного эксперимента, предъявления для опознания, а также использование доказательств, полученных с помощью специальных познаний.

В. Д. Дармаева

РАЗРЕШЕНИЕ КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ

Уголовное судопроизводство именно та область общественных отношений, для которой предупреждение и разрешение конфликтов и конфликтных ситуаций наиболее характерно. В своей деятельности следователю приходится преодолевать сопротивление со стороны не заинтересованных в успешном расследовании лиц. Кроме того, «установка на противодействие со стороны иных лиц объясняется неверием в возможность раскрытия преступления и наказания виновного вследствие отрицательного отношения к органам расследования». Поэтому проблема конфликтов и конфликтных ситуаций представляется важной для разработки конкретных средств, методов и приемов оптимизации расследования преступлений.

Конфликты – неотъемлемая часть жизни людей в современном обществе. И. Б. Пономарев определяет предмет конфликта как различные взаимозначимые спорные вопросы или совместно решаемые проблемы, по поводу которых возникают и развиваются противоборство, другие исходные противоречивые моральные и этические суждения и установки, несогласованные действия, информация, которой оперируют участники конфликта, элементы непонимания, давления или отторжения, а также вещи и иные блага либо права на них¹. В случае расследования уголовных дел

¹ См.: Пономарев И. Б. Избранные труды. М., 2001. С. 131.

конфликт приобретает форму противоречий, противодействия участников процесса, преследующих различные интересы и цели.

Как отмечал Р. С. Белкин, «реальность подобных ситуаций, их обыденность и распространенность обусловили развитие тех приемов и рекомендаций криминалистической тактики, которые вооружают следователя для действий в обстановке конфликта, помогают разрешить его в соответствии с законом и нравственными началами». Задача процессуальной науки и криминалистики состоит в том, чтобы выработать оптимальные средства предупреждения и разрешения конфликтов на предварительном следствии, выявить наиболее типичные конфликтные ситуации, определить алгоритмы их разрешения и возможности перевода конфликтов в конструктивную позицию. «Мы должны исходить из того, что конфликт – болезненная, хотя и естественная, форма существования человеческого общества, и задача права – ограничить негативные проявления конфликта, создать систему процессуальных гарантий для разрешения конфликта в правовой форме»¹.

Установление истины в условиях конфликтной ситуации всегда лежит на пути разрешения конфликта. В досудебной стадии оно, как правило, выражается в установлении следователем невинности лица, либо в признании последним своей вины. Но если дело человека, признавшего себя виновным, передается в суд, конфликт остается неразрешенным и переносится в стадию судебного разбирательства. Для разрешения уголовно-правового и процессуального конфликта без судебного разбирательства Л. Н. Масленникова предложила отечественную концепцию примирительного (восстановительного) производства в уголовном процессе. Эта идея высказывается и другими авторами и обусловлена тенденциями в развитии уголовного и уголовно-процессуального законодательства, творческим развитием публичного начала уголовного судопроизводства. Принципами этой концепции предлагаются: определение примирительного производства как предварительного самостоятельного этапа, предшествующего направлению дела в суд; создание благоприятных условий для потерпевшего и лица, совершившего преступление, путем неформальности примирительных процедур (возмещения ущерба или заглаживания вреда иным способом). Условием применения данного института выступает материальная ответственность, т. е. возмещение причиненно-

¹ Юридическая конфликтология – новое направление в науке // Государство и право. 1994. № 4. С. 6.

го ущерба, заглаживание вреда под обязательным контролем государства.

Установление такого производства, на наш взгляд, поможет решить некоторые назревшие проблемы в уголовном судопроизводстве. Общее неудовлетворительное состояние судебной системы, обусловленное недостатками финансирования, перегруженностью делами, приводит к необходимости разрешения уголовно-правового конфликта без наказания, без правосудия, но под контролем государственной власти. Конечно, оно не должно применяться по уголовным делам о хищениях в крупных размерах, преступлениям должностных лиц и другим тяжким преступлениям. Механизм восстановительного производства должен предусматривать разрешение дел небольшой общественной опасности, по которым действительно восстановлены все нарушенные права. На стадии предварительного следствия должны быть приняты все меры к восстановлению нарушенных прав и свобод граждан и юридических лиц.

Введение данного института расширяет дискреционные полномочия следователя. Конечно, признание виновным и освобождение от уголовной ответственности – это правомочие судебной власти, но в мировой практике развиваются тенденции к наделению исполнительной власти дискреционными полномочиями в рамках закона. Дискреция в определенной степени имеет право на существование, при условии, если должностное лицо руководствуется общими интересами. В нынешних же условиях – это путь для более простого и эффективного разрешения уголовно-правового и процессуального конфликта.

Д. А. Петров

О НЕКОТОРЫХ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЯХ, ВОЗНИКАЮЩИХ ВНЕЗАПНО ДЛЯ ЛИЦА, ПРОИЗВОДЯЩЕГО РАССЛЕДОВАНИЕ

Все конфликтные ситуации, возникающие при расследовании преступлений, можно подразделить по степени подготовленности к ним следователя на три группы:

- ожидаемый (прогнозируемый) конфликт;

- частично неожиданный конфликт (следователь допускает его наступление либо точно в этом уверен, но ему неизвестно время его возникновения, характер или формы);
- внезапный конфликт (возникшая ситуация явилась для следователя полной неожиданностью).

Последняя разновидность конфликтных ситуаций характерна фактором внезапности и является, как правило, наиболее трудно разрешимой, так как застаёт следователя врасплох и требует от него немедленной реакции на произошедшее событие и принятия мер по локализации конфликта. Безусловно, здесь следует оговориться, что внезапность, конечно, не всегда является определяющим фактором при оценке степени серьезности конфликтной ситуации. Немаловажную роль играют масштаб конфликта вообще, его глубина и формы проявления. Но в данной работе речь пойдет именно о воздействии на следователя фактора внезапности при расследовании, в виде возникновения неожиданных для него конфликтных ситуаций.

К. Боулдинг оценивает конфликт как ситуацию конкуренции, в которой стороны понимают потенциальную несовместимость позиций и в которой каждая сторона стремится занять позицию, несовместимую со стремлением другой стороны. Таким образом, конфликт всегда влечет противодействие расследованию. Рассматриваемые нами конфликтные ситуации могут принимать различные формы как в рамках подготовки и проведения отдельного следственного действия, так и вне его. Противоборствующей стороной в конфликте со следователем могут выступать различные лица. В настоящей статье рассмотрим лишь наиболее распространенные формы проявления внезапных конфликтных ситуаций на предварительном следствии.

При подготовке или проведении отдельного следственного действия могут возникать следующие формы конфликтов:

- внезапный отказ лица от дачи показаний или от участия в запланированном следственном действии, вопреки ранее заявленной готовности в нем участвовать;
- дача лицом, который по твердому мнению следователя должен выступать добросовестным участником процесса, заведомо ложных показаний;
- неожиданное изменение таким лицом ранее данных показаний не в пользу следствия;
- срыв лицом следственного действия, в ходе его проведения;

- неожиданное воспрепятствование следователю в проведении следственного действия или физическое сопротивление, в случаях когда данная ситуация не предполагалась;
- необоснованный отказ участником от подписания протокола следственного действия.

Вместе с тем, как было сказано выше, конфликтные ситуации могут проявляться и за рамками непосредственно следственных действий, при выполнении иных процессуальных мероприятий, а также в ходе общения следователя с лицом в течение процесса расследования. К подобным формам проявления конфликта можно отнести:

- заявление обвиняемым необоснованного отвода следователю в надежде, что дело передадут менее квалифицированному специалисту, что позволит более успешно противодействовать расследованию;
- злоупотребление обвиняемым, свободно владеющим государственным языком, но принадлежащим к малочисленной национальности, своими правами, в виде надуманного требования о предоставлении ему переводчика;
- отказ обвиняемого знакомиться с процессуальными документами или с материалами уголовного дела в целом;
- неадекватное поведение обвиняемого при встрече со следователем (беспричинный смех, кривляние, агрессия), в целях оказания морального давления;
- покушение на побег задержанного или следственно-арестованного в присутствии следователя;
- покушение на самоубийство.

Следует также отметить, что все вышеперечисленные формы проявления конфликтов можно подразделить на три группы, относительно тяжести их последствий:

1. Вредных последствий конфликта можно избежать. К таким случаям можно отнести большинство из названных ситуаций. При терпеливом подходе следователя, его мастерстве конфликт благополучно локализуется. К примеру, если лицо отказывается давать показания, участвовать в опознании, подписывать протокол и т. д., следователь, умело используя тактические приемы, может убедить противоборствующее лицо в ошибочности выбранной позиции.

2. Вредные последствия конфликта наступили, но ситуация, при определенных условиях, поправима. Например, потерпевший изменил ранее данные показания, уличающие подозреваемого, что

не позволило избрать в отношении последнего адекватную меру пресечения, что в свою очередь может способствовать усилению противодействия расследованию. Для изменения данной ситуации в благоприятную сторону следователю необходимо добиться от потерпевшего правдивых показаний и закрепить их иными доказательствами, что также в конечном счете выполнимо.

3. Вредные последствия конфликта наступили, и они необратимы в любом случае. Данная ситуация характерна, как правило, для случаев, когда противоборствующей стороной уничтожается часть вещественных доказательств, например при обыске, или срывается следственное действие, повторное производство которого невозможно. Так, в ходе опознания подозреваемый симулировал эпилептический припадок перед опознающим.

Для успешного решения служебных задач, в условиях внезапно возникающих конфликтных ситуаций, исключить которые полностью невозможно, следователю необходимо уметь быстро мобилизоваться, оценить ситуацию и принять верное решение для локализации конфликта и устранения его вредных последствий.

Ю. М. Фетюхин, А. Н. Хабаров

КОНФЛИКТ ПРИ ПРИЧИНЕНИИ ВРЕДА ПРИ ОКАЗАНИИ ВОЗМЕЗДНЫХ УСЛУГ И ОСНОВАНИИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИЧИНЕННЫЙ ВРЕД

При оказании возмездных (платных) услуг происходят часто конфликты от некачественного, недобросовестного оказания возмездных услуг населению. Однако законодатель усмотрел формы гражданско-правовой ответственности за причиненный вред.

В юридическом смысле под вредом понимается всякое умаление, то есть повреждение, порча, уничтожение охраняемого законом блага, что очень часто становится серьезным конфликтом и в правовом отношении может послужить одним из условий привлечения к ответственности.

В комментариях к ст. 1064 ГК РФ под вредом понимается материальный ущерб, который выражается в уменьшении имущества потерпевшего в результате нарушения принадлежащего ему материального права или умаления нематериального блага (жизнь, здоровье человека и т. п.). Вред в рассматриваемых отношениях не

только обязательное условие, но и мера ответственности. Объем возмещения, по общему правилу ст. 1064 ГК РФ, должен быть полным, т. е. потерпевшему возмещаются как реальный ущерб, так и упущения выгоды.

Лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причинных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере. При этом под убытками подразумеваются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества, а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право было не нарушено.

При возникшем конфликте потерпевший несет убытки. Применение принципа полного возмещения убытков диктуется необходимостью восстановить права потерпевшей стороны в обязательстве. Руководствуясь принципом полного возмещения убытков по обязательствам, можно восстановить положение, которое существовало на момент правонарушения. Только благодаря этому принципу обеспечивается в конфликте всесторонняя охрана интересов тех, кто терпит убытки.

Неисполнение обязательств, как правило, приводит к возникновению конфликта в той или иной форме, а нарушитель обязательств за неисполнение обязательств должен нести ответственность. В современном российском гражданском праве необходимым основанием ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства признается наличие вины лица, допустившего нарушение обязательства в форме умысла или неосторожности. Такое отношение к наличию вины лица, допустившего нарушение обязательства, как необходимому основанию ответственности нашло отражение и в ст. 401 действующего ГК РФ.

Бремя доказывания отсутствия вины в случаях, когда наличие вины является необходимым основанием ответственности, возлагается на лицо, допустившее нарушение обязательства. Данное положение раскрывает суть принципа презумпции вины в гражданско-правовом обязательстве. Однако это обстоятельство не освобождает кредитора, предъявившего требование к должнику, если их конфликт рассматривается в суде, о необходимости доказать факт нарушения должником обязательства и в соответствующих случаях наличие убытков.

Особенности ответственности лица, не исполнившего или исполнившего ненадлежащим образом обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, состоят в том, что основанием освобождения его от ответственности за допущенное нарушение обязательства может служить лишь невозможность его исполнения вследствие непреодолимой силы. Понятие «непреодолимая сила» определяется как чрезвычайные и непреодолимые при данных условиях обстоятельства. К таким обстоятельствам могут быть отнесены различные исключительные и объективно непреодолимые события и явления: наводнения, землетрясение, снежные завалы и иные природные катаклизмы, которые в конфликте должны браться во внимание. Напротив, не могут рассматриваться в качестве оправдания и непреодолимой силы обстоятельства, не обладающие признаками исключительности и объективной непредотвратимости при данных условиях.

Анализ ст. 401 ГК РФ показывает, что если действие ее норм парализовано договором, путем указания в нем, что положения данной статьи не подлежат применению к договорным отношениям сторон, должник будет нести ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства абсолютно во всех конфликтных ситуациях, в том числе и при невозможности исполнения обязательства вследствие непреодолимой силы либо иных обстоятельств, не зависящих от должника.

Нормы ГК РФ, как предусматривающие общие положения об ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, так и устанавливающие меры ответственности, подлежащие применению за различные нарушения конкретных видов обязательств, позволяют сделать вывод о том, что российское гражданское право исходит из наличия трех форм вины. К этим формам относятся: умысел, неосторожность и грубая неосторожность.

Таким образом, нормы гражданского права регулируют отношения и взаимоотношения между субъектами гражданских правоотношений и определяют условия ответственности, сложившиеся в конфликте оправдывающими или обязывающими нести эту ответственность.

КОНТРКУЛЬТУРА КАК ФОРМА КОНФЛИКТА С СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ КУЛЬТУРОЙ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Культуре, как феномену социального института, присуща способность к «омоложению». Эта особенность молодежной культуры лежит в основе процессов ее изменчивости, динамики, а потому для любого общества на всех этапах развития характерно так называемое противоречие между «старой» и «новой» культурами.

Новые поколения исходят из результатов, доставшихся в наследство от всех предшествующих поколений. Однако отношение к этому наследству весьма избирательно. Они увязывают и развивают в нем только то, без чего невозможны дальнейшее существование и развитие, и отрицают то, что, с их точки зрения, уже устарело и утратило всякий смысл.

К одной из таких форм, отрицающих «старое» в культуре, является «контркультура». Характерным для молодежной контркультуры является требование сознательного отказа от системы традиционных ценностей и замены их контрценностями. Контрценности включают в себя свободное самовыражение, личное причастие к новому стилю жизни, установку на ликвидацию репрессивных и регламентирующих моментов взаимоотношений, полное доверие к спонтанным проявлениям чувств, фантазии, воображения, невербального способа общения. Основной девиз контркультуры – счастье человека, понимаемое как свобода от внешних условностей, добропорядочности. Личность, проповедующая контркультуру, враждебно противопоставит всякому нравственному запрету и моральному авторитету, в ее психике не сформировались механизмы ценностей нравственно-духовной ориентации в человеческом мире.

Не менее существенным аспектом молодежной контркультуры выступает ее аполитичность. Для пополнения политических знаний молодежь идет в неформальные группы. В неформальных группах они не столько снимают напряжение после учебы, сколько тренируются для исполнения отрицательных социальных ролей, для развития самосознания и отрицательной солидарности. С вступлением в юношеский возраст молодой человек отворачивается от семьи, ищет новую компанию, которая должна защитить его от пока еще чуждого общества. Между потерянной семьей и еще не обре-

тенным обществом молодой человек стремится примкнуть к себе подобным. Образующиеся таким образом асоциальные группы призваны удовлетворить потребность в социальной защите и обеспечивают молодому человеку определенный социальный статус. Платой за это зачастую выступают отказ от индивидуальности и полное подчинение норм ценностям и интересам группы.

Причиной формирования «контркультуры», с одной стороны, является то, что несколько поколений россиян в силу понятных исторических причин были оторваны от истоков своей культуры. С другой стороны, молодежи активно навязываются красиво упакованный суррогат иных культур, продукты массовой культуры, энергичные проповеди «новых миссионеров» как с Запада, так и с Востока, разнообразные и часто противоречащие друг другу политические, идеологические, религиозные идеи и мифы.

Определенное место групп, проповедующих «контркультуру», занимали группы, формировавшиеся вокруг различных музыкальных вкусов и стилей. Это были группы металлистов, роллингов, брейкеров, битломанов и др. Возникали также неформальные молодежные организации, ценностные ориентации которых имели некоторый политический и идеологический оттенок. Это группы ностальгистов, анархистов, пацифистов, отклонистов, зеленых и т. д. Среди интеллектуальной молодежи пользовалась популярностью эстетствующая группа «митьки», выделявшаяся самоиронией и гротескно подчеркнутым стилем.

Неформальные страсти металлистов, рокеров, панков, системных ребят, брейкеров и прочих групп и объединений с броскими названиями, которых неустанно «открывали» для широкой публики и усиленно рекламировали журналисты, выплескивались на страницы средств массовой информации. Нонконформизм этой молодежной среды проявлялся во всем: в манерах, в одежде, в увлечениях, в жаргоне, достигая иногда откровенно экстремистских форм.

В настоящее время в молодежной среде можно выделить три ведущие тенденции. Первая характерна для молодых людей, занимающихся мелким бизнесом (мажоры). Такие группы складываются в интересах деловых операций (в основном разовых) и проведении свободного времени. Они ориентированы на легкое добывание денег и «красивую жизнь». Их характеризуют беспринципность, деловая хватка, достаточно хорошо развитое чувство корпоративности. В области нравственности им присущ моральный

релятивизм, вследствие чего деятельность таких групп довольно часто связана с незаконным бизнесом и правонарушениями.

Вторая тенденция проявляется в деятельности «люберов», «гопников» и т. п. Они отличаются жесткой дисциплиной и организованностью, агрессивностью, исповеданием «культа физической силы», ярко выраженной криминальной направленностью и во многих случаях – связью с уголовным миром. Их «идеология» опирается на примитивизированные идеалы, окрашенные «уголовной романтикой». Основу деятельности таких групп составляют рэкет и вымогательство. Группировки этого толка, как правило, хорошо вооружены, причем уже не только цепями, ножами, кастетами, но и огнестрельным оружием.

Описанные выше молодежные криминогенные объединения в условиях политической нестабильности представляют значительную опасность, поскольку являются достаточно пластичным материалом и в любой момент могут стать инструментом в деятельности политических организаций с радикальной и экстремистской ориентацией.

Несмотря на сложную, противоречивую, динамическую ситуацию в стране, характеризующуюся усложнением и интенсификацией социокультурной реальности, коренной ломкой традиций и норм, юное поколение не спешит отказаться от контркультурных традиций, что подтверждает продолжающийся конфликт между неопределенностью социальных ролей молодежи и новым статусом молодежи современной России.

Раздел 2 | ОСОБЕННОСТИ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ

П. М. Филиппов, О. А. Дьячкова

ПРАВИЛЬНОЕ УСТАНОВЛЕНИЕ ХАРАКТЕРА УЩЕРБА СПОСОБСТВУЕТ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ КОНФЛИКТОВ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ

1. Одной из основ правосудия является истина, без установления которой нельзя говорить о справедливости. Она устанавливается на предварительном следствии и в суде. Законодатель сформировал обстоятельства, подлежащие доказыванию (предмет доказывания), таким образом, чтобы истина торжествовала. Решения, вынесенные следователем и судом на достоверных фактах, вызывают доверие и предупреждают конфликты между участниками процесса, судебными органами и общественностью.

2. Среди обстоятельств, подлежащих доказыванию при расследовании преступлений, законодатель предусматривает характер и размер ущерба, причиненного преступлением (п. 4 ст. 68 УПК РСФСР). Следует отметить, что при доказывании термин «размер» ущерба по своему содержанию у следователей не вызывает никаких затруднений в применении, поскольку размер ущерба определяется суммарной стоимостью и денежным выражением. Что же касается термина «характер» ущерба, то законодатель его не раскрывает. Следователи не знают, что должно быть вложено в его содержание, поэтому при доказывании в связи с этим испытывают определенные трудности.

3. Доктор юридических наук, профессор Г. М. Миньковский в характер ущерба, причиненного преступлением, включает моральный, физический и материальный вред¹. Приведенное мнение является спорным. На наш взгляд, оно не раскрывает содержания понятия «характер» ущерба, причиненного преступлением, а является видами ущерба. Мы считаем, что термин «характер» ущерба есть самостоятельное обстоятельство совершенного преступления.

¹ См.: Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. (Комментарий). М., 1997.

Оно подлежит доказыванию в процессе расследования и может использоваться отдельно от размера причиненного ущерба преступлением.

4. Если обратиться к толкованию этого термина специалистами русской словесности, то мы увидим, что в интересующем нас смысле они толкуют термин «характер» как отличительные свойства, особенности, качество чего-то¹. Потому под характером ущерба, на наш взгляд, следует понимать, во-первых, способ причинения ущерба (кража, разбой, поджог, мошенничество и т. д.). То есть те противоправные действия, которые могут оказать влияние на квалификацию содеянного. Из характера ущерба можно сделать более обоснованный вывод об общественной опасности деяния. Во-вторых, в содержание понятия характера также следует включать свойства, качественные признаки конкретной вещи, на которую совершено посягательство. Она может иметь историческую, научную, художественную ценность и т. д. Этот элемент «характер» ущерба позволяет более обоснованно его доказать, так как стоимость таких предметов может быть значительной.

5. К сожалению, в ст. 72 проекта Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, внесенного в 1997 году депутатами на рассмотрение в Государственную Думу, которая регламентирует обстоятельства, подлежащие доказыванию, отсутствует термин «характер» ущерба, причиненного преступлением. Это в конечном итоге будет отрицательно сказываться на установлении общественной опасности содеянного, его правильной квалификации.

6. Для установления и доказывания характера причиненного ущерба преступлением следователь осуществляет производство различных следственных действий, которые позволяют раскрыть его содержание в полном объеме. В частности, для установления исторической, культурной, научной ценностей вещей или предметов используются показания потерпевших, свидетелей, производство искусствоведческой экспертизы, технологические и иные виды экспертиз. В отдельных случаях могут производиться выемки соответствующих документов или получение иной информации, в виде справок и заключений специалистов.

Активное установление следователем характера причиненного ущерба потерпевшему будет способствовать правильному приме-

¹ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1994. С. 848.

нению уголовно-процессуального законодательства и предупреждению конфликтов на предварительном следствии, между его участниками. Установление этого обстоятельства будет помогать обществу правильному пониманию правовых решений.

Е. В. Кушпель

КОНФЛИКТЫ И КОНФЛИКТНЫЕ СИТУАЦИИ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СЕМЬИ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Если конфликт в общепринятом значении этого слова – это столкновение противоположных сторон, мнений, сил, серьезное разногласие, острый спор (такое определение дается в словаре русского языка), то процесс расследования любого преступления изначально зиждется на конфликте¹. Столкновения интересов противоположных сторон – жертвы и преступника – и есть преступление, столкновение противоположных сторон, и есть конфликт, отсюда следует, что преступление – это одна из форм проявления, реализации конфликта.

Что касается преступлений против семьи и несовершеннолетних, то конфликт в ходе их расследования возникает не только как столкновение противоположных сторон, но и как серьезное разногласие при определении процессуального статуса несовершеннолетнего, вовлеченного в совершение преступления. Рассмотрим, как это происходит.

Формально вроде бы все соответствует закону, ибо непосредственным объектом преступлений против семьи и несовершеннолетних признаются общественные отношения, обеспечивающие нормальное нравственное, умственное и физическое развитие несовершеннолетних. Преступления нарушают эти отношения, и поэтому несовершеннолетнему причиняется либо моральный, либо физический, либо материальный вред (ст. 157 УК РФ). Если следовать букве закона, несовершеннолетний постановлением следователя или лица, производящего дознание, должен быть признан потерпевшим по тому или иному уголовному делу. Однако несовершеннолетний, ставший жертвой вовлечения в совершение преступления, одновременно становится и жертвой (потерпевшим), и преступником, своего рода феноменом

¹ См.: Словарь русского языка Т. II. М., 1982. С. 96.

«жертва – преступник». Такое его двойственное положение на предварительном следствии по делам о вовлечении несовершеннолетнего в преступную деятельность законом не урегулировано, поэтому оно порождает нарушения его процессуальных прав. Признание вовлеченного несовершеннолетнего потерпевшим предопределяет и объем его процессуальных прав. Кроме того, введение фигуры несовершеннолетнего потерпевшего позволит следователю более глубоко исследовать обстоятельства дела. Интересы несовершеннолетних, потерпевших от преступных действий взрослых вовлечателей, никем не защищались. Поэтому признание несовершеннолетних, вовлеченных в преступную или иную антиобщественную деятельность, потерпевшими, а их родителей – представителями потерпевших, дало бы возможность последним защищать свои права, а следственным и судебным органам соблюдать их, более подробно собирать доказательства вины вовлечателя. Наша позиция по данному вопросу заключается в том, что несовершеннолетний, если он освобожден от уголовной ответственности за преступление, в совершение которого был вовлечен взрослым преступником, и тот, который был привлечен к ответственности, являются жертвами одного и того же преступного воздействия только с разными последствиями для самих несовершеннолетних. Изучением уголовных дел установлено, что 85 % несовершеннолетних были освобождены от уголовной ответственности, но в этих делах следователи не выносили постановлений о признании этих лиц потерпевшими.

На практике, как и в науке, этот конфликт не нашел своего разрешения. Проявляется это в отсутствие конкретных рекомендаций следователю при принятии решения по ряду вопросов: на каком этапе расследования несовершеннолетнего, вовлеченного в совершение преступления, целесообразно признать потерпевшим; в каком качестве его следует допросить в первую очередь и др.

Допрос несовершеннолетнего, вовлеченного в преступную деятельность, но не привлеченного к уголовной ответственности, и несовершеннолетнего, вовлеченного в антиобщественные действия, требует особой подготовки. В таких случаях несовершеннолетний является свидетелем или потерпевшим, но в то же время его положение несколько иное по сравнению со свидетелем, который лишь воспринимал какие-то относящиеся к делу факты. Следователю необходимо разъяснить несовершеннолетнему, что действия взрослого по отношению к нему являются противозаконными, что взрослый причинил ему вред и должен понести наказание.

Ситуация осложняется и становится конфликтной, когда в роли вовлечателя выступают родители, близкие родственники. Несовершеннолетний оказывается перед дилеммой: отрицать факт вовлечения, воздействия со стороны взрослого и нести ответственность за совершенное (при условии достижения возраста) или изобличить собственную мать либо отца, что имело место в 31,3 % случаев.

Таким образом, мы сталкиваемся с еще одной гранью конфликта – внутренними противоречиями.

Кроме того, конфликтные ситуации могут возникнуть при допросе классного руководителя несовершеннолетнего, вовлеченного в совершение преступления, если в ходе допроса следователь делает акцент на его ответственность за воспитание несовершеннолетнего. Далее, в ходе допросов сверстников обвиняемого несовершеннолетнего из его ближайшего окружения, как и при допросе его соучастников, освобожденных по различным основаниям от привлечения к уголовной ответственности, нередко возникают конфликтные ситуации. Эти лица склонны к сокрытию подлинных обстоятельств совершения преступления, не желая прослыть предателями или опасаясь собственного привлечения к уголовной ответственности. Допросы таких свидетелей тактически сходны с допросом обвиняемых.

Вот только незначительная часть конфликтов и конфликтных ситуаций, возникающих в ходе расследования лишь одного состава из преступлений данной группы. Но наша задача не заключается в их выявлении только в целях перечисления и констатации факта.

Выявление конфликтов, причин, их порождающих, является одним из направляющих факторов движения науки по пути выработки «антиконфликтных» рекомендаций.

О. В. Хитрова

ТАЙНА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

1. Предварительное следствие представляет собой не что иное, как процесс получения и сокрытия информации. На определенных этапах или обстоятельствах он протекает в конфликтной или предконфликтной ситуации. В характеристике этого процесса, по крайней мере, три обстоятельства имеют существенное значение, а именно:

1) стремление следователя получить, прежде всего, информацию, которая может быть использована в доказывании по уголовному делу, т. е. в установлении обстоятельств, перечисленных в ст. 68 УПК РСФСР; 2) подозреваемый и обвиняемый не связаны ни процессуальной формой, ни процессуальными обязательствами как в получении, так и сокрытии любой информации от следователя. Она может касаться как обстоятельств, которые подлежат установлению, так и любой иной, связанной с процессом расследования: о следственных версиях, о факте допроса в определенном процессуальном качестве отдельных граждан, о планируемых следственных действиях и т. п.; 3) этот процесс протекает в условиях непрямого обеспечения следователем тайны предварительного следствия.

2. Данные предварительного следствия входят в предмет соответствующей тайны. Ее наличие и требование не допустить разглашения данных предварительного следствия (ст. 139 УПК РСФСР и ст. 161 проекта УПК РФ), на мой взгляд, в условиях противопоставления интересов предварительного следствия, с одной стороны, и обвиняемого, подозреваемого – с другой, способствуют возникновению предконфликтной ситуации¹.

3. Во избежание конфликта или, во всяком случае, его «смягчения» (он может возникнуть и по другим основаниям и мотивам) следует, по моему мнению, четко разграничивать информацию, которая ни при каких условиях не может быть сокрыта от обвиняемого и подозреваемого и которая до момента окончания предварительного расследования может (или должна) быть ему известна. К первой группе относятся: права и обязанности подозреваемого (обвиняемого), содержание и результаты следственных действий, в которых он принимал участие; результаты рассмотрения его жалоб и ходатайств; основания задержания, повод и основание к возбуждению уголовного дела и т. п.

В соответствии с проектом УПК РФ подозреваемый и обвиняемый не только имеют право получать такого рода информацию, но и копии процессуальных документов, в которых она содержится (ст. 46, 47). Всякая другая информация до предварительного следствия может представлять для него тайну. Однозначное разграни-

¹ А. Н. Олейник называет подобную ситуацию конфликтной или предконфликтной. (См.: Олейник А. Н. Психологические средства деятельности следователя в ситуации конфликтов на предварительном следствии: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993. С. 12.

чение этой информации и своевременное ее использование, с одной стороны, обеспечивают права личности в уголовном процессе, с другой – интересы предварительного следствия, а также способствуют нейтрализации или разрешению предконфликтной или конфликтной ситуации.

4. Подозреваемый и обвиняемый – участники процесса, которые в наибольшей степени заинтересованы в получении информации о ходе расследования. Вместе с тем они не предупреждаются об уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ и у них не отбирается подписка о неразглашении данных предварительного следствия. Несмотря на то, что в ст. 139 УПК РСФСР и ст. 161 проекта УПК РФ перечень лиц, у которых может быть отобрана вышеупомянутая подписка, не ограничен, анализ ст. 46, 52 УПК РСФСР, ст. 46, 47 и сопоставление их со ст. 53, 54, 56–60 УПК РФ подозреваемого и обвиняемого к ним не относит, что является вполне логичным: тот, от кого скрывается информация, не может быть обязанным не разглашать ее.

5. Представляется также крайне важным не только в уголовно-правовом аспекте, но и в самом широком смысле нейтрализации противодействия расследованию со стороны заинтересованных лиц определить понятия «тайна предварительного следствия», «данные предварительного следствия» (в ст. 161 проекта УПК РФ «данные предварительного расследования») и процессуальную форму предания гласности данных предварительного следствия. Высказывались различные точки зрения относительно предмета следственной тайны (А. Д. Бойков, В. В. Макаров, И. В. Смольков и др.). Думается, что понятие «тайна предварительного следствия» шире, чем понятие «данные предварительного следствия».

Под данными предварительного следствия, полагаю, следует понимать информацию, отраженную в материалах уголовного дела. И в случае обязательства не разглашать их участником процесса в подписке целесообразно отразить, какую именно информацию он обязуется не разглашать. В предмет тайны предварительного следствия входят не только информация, зафиксированная в материалах уголовного дела, но и иная: планируемые следственные действия, следственные версии и результаты их проверки и т. п.

Таким образом, объем информации, подлежащей «сокрытию» от обвиняемого (подозреваемого), превышает тот, который подлежит «сокрытию» от других участников процесса.

ЖАЛОБЫ ЧАСТНЫХ ЛИЦ КАК СРЕДСТВО РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ

Частными лицами в уголовном судопроизводстве являются такие его субъекты, которые не наделены для осуществления предписанных законом функций властно-распорядительными полномочиями. На предварительном следствии к ним относятся: потерпевший и его представитель, обвиняемый, его защитник и законный представитель, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители, свидетели, понятые, специалист, эксперт, переводчик, педагог и другие лица, не являющиеся субъектами доказывания по делу.

В соответствии с положениями ст. 20 УПК следователь обязан полно, всесторонне и объективно исследовать все обстоятельства по уголовному делу. Таково требование закона. В жизни, конечно, далеко не все так однозначно. И в тех случаях, когда следователь по тем или иным причинам отдает предпочтение какой-либо одной версии в ущерб указанным требованиям, усложняется не только установление истинных обстоятельств расследуемого события, но также нарушаются права и законные интересы тех или иных частных лиц. Как правило, это относится к подозреваемым и обвиняемым, поскольку уголовное преследование всегда относится к наиболее предпочтительным приемам расследования. Однако нередко игнорируются интересы потерпевших, несмотря на то, что в подобных ситуациях они объективно становятся союзниками следователя в осуществлении функции обвинения. Во всяком случае, это вполне соответствует постановлению Конституционного Суда РФ от 20 апреля 1999 г.¹

Что касается остальных частных лиц, чье появление в стадии предварительного расследования не обусловлено их собственными процессуальными интересами, а роль в процессе доказывания сводится к оказанию содействия следователю в получении и закреплении фактической информации о преступлении, то им крайне трудно, а подчас и практически невозможно противостоять незаконному давлению следователя. Сказанное относится, прежде всего, к свидетелям, особенно такой их категории, которую в юридиче-

¹ См.: Российская газета. 1999. 25 апр.

ской литературе обычно называют заподозренными свидетелями. Как справедливо, на наш взгляд, отметила Л. М. Володина, «лишенный права отстаивать собственный интерес, он (свидетель. – В. Б., Э. К.) беззащитен перед машиной, именуемой следственным аппаратом»¹.

В условиях отсутствия властно-распорядительных полномочий частные лица обеспечивают защиту и восстановление своих прав и законных интересов при помощи апеллирования к соответствующим должностным лицам и государственным органам, которые способны реально воздействовать на процессуальную деятельность следователя в рамках действующего законодательства. В конфликтных ситуациях на предварительном следствии роль своеобразного процессуального регулятора играет институт обжалования, а сами жалобы становятся весьма эффективным средством восстановления нарушенной законности при расследовании преступления.

Жалоба представляет собой разновидность обращений частных лиц в сфере досудебного уголовного производства по поводу нарушенного права заявителя. При этом само по себе нарушение не всегда может иметь место в действительности, ведь обратившееся с жалобой лицо вполне может добросовестно заблуждаться по поводу сущности ограничения принадлежащих ему прав и свобод в стадии предварительного расследования. Однако в любом случае подача жалобы инициирует (или, по крайней мере, должна инициировать) соответствующую деятельность прокурора или суда по проверке указанных в ней обстоятельств. Так, например, жалоба потерпевшего на длительность расследования, волокиту, допускаемую следователем, является поводом для проверки прокурором отмеченных в ней обстоятельств. Факт реагирования на жалобу, проведения в связи с ее поступлением соответствующей проверочной деятельности и принятия определенного решения, как правило, разрешает конфликтную ситуацию. Это, в свою очередь, позволяет проводить дальнейшее расследование в спокойной обстановке. Конечно, разрешение конфликтной ситуации на предварительном следствии подобным образом возможно лишь при условии надлежащего отношения контролирующего органа или должностного лица к выполнению своих процессуальных обязанностей. В иных случаях процессуальный конфликт способен развиваться дальше,

¹ Володина Л. М. Механизм защиты прав личности в уголовном процессе. Тюмень, 1999. С. 29.

что никогда не приносит пользы публичным и законным личным интересам участников уголовного процесса.

Среди всех видов обращений частных лиц в уголовном судопроизводстве жалобы отличаются своим чрезвычайным, экстремальным характером, поскольку имеют место только в условиях возникновения конфликтной ситуации между следователем и заявителем. Конечно, предварительное следствие само по себе осуществляется посредством ограничения определенных прав и свобод отдельных лиц, поскольку иначе в современном обществе невозможно установить действительно объективную истину. Но в том и дело, что закон требует от следователя и прокурора обоснованного и целесообразного применения подобных ограничений, однако на практике указанные критерии соблюдаются далеко не всегда. Необходимо, впрочем, отметить, что и в законе нередко крайне размыты границы целесообразности, что позволяет следователю порой достаточно вольно трактовать те или иные его положения, причем, естественно, не в пользу состоящих с ним в это время в процессуальных правоотношениях частных лиц. К примеру, ст. 52 УПК позволяет считать подозреваемым, в частности, лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело. С этого момента следователь осуществляет функцию уголовного преследования. Однако в законе не содержится каких-либо ограничений по времени нахождения подозреваемого в таком процессуальном положении, в отличие, скажем, от задержания в порядке ст. 122 УПК или применения меры пресечения в порядке ст. 90 УПК, где временные границы четко определены. Получается весьма непростая ситуация, когда функция уголовного преследования определенного лица осуществляется сколько угодно долго, а обвинение следователь не спешит предъявлять. Подобная правовая неурегулированность сама по себе продуцирует возникновение конфликтных ситуаций на предварительном следствии, что вряд ли способно привести к полному, всестороннему и объективному исследованию обстоятельств уголовного дела. Получается, что законодатель не просчитывает возможных последствий своих новелл, не прорабатывает их до логического завершения и, таким образом, провоцирует появление процессуальных конфликтов. Значит, одним из способов сокращения числа конфликтных ситуаций на предварительном следствии должна быть продуманность и логическая завершенность правовых норм. Нормальное, выверенное процессуальное законодательство само по себе приведет к сокраще-

нию жалоб участников процесса в досудебном уголовном производстве.

Что касается нарушений нормативных установлений со стороны следователей, то в подобных ситуациях жалобы частных лиц способствуют восстановлению законности, и в этом смысле их вполне можно, по нашему убеждению, назвать своеобразным регулятором законности на предварительном следствии.

Итак, жалобы на предварительном следствии представляют собой на современном этапе развития законодательства и конкретного правоприменения не некий нежелательный субстрат, а вполне правомерный вид обращения частных лиц – субъектов правоотношений, – который позволяет государству должным образом регулировать процессуальную деятельность должностных лиц с целью обеспечения безопасного, спокойного установления действительной картины преступления.

Н. Н. Демидов

ИЗУЧЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА И ЕГО МОТИВОВ В АСПЕКТЕ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ

В структуре конфликтных ситуаций на предварительном следствии значительное место занимает личность субъекта преступления. Являясь центральной фигурой во всей уголовно-правовой науке, личность преступника тем не менее остается на сегодняшний день достаточно мало изучаемым элементом криминалистической характеристики преступления. Современная криминалистическая практика столкнулась с проблемой раскрытия и расследования преступления на новом уровне, в связи с чем, на наш взгляд, возникает необходимость более тщательного исследования данной научной проблемы с привлечением новых методов.

Личность преступника является элементом структуры криминалистической характеристики преступления и наряду с другими элементами описывает преступление. Преступление есть личностный поступок, совершенный вполне конкретным человеком, обладающим определенными свойствами характера, ценностными ориентациями, мировоззрением, психофизиологическими особенностями, и данные характеристики взаимосвязаны с совершенным им противоправным деянием, являясь своеобразными следами преступления.

Прежде всего, на наш взгляд, следует говорить о мотиве совершенного преступления как о неперменной составляющей личностного поступка. В литературе высказываются предложения о том, чтобы положить мотивы совершения преступления в основу типологии преступников.

В этой связи корыстные и насильственные выделяются как основные виды мотивов совершенных преступлений. Наряду с ними упоминаются и другие мотивы: ревность, месть и т. д., а также указывается на специфические мотивы и так называемые не выявленные мотивы.

До сих пор юристы очень редко обращаются к сфере бессознательного для установления подлинных мотивов многих преступлений. Как правило, они исходят из осознанности всех мотивов преступлений. Зачастую личностные мотивы не выявляются, а приписываются личности преступника, исходя из внешней оценки преступных действий.

Бессознательные мотивы преступного поведения связаны с повышенной тревожностью личности, а тревожность в свою очередь порождается ее отчужденностью и дезадаптацией. Такой подход дистанцирует нас от объяснений типа «корысть–кража», искажающих в определенной мере истинную природу преступного деяния. Указанные мотивы, выявляющие основные личностные тенденции, связаны со всей прожитой жизнью индивида и вне ее не могут быть поняты.

Очевидно, что мотивы имеют определенные пласты, и верхние из них, особенно те, которые выполняют функции непосредственного побуждения к действию, чаще всего осознаются личностью. Значительно меньше, а обычно вообще не охватываются сознанием глубинные уровни, которые и заключают в себе субъективный смысл поведения, его личностную значимость. Например, похищая чужое имущество, преступник понимает, что это принесет ему материальный комфорт, лучший достаток, а следовательно, «целесообразно» совершать такие поступки. Но от его сознания ускользает, что подобным образом он утверждает (или подтверждает) свое социальное бытие и обеспечивает его защищенность, снижает беспокойство по поводу своей социальной определенности и положения среди окружающих. Глубинный и в данном случае наиболее мощный пласт мотивации в этом и состоит.

Изучение особенностей поведения преступников, выявление действительных мотивов совершаемых ими действий, составление психологических портретов могут способствовать раскрытию и рас-

следованию преступлений, особенно совершенных при невыясненных обстоятельствах и так называемых неочевидных преступлений. Типология преступников по примеру западных государств, в частности США, может способствовать составлению так называемых «criminal maps» – карт преступности, предназначенных в первую очередь для использования в практике правоохранительных органов в целях выявления и наглядной демонстрации структуры преступности в конкретном районе. Данные карты преступности в настоящее время внедряются в правоохранительную деятельность США, способствуя быстрому раскрытию преступления, на основе имеющейся объективной статистической и субъективной криминалистической информации о преступниках.

Имея в виду практический аспект, необходимо, исследуя личность преступника с позиции типологии, изучать взаимозависимость между типом личности и типом совершенного им преступления. Здесь, с нашей точки зрения, следует исходить из того, что преступление, совершенное определенным образом, не только дает возможность говорить о «почерке» преступника, его индивидуальной манере, но и указывает на тип личности преступника. Иначе говоря, следы преступления могут свидетельствовать о принадлежности преступника к тому или иному типу личности. В рамках криминалистических учетов накапливается и обрабатывается информация о способах совершения преступления. В зарубежных странах такая система именуется «MODUS OPERANDI». В ее основе лежат закономерно проявляющиеся свойства личности, обуславливающие индивидуальность и повторяемость способа преступления. В зарубежных странах давно уже ведется криминологическо-криминалистическое изучение лиц, виновных в совершении преступления.

Изучение личности преступника и мотивов преступного поведения может дать нам возможность создания психологического портрета преступника, построения следственных версий, определения тактики нейтрализации конфликтных ситуаций при производстве вербальных действий.

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СРЕДСТВ ОБЩЕНИЯ ДЛЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ ПРИ ДОПРОСЕ

Конфликтная ситуация допроса характеризуется активным противодействием допрашиваемых лиц, независимо от их процессуального положения, намерениям следователя установить истину по делу путем получения от них криминалистически значимой информации. Основным способом противодействия во время допроса является дача ложных (полностью или частично) показаний либо вообще отказ давать какие-либо показания.

В подобной ситуации следователь встает перед необходимостью преодоления установки допрашиваемого на отказ от сотрудничества. В юридической литературе высказано мнение о том, что успех решения данной задачи во многом определяется тем, насколько хорошо следователь разбирается в психологических закономерностях поведения человека, умеет проникнуть в мотивационную сферу его личности, своевременно обнаружить обман и разоблачить его¹.

Данное положение подтверждается результатами проведенного нами исследования. В ходе опроса 60-ти следователей, работников подразделений ОВД Тульской и Московской областей выяснилось, что, по их мнению, успех в преодолении негативных сторон конфликта во многом зависит от результативности формирования и поддержания психологического контакта следователя с участниками допроса (84,7 % опрошенных) и от способности следователя к выявлению и преодолению позиции допрашиваемого, направленной на дачу ложных показаний (61,4 %).

Какова бы ни была природа конфликта (социально-ролевые или межличностные отношения), его наличие неминуемо приводит к усилению эмоциональной напряженности допрашиваемого, затруднению критического восприятия и осмысления им событий, непониманию логических доводов и аргументов следователя и, как следствие, к снижению результативности следственного действия. Поскольку в основе «любого конфликта лежит ситуация, включающая острое противоречие между интересами взаимодействующих сторон...»², разрешение конфликта видится в устранении этого

¹ См.: Романов В. В. Юридическая психология. М., 1998. С. 416–417.

² Замылин Е. И. Тактико-психологические основы допроса в конфликтной ситуа-

противоречия. Однако в рамках следственного действия противоречие нередко носит ролевой характер, поскольку обусловлено процессуальным положением сторон. Такие конфликты далеко не всегда могут быть разрешены в процессе расследования. В этой ситуации следователь должен стремиться к устранению межличностных противоречий во взаимодействии с допрашиваемым для снижения эмоциональной напряженности взаимоотношений и расширения своих возможностей по выяснению иных мотивов негативной позиции допрашиваемого.

Исследования показывают, что нередко «натянутые» отношения между следователем и допрашиваемым складываются в силу несовпадения их субъективных психоэмоциональных характеристик. Так, например, установлено, что у каждого человека в структуре органов чувств есть своя ведущая система восприятия (визуальная, аудиальная, кинестетическая и т. д.), через которую он наилучшим образом получает информацию об окружающем мире и посредством которой преимущественно формирует свою «карту реальности»¹. Общение людей с разными системами восприятия менее продуктивно, чем с одинаковыми, и грозит появлением напряженности и взаимного непонимания. Поэтому следователь, преодолевая возможность наступления конфликтной ситуации, должен определить ведущую систему восприятия допрашиваемого и по возможности направить течение беседы в нужное русло. Ведущая сенсорная система проявляется в преимущественном использовании человеком слов одной модальности (например, визуалист предпочитает слова: видеть, присматриваться, пролить свет, показать; аудиалист – слышать, упоминать, рассказать; кинестетик – чувствовать, касаться, провести и т. д.).

Кроме того, известно, что признаком хорошего контакта между собеседниками является сходство их манеры общения и невербального поведения². Поэтому прием искусственной «подстройки» следователя под допрашиваемого способен значительно повысить доверительность и согласованность общения. Речь идет о своеобразном копировании, приведении в соответствие скорости, громкости и тона речи, а также таких аспектов невербальных средств об-

ции. Волгоград, 1998. С. 10.

¹ Коледа С. В. Моделирование бессознательного. Практика НЛП в российском контексте. М., 1999. С. 47–51.

² См.: Алдер Х. НЛП: Современные психотехнологии. СПб., 2000. С. 40–45.

щения, как поза, жестикуляция, мимика лица. Подстройка – весьма высокоэффективная техника совершенствования процесса общения. Но для достижения положительного результата следует избегать наигранности и очевидности ее использования. Иногда более целесообразно использовать частичное копирование жестов, мимики и т. д.

Удачно проведенная подстройка позволяет использовать технику ведения, которая состоит в последовательном изменении в целом состояния допрашиваемого, путем оказания на него воздействия невербальными средствами коммуникации¹.

Следует также упомянуть о возможностях изучения характера мыслительной деятельности допрашиваемого, определения его внутренней стратегии организации и извлечения информации из памяти, исходя из наблюдений за движениями его глаз. Этот метод позволяет достоверно судить об искренности человека в ответах на задаваемые вопросы².

А. Я. Эрекаев

КОНФЛИКТНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ ВООРУЖЕННЫХ РАЗБОЕВ

В современных условиях повышенную общественную опасность приобрели вооруженные разбои, совершаемые, как правило, группой лиц либо отдельными представителями организованных преступных сообществ. Нередко такие преступления «перерастают» в бандитизм. Изощреннее стали способы их совершения, более совершенно применяемые преступниками, в том числе боевое оружие, спецсредства, причем как российского, так и зарубежного производства.

Использование словосочетания «вооруженные разбои» указывает на особую форму насилия над потерпевшим, сопряженного с применением оружия. Важно отметить, что в способе совершения

¹ См.: Олейник А. Н. Психологические средства деятельности следователя в ситуациях конфликтов // Правовые, криминологические и криминалистические проблемы борьбы с преступностью. М., 1992. Вып. 3. С. 94–95.

² Подробнее см.: Алдер Х. Указ. соч. С. 50–51; Коледа С. В. Указ. соч. С. 51–53.

разбоя оружие является основным средством осуществления насилия, обеспечивающим достижение преступной цели. Это и позволяет отнести данное преступление к категории «вооруженных»¹. В связи с чем использование термина «вооруженные разбои» вполне уместно и в криминалистике при рассмотрении вопросов организации тактики, методики их раскрытия и расследования.

Одной из наиболее актуальных проблем практики раскрытия и расследования вооруженных разбоев остается проблема конфликтных следственных ситуаций, методов и средств их разрешения. Такие ситуации, как правило, возникают уже на первоначальном этапе расследования. По нашим данным примерно 76% лиц, задержанных по подозрению в совершении вооруженных разбоев, либо отрицают свою вину, либо вообще отказываются давать показания. В дальнейшем по ходу расследования большая часть из них (66%) давали признательные показания, хотя каждый пятый затем в суде отказывался от таких показаний, ссылаясь, как правило, на незаконные методы допроса².

Конфликтные следственные ситуации существенно усложняются по мере расследования вооруженных разбоев, когда они приобретают форму противодействия расследованию, в котором нередко принимают участие не только подозреваемый (обвиняемый), но и другие лица (его родственники, друзья, оставшиеся на свободе, соучастники и т. п.). При этом следователь вынужден противостоять коллективным, нередко согласованным и хорошо организованным действиям субъектов противодействия. К тому же в их числе могут оказаться и коррумпированные представители органов власти и управления, в том числе правоохранительных органов.

Следует учитывать и неординарные способы действий субъектов противодействия расследованию. Это не только уничтожение, фальсификация следов преступлений, что было характерно в недалеком прошлом и рассматривалось в криминалистике в контексте одного из трех элементов способа преступления, а именно его сокрытие. Противодействие расследованию в современных условиях в его организованных формах характеризуется жестким пси-

¹ См.: *Корецкий Д. А., Кириллов С. И.* Вооруженные разбойные нападения. М., 1998. С. 5–6.

² Аналогичные данные приводятся и другими исследователями этой проблемы. См., например: *Федоренко А. Ю.* Криминалистическая техника в предупреждении и пресечении противодействия раскрытию и расследованию преступлений: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 47.

хологическим или даже физическим воздействием и не на абстрактно воспринимаемые следы преступлений, а на реальных участников уголовного процесса, начиная от свидетелей, потерпевших и заканчивая следователем, прокурором, судьей.

По данным различных исследователей (И. А. Бобраков, А. В. Кучеров, В. П. Лавров, А. Н. Петрова и др.) до 78 % опрошенных ими следователей со стажем работы более трех лет отмечают наличие попыток воздействовать на них в целях противодействия расследованию. Можно только предполагать, как реагировали следователи на такие попытки, но бесспорным представляется тот факт, что во всех случаях они испытывали на себе их деморализующее влияние. Исключительная сложность подобных следственных ситуаций нередко усугубляется иными обстоятельствами. Это:

- предвзятые, иногда просто клеветнические (естественно, заказные) сообщения в средствах массовой информации;
- формирование соответствующего общественного мнения, что делает еще более проблематичным получение и использование свидетельских показаний или влечет их изменение в пользу подозреваемых;
- отсутствие или малозначительность материальных источников криминалистически значимой информации.

Естественно, возникает традиционный вопрос «что делать?». В поисках ответа на него необходимо сразу же оговориться, что проблема противодействия расследованию преступлений, в том числе вооруженных разбоев, далеко не узкоследственная. Причины этого явления имеют глубокие социально-экономические корни. И именно с этих позиций прежде всего следует искать возможности и разрабатывать адекватные меры нейтрализации этого негативного социального явления. На это обращают внимание не только ученые-криминологи, но и криминалисты¹. Вместе с тем в этих же целях требуют своего решения многие проблемы собственно криминалистической теории и практики. Остановимся только на некоторых из них, по нашему мнению, наиболее злободневных.

Во-первых, это проблема взаимодействия следователей с оперативными аппаратами и использования результатов деятельности по-

¹ См., например: *Волынский А. Ф., Лавров В. П.* Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений (проблемы теории и практики) // Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации: Матер. науч.-практ. конф. (29–30 октября 1996 г., г. Руза). М., 1997. С. 93–94.

следних в процессе доказывания. Более широкие возможности в этом отношении обозначились с изданием Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (1995 г.). Обозначились, но фактически не реализуются: в действующем УПК РСФСР не определен механизм, нечетко регламентирован порядок и самого взаимодействия указанных субъектов и использования оперативно-розыскных данных в качестве доказательств. Впрочем, сошлемся на факты.

Из 108 изученных нами уголовных дел (по групповым вооруженным разбоям) только 22 % возбуждалось в порядке реализации материалов оперативных разработок. Еще меньше уголовных дел (9 %), в которых имеются инициативно представленные оперативными аппаратами соответствующие материалы уже в процессе расследования этих преступлений. Более половины поручений следователей оперативным аппаратам (они давались по 26 % уголовных дел) оказались невыполненными, хотя были формальные отписки, или вообще остались без ответа. Примерно такими же данными оперирует Х. А. Бейтуганов, исследовавший проблемы расследования преступлений в Северо-Кавказском регионе¹.

Из сказанного очевидно, что правовые и организационные формы взаимодействия следователей с оперативными аппаратами, несмотря на попытки наполнить их новым содержанием, попросту не срабатывают. Строго говоря, пока лишь благим пожеланием остается идея оперативного сопровождения процесса расследования преступлений. А как раз в разрешении конфликтных следственных ситуаций в условиях противодействия расследованию оно и должно было бы играть решающую роль. Мы уже не говорим о такой проблеме, как обеспечение безопасности участников уголовного процесса.

Анализируя сложившуюся в этом отношении практику в аспекте все возрастающей криминализации нашего общества, следует согласиться с учеными, которые, по-нашему мнению, довольно аргументированно доказывают необходимость сближения функций следователей и оперативных работников, предоставления первым права (в конкретно определенных случаях и при особо оговоренных условиях) не только знакомиться с данными оперативно-розыскной

¹ См.: Бейтуганов Х. А. Особенности расследования преступлений, совершаемых организованными преступными сообществами, в Северо-Кавказском регионе: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 107.

деятельности, но и принимать в ней непосредственное участие, например, в форме следственно-оперативных групп¹.

Возражения по этому поводу нам представляются неубедительными и не только с позиции зарубежного опыта, где данная проблема решается именно таким образом. Ограничивая в этом отношении следователей, мы искусственно усложняем систему информационного обеспечения процесса расследования, более того, выражаем им недоверие, подвергаем сомнению их объективность, профессионализм и порядочность. В таком случае, справедливо замечает Д. И. Бедняков, «следует признать необъективной всю процессуальную деятельность оперативного работника», выступающего в качестве лица, производящего дознание (ст. 119, 120 УПК РСФСР)².

Нам представляется, что на проблему взаимодействия следователей с оперативными работниками в современных условиях борьбы с преступностью следует смотреть и с позиций обеспечения их личной безопасности, соблюдения тайны следствия. По этим соображениям полагаем, что вполне оправданным было бы введение непосредственно в штаты органов предварительного расследования оперативных работников, которые действительно могли бы осуществлять оперативное сопровождение процесса расследования.

Во-вторых, это проблема расширения и укрепления доказательственной базы по уголовным делам. В настоящее время она на 85–90 %, что отмечают многие исследователи, представляется в виде вербальной информации. Однако, как нами установлено при изучении уголовных дел по вооруженным разбоям, 26 % свидетелей и 18 % потерпевших в ходе следствия изменяют свои показания в пользу подозреваемых (обвиняемых), что явно не способствует разрешению конфликтных следственных ситуаций и преодоления противодействия расследованию. Скорей наоборот.

В этой связи особое внимание, как нам представляется, следует обратить на материальные носители доказательственной информации. Имеются в виду не только соответствующие следы преступлений, которые по фактам вооруженных разбоев обнаруживаются и изымаются относительно редко (1–2 следа по 63 % уголовных дел; ни одного – по 28 %), а прежде всего технические средства фиксации

¹ См., например: Бейтуганов Х. А. Указ. соч. С. 114–116.

² См., например: Бедняков Д. И. Организация взаимодействия следователей и оперативных работников при реализации материалов агентурной разработки: Лекция. М., 1984.

вербальной информации на материальных носителях. Вместе с тем применение таких средств (аудио- и видеозаписи при допросах, видеозаписи для дистанционного проведения опознания, очной ставки, технических средств контроля и записи телефонных переговоров и т. п.) отмечается всего по 3 % уголовных дел. Надо ли говорить, какие огромные возможности упускаются при этом с точки зрения предупреждения конфликтных следственных ситуаций, их разрешения и в целом преодоления противодействия расследованию.

В-третьих, в настоящее время в специальной, особенно криминалистической, литературе довольно много пишется о так называемых нетрадиционных методах и средствах доказывания. Из них объективно с позиций научной состоятельности и положительной практики применения выделяются одорологические и полиграфоскопические.

«Открытие» одорологии, разработка методов и средств изъятия консервации запаха человека, методики проведения одорологической выборки (идентификации человека по запаху с использованием биодетектора, т. е. специально натренированной собаки) – заслуга отечественных криминалистов. Однако все это широко и довольно успешно как средство доказывания по уголовным делам применяется во многих зарубежных странах, но не в нашей стране. Хотя, справедливости ради, следует заметить, что судебная практика, вопреки консерватизму в этом вопросе законодателя, постепенно изменяет свое отношение к одорологии, признавая в ряде случаев результаты ее применения в качестве источников доказательств.

Полиграфоскопия. С ней положение несколько противоречивей и тем не менее, будучи научным средством анализа биопсихологического состояния человека в заданных ситуациях, по-нашему мнению, она не без оснований претендует на место в системе научно-технических средств получения, по крайней мере, розыскной (ориентирующей) информации. Во всяком случае, нас в этом убеждает не только соответствующий зарубежный опыт, но и результаты применения полиграфоскопии в ряде органов внутренних дел нашей страны. В частности, показательна в этом отношении практика УВД Краснодарского края, где с применением полиграфоскопии ежегодно раскрываются сотни преступлений¹.

¹ См.: *Волинский В. А.* Закономерности и тенденции развития криминалистической техники: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 344.

Говоря о возможностях полиграфоскопии, как средства доказывания, позволим себе обратить внимание на два обстоятельства. Первое. Вероятность получения с ее помощью достоверной информации по различным научным данным колеблется от 75 до 95 %. Этот факт противники полиграфоскопии непременно вспоминают, отрицая возможность ее использования как средства доказывания. Но практически в этих же пределах можно оценить достоверность и свидетельских показаний (что отмечалось нами ранее). Однако ни у кого по этой причине не возникает даже мысли не признавать свидетельские показания в качестве доказательств. Второе. Строго говоря, доказательством признаются результаты применения не полиграфоскопии и их расшифровки специалистом, не «графики на бумажных лентах», не «какие-то кривые», по выражению А. М. Ларина¹, а конкретных, предусмотренных УПК РСФСР следственных действий, при проведении которых может использоваться этот метод (обыска, допроса и т.п.) и, кстати, в процессе которых наиболее зримо и жестко проявляется конфликтность следственных ситуаций.

Здесь следует согласиться с В. А. Волынским, что проблема одорологии и полиграфоскопии скорее правовая, а не научно-техническая или сугубо криминалистическая².

В-четвертых, проблема конфликтных следственных ситуаций и их разрешения в условиях противодействия расследованию самым непосредственным образом связана с профессиональной, прежде всего криминалистической, подготовкой следователей. От этого во многом зависит результативность их работы, в том числе в указанных ситуациях.

В криминалистической литературе можно обнаружить немало полезных рекомендаций по организации взаимодействия следователя с оперативными работниками, по безотлагательному розыску орудий преступления и предметов преступного посягательства, по тактике осмотра места происшествия и проведению иных следственных действий, в том числе в условиях конфликтных следственных ситуаций. Однако все эти и им подобные рекомендации, как свидетельствует анализ следственной практики, срабатывают крайне слабо. На местах происшествий, по данным ряда ученых, изымается примерно

¹ См.: Ларин А. М. Правда о детекторе лжи // Известия. 1989. 14 нояб.; Он же. Криминалистика и паракриминалистика. М., 1996. С. 148.

² См.: Волынский В. А. Указ. соч. С. 340–349.

один из четырех следов преступлений¹, или «в среднем один след преступника удастся обнаружить в результате осмотра пяти мест происшествий»². При расследовании вооруженных разбоев и бандитизма, по нашим данным, в каждом четвертом случае не обнаруживается оружие, в каждом втором – предметы преступного посягательства. Это как раз то, без чего затруднительны, если и возможны, правильная квалификация рассматриваемого вида преступлений, успешное разрешение конфликтных ситуаций в процессе их расследования и преодоления противодействия ему.

По нашему мнению, все это можно объяснить крайне слабой профессиональной подготовкой и следователей, и оперативных работников. Об этом убедительно свидетельствуют факты, характеризующие не только качественный состав кадров соответствующих служб: немногим более половины следователей и менее того оперативных работников имеют высшее юридическое образование, около 30 % из них имеют стаж работы в должностях до 3 лет, а до 10 % ежегодно расстаются с этими службами. Но не иначе как тревожной можно оценить ситуацию, сложившуюся в части криминалистической подготовки этой категории сотрудников. Криминалистика – прикладная наука, и здесь недостаточно что-то знать, надо многое уметь. А как раз этому в наших «профессионально ориентированных» вузах МВД РФ (за редчайшим исключением), по большому счету, не учат. Оставляет желать лучшего и система служебной подготовки, переподготовки, повышения квалификации и следователей, и оперативных работников.

Следует заметить, что в учебных планах, разработанных в соответствии с новым государственным стандартом юридического образования, обозначены серьезные изменения в этом отношении (на практические занятия по криминалистике и спецкурсам отводится до 60 % учебного времени). Однако, судя по всему, проблема методического обеспечения таких занятий остается весьма проблематичной, особенно в таких вузах и их филиалах, где крайне велика учебная нагрузка на преподавателей соответствующих кафедр и весьма малочисленная часть из них обладает необходимым для этого педагогическим опытом и мастерством. Вместе с тем кон-

¹ См.: *Волынский В. А.* Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений. М., 1994. С. 43–45.

² *Ищенко П. П.* Специалист в следственных действиях (уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты). М., 1990. С. 47.

кретные следственные ситуации, прежде всего конфликтные, приемы и методы их разрешения должны стать предметом разбора на практических занятиях.

Рассматривая проблему конфликтных следственных ситуаций, следует учитывать, что в последнее время преступники нередко используют различные средства воздействия на сотрудников правоохранительных органов в форме того же противодействия раскрытию и расследованию вооруженных разбоев. В контексте этой проблемы нецелесообразно, на наш взгляд, рассматривать вопросы разрешения конфликтных следственных ситуаций только криминалистическими средствами и методами, здесь нужен комплексный подход. Впрочем и в криминалистике эту проблему следует рассматривать, как мы полагаем, с точки зрения в целом криминалистического обеспечения деятельности следователя и оперативного работника в условиях организованного противодействия раскрытию и расследованию преступлений, в том числе вооруженных разбоев.

Д. М. Филин

К ВОПРОСУ О КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЯХ ПРИ ПЛАНИРОВАНИИ РАССЛЕДОВАНИЯ КРАЖ СКОТА НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ

1. Для более быстрого раскрытия кражи скота и установления виновных лиц уже на первоначальном этапе расследования необходимо проведение работы при соблюдении следующих условий: тщательного анализа исходной следственной ситуации; выдвижения на основе первичных материалов всех возможных реальных версий; совместного планирования следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий; согласованных действий следователя с сотрудниками органов внутренних дел, обеспеченных единым руководством. Проанализировав результаты работы следственно-оперативной группы на месте происшествия, следователь должен определить исходную следственную ситуацию и на основе имеющихся материалов выдвинуть версии, а затем совместно с оперативными работниками осуществить планирование и выполнение необходимых следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

2. Исследование и анализ исходной следственной ситуации следователем включает: а) изучение заявления или сообщения о краже скота и иной первоначальной информации на предмет установления наличия или отсутствия признаков кражи; б) определение обстоятельств кражи; в) установление способа совершения кражи скота; г) изучение сведений, характеризующих лиц, подозреваемых в совершении кражи; д) уяснение подробного описания признаков и особых примет похищенного скота; е) по возможности установление характера и размера ущерба. Исходные следственные ситуации представляется целесообразным классифицировать на две большие группы: конфликтные исходные следственные ситуации и бесконфликтные исходные следственные ситуации. При расследовании указанного вида преступлений, примерно в 80 %, складываются конфликтные ситуации.

Конфликтные исходные следственные ситуации, в зависимости от степени признания своей вины лицом, подозреваемым в совершении кражи скота, могут быть, в свою очередь, классифицированы следующим образом: 1) лицо, совершившее кражу скота, задержано, но отрицает факт его совершения; 2) лицо, совершившее кражу скота, задержано, оно не отрицает факта его совершения, но следствие не располагает достаточными доказательствами его вины; 3) лицо, совершившее кражу скота, задержано, оно не отрицает факта его совершения, подтвержденного достаточным количеством доказательств, однако похищенный скот и иное имущество не обнаружены и материальный ущерб не возмещен.

3. Рассмотрим, какие следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия следователю и оперативному работнику наиболее целесообразно планировать в каждой названной типичной исходной следственной ситуации.

В первой ситуации в плане расследования следует предусмотреть выполнение следующих следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий: а) обысков по месту жительства лица, подозреваемого в совершении кражи, а также его родственников и близких; б) допросов лица, подозреваемого в краже скота, по всем обстоятельствам его совершения; в) проверку показаний подозреваемого в краже скота, которую следует осуществлять как следственным, так и оперативным путем; г) направления отдельных поручений в орган дознания о проведении оперативно-розыскных мероприятий по установлению очевидцев и свидетелей преступления, а также по проверке причастности подозреваемых и иных лиц к

совершенной краже скота; д) задержания лица, обоснованно заподозренного в краже скота, в порядке ст. 122 УПК РСФСР. **Во второй** ситуации в плане расследования кражи скота, дополнительно к вышеназванным следственным действиям и оперативно-розыскным мероприятиям, необходимо предусматривать: е) производство выемки одежды и обуви у лица, подозреваемого в краже; ж) назначение биологической и почвоведческой экспертиз. **В третьей** ситуации в плане расследования, дополнительно к следственным действиям и оперативно-розыскным мероприятиям, названным применительно к первой и второй следственным ситуациям, также следует предусмотреть: з) наложение ареста на имущество подозреваемого; и) направление отдельного поручения в орган дознания о проведении оперативно-розыскных мероприятий по установлению местонахождения похищенного скота, а также по проверке мест сбыта живого (убойного) скота и лиц, осуществляющих продажу мяса на рынках; к) допросы ветеринаров, выдающих справки о результатах осмотра скота, и проверку имеющихся у них журналов (при обнаружении интересующих данных, журнал и копии справок должны быть изъяты).

Исходные следственные ситуации могут быть и **бесконфликтными**, характеризуюсь при этом полным или значительным совпадением интересов следователя и лица, совершившего преступление. Они могут возникнуть, когда лицо, совершившее кражу скота, задержано на месте преступления с поличным, оно не отрицает факта его совершения, а у следователя имеются в распоряжении достаточные изобличающие его доказательства. При этом такие ситуации могут содержать и элементы неопределенности: 1) когда не исключена возможность совершения этим лицом аналогичных или иных преступлений; 2) когда не выяснены причины и условия, способствовавшие совершению кражи скота.

В названных ситуациях следует предусмотреть в плане расследования производство следующих следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий: а) производство обысков по месту жительства лица, совершившего кражу скота, и у его родственников; б) направление в орган дознания отдельного поручения о проверке лица на причастность к совершению аналогичных либо иных преступлений; в) допросы лица, подозреваемого в краже скота, с полным выяснением обстоятельств кражи (места, времени, способа совершения кражи, орудий и предметов, которые использовались при совершении преступления) и сбыта похищенного скота. Если похищенный скот подвергся убою, то следует выяснить, где и

у кого были получены ветеринарные справки, кому и куда сбывался похищенный скот или мясо; г) допросы родственников лица, подозреваемого в краже скота; д) наложение ареста на имущество подозреваемого; е) проверку и установление следственным либо оперативным путем ветеринаров или лиц, выдававших справки, с последующим их допросов по всем обстоятельствам происшедшего; ж) изъятие журнала регистрации выдаваемых ветеринаром справок, с целью установления и проверки анкетных данных лица, подозреваемого в краже скота.

4. Немаловажное значение имеет также рассмотрение вопроса об особенностях планирования расследования краж скота в исходных следственных ситуациях, отличающихся отсутствием сведений о виновных лицах. Названные следственные ситуации можно классифицировать, избрав в качестве основания их деления степень неопределенности информации о виновном лице и похищенном скоте на три группы: 1) сведения о лице, совершившем кражу скота, отсутствуют, но при этом имеется информация о похищенном скоте и его вероятном местонахождении; 2) сведения о лице, совершившем кражу скота, отсутствуют, при этом не имеется какой-либо информации о местонахождении похищенного скота; 3) отсутствуют данные о лице, совершившем кражу скота, и нет сведений о похищенном скоте, однако известен способ совершения кражи.

При расследовании краж скота, когда следователь определяет, что конкретная следственная ситуация относится к первой либо второй типичной исходной следственной ситуации, он совместно с оперативным работником должен предусмотреть в плане расследования проведение следующих следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий: а) назначение криминалистических экспертиз по предметам (навесные замки, орудия взлома и др.), а также по обнаруженным следам (копыт, ног и др.), изъятых в ходе осмотра места происшествия; б) поручение органу дознания производства оперативно-розыскных мероприятий по установлению лиц, совершивших кражу скота, свидетелей этого преступления, а также для установления, где еще были совершены кражи скота аналогичным способом (взлом замков, использование одного и того же транспортного средства, участие в краже групп лиц); в) производство выемки или обыска для обнаружения похищенного скота, в случае наличия сведений о его местонахождении; г) допросы лиц, у которых был обнаружен похищенный скот; д) допросы пострадавших по вопросам, когда им стало известно о краже скота, каковы

количество и приметы похищенного скота и кого они подозревают в этом преступлении. Кроме того, при допросах законных представителей следует выяснять, когда последний раз проводилась инвентаризация скота, пересчитывался ли скот перед пропажей и кто ответственный за проведение данного мероприятия; е) проверку оперативным путем работников предприятий или организаций, родственников или знакомых частных лиц, у которых похищен скот, на предмет их причастности к совершению кражи; ж) допросы лиц, проживающих по соседству с потерпевшими либо неподалеку от места кражи.

При отнесении конкретной следственной ситуации к третьей типичной исходной следственной ситуации, в плане расследования в дополнение к перечисленным действиям следует предусмотреть и направление органу дознания поручения о проверке мест сбыта похищенного скота или мясопродуктов, и установление ветеринаров, возможно выдававших справки похитителям скота.

Высказанные предложения и рекомендации по планированию расследования краж скота будут способствовать совершенствованию и оптимизации работы следователей и сотрудников органов внутренних дел по преступлениям данного вида.

И. А. Ландин

КОНФЛИКТНЫЕ СИТУАЦИИ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, УСИЛИВАЮЩИЕ КОНФЛИКТЫ ПО ДЕЛАМ О ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ

1. Любое преступление – это конфликт, столкновение интересов правонарушителя и интересов общества, охраняемых законом прав и интересов отдельных граждан.

При расследовании по уголовному делу у лица, совершившего преступление, появляется новая цель – избежать ответственности. Стратегическая, максимальная цель преступника – полное уклонение от предусмотренной законом ответственности, признание его невиновным в совершении преступления, а в крайнем случае – переквалификация содеянного на менее тяжкий состав, назначение минимального наказания.

Для решения этих задач преступник в период предварительного следствия оказывает противодействие, что порождает конфликт.

Противодействие расследованию осуществляется в следующих формах:

а) Уничтожение следов преступления.

б) Оказание давления на свидетелей, потерпевших, других обвиняемых, а также на следователя.

Обвиняемые своим поведением пытаются спровоцировать следователя на нарушения профессиональной этики, а также добиться совершения им ошибок при производстве следственных действий.

в) Создание ложного алиби.

г) Попытки добиться признания доказательств по делу, полученных с нарушениями процессуального законодательства. С этим способом противодействия связан один из самых сильных конфликтов на следствии.

Для достижения этой цели обвиняемые подают заявления о том, что, например, в ходе обыска следователем были изъяты предметы, не внесенные в протокол, что имелись нарушения при изъятии и упаковке вещдоков, и т. п.

Единственным способ противостоять этому явлению – строжайшее соблюдение требований процессуального законодательства.

д) Отказ от дачи показаний – один из самых распространенных способов сокрытия преступления преступником.

Как правило, обвиняемый на допросе лишь делает голословное заявление о том, что он невиновен, отказываясь отвечать на уточняющие вопросы. В дальнейшем, ознакомившись с материалами дела, обвиняемый и защитник имеют возможность подготовить правдоподобные объяснения фактам, которые установлены следствием, более продуманно строить ложное алиби и опровергать доводы следствия.

Уголовно-процессуальным законодательством предусмотрен ряд мероприятий, направленных на воспрепятствование попыткам преступника помешать расследованию, скрыть следы преступления, что прежде всего относится к применению меры пресечения в виде заключения под стражу. Это обстоятельство ставит перед преступником промежуточную, тактическую задачу – добиться избрания меры пресечения, не связанной с лишением свободы. Ее решение позволит более активно противодействовать следствию.

Для этого обвиняемые затягивают предварительное следствие, чтобы истекли предельно допустимые сроки содержания под стражей.

Особенностью является и то, что в конфликты предварительного следствия активно включены защитники обвиняемого. Более того, возникает новая группа конфликтов – между следователем и защитником обвиняемого, которые, несмотря на свой производный характер, порой приобретают самостоятельное значение.

Во многих случаях именно защитник определяет конфликтную позицию обвиняемого – непризнание вины, отказ от дачи показаний, инициирует подачу заявлений о якобы допускаемых следователем нарушениях прав обвиняемого.

2. Обострению конфликтов по делам о взяточничестве дополнительно способствует ряд факторов.

Во-первых, взяточник, являясь должностным лицом, обладает многообразными связями, в том числе среди работников правоохранительных органов. Во-вторых, они зачастую обладают высоким уровнем образования, богатым жизненным опытом, знанием особенностей работы правоохранительных органов. В-третьих, даже при аресте они имеют возможность активного влияния через своих адвокатов, которых зачастую привлекают несколько. В-четвертых, как правило, взяточники располагают значительными материальными средствами, полученными в результате противозаконной деятельности, что позволяет оплачивать услуги опытных адвокатов, подкупать свидетелей и т. д. В-пятых, должностные лица, связанные с процессом управления, постоянно находящиеся в общении с людьми, обладающие хорошим знанием психологии, умением самому оказывать влияние и противостоять постороннему влиянию, являются серьезными противниками следователя.

Взяточники стремятся не только избежать уголовной ответственности, но и сохранить занимаемое должностное положение. С осуждением, даже при незначительном наказании, связана потеря социального статуса лица. При амбициозности, свойственной данной категории лиц, это является мощным фактором, определяющим активность противодействия, нежелание ни при каких обстоятельствах признавать свою вину.

Указанные обстоятельства должны учитываться следователем при организации расследования по делам данной категории и установлении психологического контакта с обвиняемым и его защитником.

**КОНФЛИКТНЫЕ СИТУАЦИИ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ
ДЕФИЦИТОМ СУБЪЕКТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПРИ СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕРТИЗЕ ОБВИНЯЕМЫХ**

Текущая практика судебно-психиатрической экспертизы показывает, что в отношении определенной части обвиняемых, направленных на освидетельствование, у членов комиссии могут возникнуть сомнения в достаточности «...доказательств, дающих основание для предъявления обвинения...» (ст. 143 УПК). Речь идет о тех случаях (вероятность которых резко повышается при освидетельствовании обвиняемых в совершении тяжких правонарушений), когда испытуемые активно противодействуют расследованию: меняют свои показания, приводят принципиально иную (по сравнению с имеющейся в уголовном деле) версию случившегося, отрицают содеянное. Реже – они вообще отказываются от обследования, не сообщают какой-либо информации относительно своей причастности к уголовно наказуемому деянию.

Не игнорируя процессуальных норм, касающихся прав эксперта, круга лиц, компетентных в оценке доказательств на стадии расследования, нельзя не согласиться с фактом, что в данных случаях экспертная комиссия сталкивается с особым рода трудностями – не столько собственно клиническими (распознавание болезни), сколько методическими. Прежде всего это определяется тем (В. В. Вандыш, 1999), что экспертной комиссии приходится оценивать возможность испытуемого «осознавать фактический характер...» предполагаемого *конкретного криминального акта* со всеми идентифицирующими его атрибутами (время, место совершения, объект насилия) при принципиальном несовпадении субъективной (со слов испытуемого) и объективной (по материалам уголовной дела) информации, естественно, если последняя мало убедительна, не доказательна. В этих случаях обоснование «сохранения способности...» обвиняемого такими традиционными судебно-психиатрическими критериями (по существу «экспертными штампами»), как, например, «отсутствие в момент совершения инкриминируемого деяния какой-либо психопатологической симптоматики», «сохранность воспоминаний», «целенаправленность действий», теряет свой смысл. Поэтому остается в силе утверждение, что в такого рода экспертных ситуациях объек-

тивно повышается вероятность «предположительных» выводов, по существу решений о *невозможности дачи заключения* из-за недостаточности представленных материалов (ст. 82 УПК).

Текущая практика свидетельствует также, что обсуждаемая экспертная проблема (методические трудности вынесения решения при отсутствии или противоречивости субъективных сведений) весьма актуализировалась в условиях правоприменения ст. 22 УК РФ (так называемая «ограниченная вменяемость»). Это объясняется, прежде всего, тем, что при обосновании «ограниченной вменяемости» инкриминируемое деяние, его характеристики, параметры уже не подразумеваются (как при дихотомическом подходе – «вменяем/невменяем»), но должны быть интегрированы как необходимая, составная часть системы экспертных критериев. Более того, можно утверждать, что обоснование экспертного заключения в случае признания субъекта «ограниченно вменяемым» является именно той моделью, где по сути, а не декларативно осуществляется оценка влияния существующих у субъекта психических расстройств на его способность к произвольной регуляции своего поведения, в данном случае – при совершении инкриминируемого правонарушения. Поэтому при проведении судебно-психиатрического освидетельствования обвиняемого, когда, по мнению эксперта (с учетом характера преобладающих у испытуемого расстройств и обстоятельств совершения им правонарушения), *вероятность* экспертных выводов об «ограниченной вменяемости» очень высока, однако испытуемый в силу каких-либо причин (в том числе и установочного поведения) конфликтует, отказывается сотрудничать с экспертом, необходим специфический подход к разрешению проблемной ситуации.

Эта ситуация может рассматриваться в одинаковой мере как организационная, так и *этико-правовая*, поскольку перед экспертом стоит проблема выбора – должен ли он вообще предпринимать попытку разрешения данной конфликтной ситуации посредством коррекции позиции обвиняемого и если да, то в какой степени.

Какая-либо регламентация тактики психиатра-эксперта в подобной ситуации отсутствует. По всей вероятности, в силу специфики обоснования нормы «ограниченной вменяемости» она в значительной мере должна определяться тем обстоятельством, в какой мере испытуемый может самостоятельно осуществлять свое право на защиту. Другими словами, врачу необходимо оценить «степень компетентности» испытуемого в принятии решения – способность реалистически оценить преимущества и альтернативы предлагае-

мой помощи, сделать выбор, осознать его возможные последствия, разрешить конфликтную ситуацию в целом.

В тех случаях, когда способность к самостоятельному совершению процессуальных действий испытуемого ограничена (в силу, например, интеллектуальной недостаточности), отношения между экспертом и испытуемым могут (и, наверное, должны) строиться на основе известных, законодательно закрепленных в общей психиатрии, принципах «информированного согласия», которые в судебной психиатрии могут ограничиваться принципом информированности обвиняемого относительно целесообразности изменения его установок в пользу объективного освещения обстоятельств криминальной ситуации.

Когда же эксперты приходят к заключению, что обвиняемый в состоянии выбирать и предпочтительный для него путь защиты, комиссия, по всей вероятности, вправе ограничиться принципиальным выводом о «вменяемости», не пытаясь по существу заочно (лишь по материалам дела) обосновать вероятностное заключение об «ограниченной вменяемости» обвиняемого.

М. Г. Першаков

КОНФЛИКТНЫЕ СИТУАЦИИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ ПРИ ПРИЗНАНИИ ОБВИНЯЕМОМ СВОЕЙ ВИНЫ, И ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

Признание обвиняемым своей вины на предварительном следствии явление не редкое, позволяющее судить об отношении лица к предъявленному обвинению.

В случае, когда предварительное следствие велось в соответствии с требованиями норм уголовно-процессуального законодательства, когда соблюдались законные права и интересы лица, обвиненного в совершении преступного деяния, вероятность возникновения ситуаций, которые могли бы повлиять на отношение обвиняемого к инкриминируемому деянию и подвигнуть его к неправильной оценке содеянного или попросту заставить признать вину, невелика. Если таковые и возникают, то в основном из-за желания самого обвиняемого спровоцировать такую ситуацию, которая могла бы направить следствие по ложному пути.

Причины этого могут быть как субъективного (желание спасти от уголовной ответственности лицо, действительно виновное в преступном деянии), так и объективного характера, к примеру, когда лицо, не имея средств к существованию, берет на себя чужую вину, надеясь на то, что в местах лишения свободы оно будет находиться на иждивении государства).

В научной литературе явление, когда лицо признает вину в преступлении, которое в действительности им не было совершено, называется самооговором, т. е. ненадлежащей формой признания вины. Устранить подобное в судебном заседании можно лишь путем детального анализа всей совокупности имеющихся по делу доказательств. Данный анализ в идеальном варианте должен привести к тому, что признание вины станет противоречить фактическим обстоятельствам дела, и самооговор будет устранен. При наличии сомнения в истинности признания вины очень эффективным средством его проверки выступает следственный эксперимент, который позволяет выявить возможное противоречие между признательными показаниями (в рассматриваемом варианте) и тем, что будет установлено в ходе вышеуказанного следственного действия.

Гораздо чаще проблема конфликтных ситуаций на стадии предварительного следствия возникает, когда имеют место быть различные злоупотребления со стороны должностных лиц, уполномоченных законом на расследование преступлений на данном этапе уголовного процесса. Подобные злоупотребления обычно выражаются в обмане (обещание совершить какие-либо действия в пользу обвиняемого лица в обмен на его признание вины), принуждении путем угроз, принуждении путем насилия. В научной литературе подобные явления именуются незаконными методами расследования. В западной литературе, посвященной проблемам уголовного процесса, доказательства, добытые с применением незаконных методов расследования, именуются «плодами отравленного дерева». Такое определение достаточно ярко описывает возможные последствия вышеуказанного незаконного варианта добывания доказательств.

Выявить и устранить самооговор, порожденный таким способом, гораздо сложнее, так как возникает он исключительно против воли обвиняемого и перманентно подавляет ее, не позволяя обвиняемому выразить своего настоящего отношения к предъявленному обвинению.

Представляется необходимым, наиболее тщательным образом в ходе судебного следствия проверять признание вины на предмет

его допустимости как доказательства. Выяснение причин, вследствие которых было сделано признание вины, а также тех обстоятельств, которые сопутствовали этому, – важнейшее условие установления истины по делу и вынесения законного и справедливого приговора.

А. Н. Першин

РОЛЬ ПОЛИГРАФНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РАЗРЕШЕНИИ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Подозреваемые и обвиняемые зачастую пытаются скрыть факт совершения преступления либо отдельные его детали, дают ложные, противоречивые показания, что порождает конфликтную ситуацию на предварительном следствии. Ее возникновение приводит к увеличению сроков расследования преступлений, является причиной, препятствующей достижению истины в уголовном судопроизводстве.

Конфликтная ситуация при расследовании преступлений является закономерностью, избавиться от которой практически невозможно. При расследовании любого вида посягательства у подозреваемого или обвиняемого лица нередко отсутствует желание признавать вину в совершенном им общественно опасном деянии и нести за него ответственность. Лицо, производящее дознание или следствие, может лишь свести конфликтную ситуацию к минимуму, используя различные средства и методы своей работы. Одним из нетрадиционных средств разрешения конфликтной ситуации при расследовании преступлений, на наш взгляд, можно назвать применение полиграфных исследований.

Ввиду ограниченности объема настоящей работы мы не затрагиваем процессуальный аспект проблемы полиграфа и остановимся только на отдельных тактических моментах его применения в расследовании.

Ю. Г. Корухов отметил, «что полиграф при допросе может быть полезен при выборе тактических приемов допроса, его направленности, определения круга обстоятельств и вопросов, которые требуют дополнительной детализации»¹. В случае, если допрашиваемое

¹ Корухов Ю. Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений: Науч.-практ. пособие. М., 1998. С. 278.

лицо дало согласие на опрос с использованием полиграфа и дает при этом ложную информацию об обстоятельствах дела (что, по сути, является противодействием расследованию), результаты его применения дадут возможность более точно оценить достоверность показаний. После расшифровки полученной в ходе опроса полиграммы может потребоваться проведение повторного допроса как с использованием, так и без использования полиграфа, направленного на выяснение обстоятельств, вызвавших повышенную эмоциональную напряженность у допрашиваемого. Результаты первоначального следственного действия дадут возможность следователю подготовиться к допросу более тщательно, выбрать необходимые тактические приемы воздействия на личность допрашиваемого.

Особенно важно применение полиграфа при подозрении или обвинении лица, не причастного к совершению преступления. В этом случае конфликтной ситуации не избежать, и в ее преодолении может помочь полиграф. Если лицо действительно невиновно, то при ответах на значимые вопросы прибор не зарегистрирует положительной реакции. Таким образом, результаты тестирования подтвердят позицию подозреваемого или обвиняемого при расследовании преступления.

Следующим следственным действием, при проведении которого также возможно эффективно применять полиграф для преодоления конфликтных ситуаций, является *предъявление для опознания*. По заявлению И. В. Шевчук, 59,5 % свидетелей и потерпевших отказываются быть участниками предъявления для опознания по причине страха как за свою жизнь, так и за жизнь членов их семей¹. Однако если лицо дало согласие на участие в данном следственном действии и в достоверности его результатов есть сомнения, то в оценке результатов предъявления для опознания сможет помочь полиграф. Но при этом необходимо заметить: применяя полиграф в данном следственном действии, его цель значительно изменяется. Она заключается в том, что использование полиграфа способствует установлению умышленного неопознания предъявляемого объекта.

В разрешении конфликтной ситуации при проведении такого следственного действия, как *обыск*, полиграф также играет поло-

¹ См.: Шевчук И. В. Уголовно-процессуальные, психологические и тактические аспекты предъявления для опознания лиц на предварительном следствии: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001. С. 9.

жительную роль. Специалисты-полиграфологи часто проводят тестирование, в ходе которого опрашиваемому предъявляется план помещения или карта местности, подлежащей обыску, и задаются вопросы о том, в каком месте спрятаны интересующие следствие объекты. Таким образом, в зависимости от того, какой из участков территории вызовет у подозреваемого (обвиняемого) наибольшую психофизиологическую реакцию, следует уделить большее внимание именно этому участку в ходе проведения обыска. При производстве такого «виртуального обыска» в ходе допроса (опроса) следователь получает очень эффективное средство минимизации противодействия со стороны допрашиваемого.

Дело в том, что появление у допрашиваемого положительной реакции на каком-либо участке, подлежащем обыску, говорит об умышленном умалчивании лица о спрятанном объекте. Следовательно, лицо знает, где находится предмет, который может заинтересовать следствие, и каким образом он там оказался. В этом случае результаты проведенного допроса и обыска с применением полиграфа позволят следователю изобличить лицо во лжи и установить его осведомленность об обнаруженном объекте, а значит, помогут разрешить конфликтную ситуацию при расследовании уголовного дела.

Резюмируя сказанное, необходимо еще раз подчеркнуть важность и значимость использования различных средств и методов в преодолении конфликтных ситуаций при расследовании преступлений. Одним из таких эффективных средств являются полиграфные исследования, способствующие выявлению скрываемой от следствия информации и изобличению лица во лжи.

Р. И. Мозутин, Е. А. Тришкина

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО ТЕСТИРОВАНИЯ ДЛЯ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ

Основной целью предварительного следствия является установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Главенствующую роль при решении указанной задачи играет следовая информация – основа доказательств.

Следы по своей природе могут быть классифицированы на материальные и идеальные. Материальность следов подразумевает отсутствие субъективного фактора (наличие интереса, не совпадающего с интересами следствия) при их получении (обнаружении и изъятии). Таким образом, материальные следы по своей сути не предполагают возможности возникновения конфликтной ситуации при их получении, т. е. в этом плане являются «бесконфликтными».

По-другому обстоит дело с идеальными следами. Их носителями являются только субъекты, а следовательно, процесс их получения напрямую связан с интересами последних, что является предпосылкой возникновения конфликтных ситуаций.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство делит субъектов процесса на **имеющих право** давать показания (ст. 76, 77) и на **обязанных** (ст. 73, 74, 75), причем для последних за отказ и уклонение или за дачу заведомо ложных показаний предусмотрена уголовная ответственность (ст. 308, 307 УК РФ).

Одним из перспективных криминалистических средств преодоления конфликтных ситуаций является применение полиграфа – метода психофизиологического тестирования.

Возможности данного метода позволяют оценить: владеет (не владеет) субъект информацией; либо степень правдивости показаний.

Следует отметить, что использование данного метода имеет очевидный психологический аспект: субъект априорно информирован о «бесполезности» сокрытия или искажения информации по делу.

Применение метода психофизиологического тестирования регламентирует инструкция «О порядке использования полиграфа при опросе граждан» (Приказ МВД России от 28.12.94 г. № 437 ДСП), которая предполагает добровольность для всех возможных субъектов опроса.

Указанный факт, на наш взгляд, существенно ограничивает использование полиграфа на предварительном следствии.

Производство полиграфного опроса требует использования специальных познаний (ст. 78 УПК РСФСР, Приказ МВД России от 12.09.95 г. № 353). Специальные познания на предварительном следствии могут использоваться в двух формах: участие специалиста в следственных действиях и производство экспертиз.

Поэтому одним из радикальных решений проблемы использования полиграфа на предварительном следствии может быть внесение изменений в редакцию соответствующих статей (ст. 133, 150, 157) действующего УПК, допускающих участие специалиста в производстве такого следственного действия, как допрос. Либо целе-

сообразно придать методу психофизиологического тестирования статус экспертизы или ввести его в качестве части, например, в психологическую экспертизу (ст. 79 УПК РСФСР).

Таким образом, реализация изложенных предложений позволит, не внося существенных дополнительных ограничений правам субъектов уголовного процесса, преодолевать конфликтные ситуации на предварительном следствии.

Р. Г. Аксенов, Л. Ю. Аксенова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОРЫСТНО-СОБСТВЕННИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ ДЛЯ РАЗЖИГАНИЯ КОНФЛИКТА МЕЖДУ УЧАСТНИКАМИ ПРЕСТУПНОЙ ГРУППЫ

Криминалистические методики расследования отдельных видов преступлений, носящих групповой характер, нередко выделяют в числе обстоятельств, подлежащих установлению, сведения о взаимоотношениях в группе, наличии противоречий, внутригрупповых конфликтов. Имея возможность разобщения противоборствующей стороны, следователь создает ситуацию допущения ошибок преступниками, действия которых естественным, напрямую не зависящим от следователя путем вызывают изменения объективной обстановки в виде идеальных и материальных следов их преступной деятельности.

С этой целью органы расследования могут использовать различные мотивации существующих скрытых и явных внутригрупповых конфликтов (месть, корысть, ревность и пр.). По преступлениям экономической направленности, которые в большинстве своем имеют групповой характер, эффективнее разжигать внутригрупповые конфликты на основе корыстно-собственнических интересов, поскольку полученная прибыль от незаконных коммерческих операций практически никогда не распределяется поровну между соучастниками или пропорционально их степени риска. Так, по данным проведенного нами исследования, только в 17,9 % случаев полученный доход от занятия незаконным предпринимательством делился между соучастниками поровну, в 82,1 % – полностью оставался у организатора, выдававшего деньги соучастникам в виде «зарботной платы». Таким образом, продемонстрировав допрашиваемому, занимающему в группе подчиненное положение, ре-

альную сумму полученной прибыли в сравнении с выделяемым ему вознаграждением, можно рассчитывать на достижение желаемой цели от применения рассматриваемого приема.

Для выявления и обострения противоречий в группе целесообразно применять мероприятия как гласного, так и негласного характера, при этом последние зачастую более эффективны в достижении цели разжигания конфликта. В качестве иллюстрации обратимся к одному из наиболее ярких примеров.

Оперативным подразделением УВД Омской области разрабатывалась организованная преступная группа на причастность к различным преступлениям (мошенничества, незаконное предпринимательство, заказные убийства и пр.). Из конфиденциальной информации о взаимоотношениях в группе оперативным работникам стало известно о том, что два лидера преступной группы К. и Ш., являясь в то же время руководителями коммерческих фирм, получили на реализацию на Кормиловском ЛВЗ г. Омска алкогольную продукцию на сумму 900 млн. неденоминированных рублей и не намерены за нее рассчитываться. С этой целью К. и Ш. инсценировали мошенничество со стороны несуществующих фирм, завладевших указанным товаром. По данному факту они подали заявление в милицию. К. и Ш. об обстоятельствах незаконной операции второстепенных участников преступной группы в известность не ставили.

В связи с этим через конфиденциальные источники и налоговые органы изучение деятельности фигурантов было продолжено, вследствие чего выявлено, что К. присвоил себе большую часть вырученных от реализации спиртного денежных средств и делить их поровну с Ш. не собирался. Эта информация как бы случайно была передана Ш., который поспешил в конфликтной форме восстановить справедливость. Оскорбляя К., он потребовал честного раздела прибыли. В ответ на это К. и его подчиненные избили Ш. Дальше конфликт, подобно снежному кому, увеличивался уже сам собой. Ш. и собранная им команда из шести человек сломали в офисе К. все оборудование и избили его и работников, причинив телесные повреждения средней тяжести. По данному факту К. обратился с заявлением в прокуратуру и пытался таким путем избавиться от ставшего неуютным партнера. Ш. тоже попытался через правоохранительные органы воздействовать на К. С этой целью он рассказал все обстоятельства мошеннических действий в отношении ЛВЗ своим знакомым из службы БЭП, которые осуществляли прикрытие большинства незаконных коммерческих сделок Ш. По-

скольку К. оформлял всю сделку от своего имени, то Ш. считал, что ему удастся избежать ответственности.

Содержание мошенничества было следующим. К. приобрел печать и учредительные документы прекратившей свою деятельность фирмы и, выступая от лица ее директора, заключил договор с Кормиловским ЛВЗ о получении на реализацию вышеуказанной партии алкогольной продукции. Затем он, по совету Ш., подделал два письма от ЛВЗ с указанием передачи всего товара в связи с несвоевременным расчетом двум фирмам – коммерческим партнерам ЛВЗ. Эти письма он отправил сам себе по почте. Ш. изготовил счет-фактуры и накладные на получение товара несуществующими фирмами. После этого на ЛВЗ отправили письмо о надлежащем исполнении их указания. Соответственно руководство ЛВЗ ответило, что никаких писем для К. не отправляло. Затем К. заявил в милицию о совершении в отношении его фирмы мошенничества.

Указанные коррумпированные сотрудники службы БЭП собрали материал по данному факту, где были отражены все обстоятельства преступления без участия в нем Ш., и возбудили уголовное дело. Поддельные накладные с почерком Ш. находились в офисе у К., получить их и уничтожить преступники планировали в ходе обыска. Для упреждения этого и продолжения надлежащего расследования уголовное дело было затребовано в вышестоящее подразделение, и важнейшие доказательства причастности Ш. удалось сохранить. Все члены преступной группы были задержаны и арестованы.

Последующие следственные действия и ОРМ преимущественно были направлены на фиксацию обстоятельств преступной деятельности К. и Ш., которые охотно и наперегонки рассказывали друг о друге.

Таким образом, обострив внутригрупповой конфликт, основанный на корыстной мотивации, органы расследования выявили всю структуру организованной преступной группы, включая их коррумпированные связи, и доказали совершение ими большого количества различных преступлений.

В. М. Быков, Л. Н. Иванов

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ТРАКТОВКЕ КОНФЛИКТА В ПРЕСТУПНОЙ ГРУППЕ

Разоблачение преступной группы и привлечение ее участников к уголовной ответственности провоцирует обострение существующих

конфликтов в группе. Этому способствует вся обстановка предварительного следствия, в процессе которого тщательно выясняется роль каждого соучастника в преступлении и ставится вопрос об индивидуальной ответственности.

В связи с этим возникает важная в практическом отношении и сложная в теоретическом плане проблема использования конфликтов в преступной группе при расследовании групповых и организованных преступлений. В криминалистической литературе по данной проблеме высказаны различные, нередко противоположные точки зрения, в то время как следственная практика нуждается в ясных и четких рекомендациях об использовании конфликтов в преступной группе.

При решении этой проблемы следует исходить из ряда принципиальных положений. Существующие в преступной группе конфликты носят объективный характер, но это не значит, что они не могут быть привнесены извне. Такой же объективный характер носит и происходящее обострение конфликта в преступной группе в период расследования совершенных ею преступлений. Поэтому нельзя считать незаконным или несоответствующим нравственным требованиям использование следователем конфликтов, прежде всего существующих в преступной группе. Если один из членов преступной группы, участвующий в конфликте, на допросе следователя или в суде станет давать правдивые показания о преступной деятельности группы или отдельных ее участников из чувства мести, то это не может служить причиной отказа от использования тактических приемов расследования, основанных на использовании конфликта. Правильно отметил в своей последней работе выдающийся советский и российский криминалист профессор Р. С. Белкин: «Установление истины в условиях конфликтной ситуации всегда лежит на пути разрешения конфликта»¹.

Преступную деятельность можно представить в виде кольцевидной структуры: исходная афферентация; эффекторные процессы, реализующие контакты с предметной средой; коррекция и обогащение с помощью обратных связей исходного афферентирующего образа, а связь между потребностью и деятельностью обосновать «материализмом потребностей», который соответствует домарксистскому

¹ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. С. 109.

представлению о сфере потребления, что отражено в формуле: потребность; деятельность; потребность¹.

Научное обеспечение данной проблемы целесообразно рассматривать на основе нескольких системных понятий: криминальная конфликтология, спонтанный конфликт, провоцируемый конфликт, который может быть как осознанно спровоцированным, так и неосознанно спровоцированным.

Спонтанный конфликт, также как и неосознанно спровоцированный, практически не может быть управляемым, но они оба могут в различной степени эффективно контролироваться.

Осознанно спровоцированный конфликт, в свою очередь, предполагает управление процессом и соответственно контроль. Если он не управляется или вышел из-под управления, он может контролироваться, хотя это не исключает и полной утраты контроля.

Управляемый конфликт реализуется на основе планирования, четкой тактической разработки и соответствующем, высоком уровне методического обеспечения. Более того, понятие «управляемый конфликт» необходимо трактовать с учетом дифференцированного подхода, т. е. на основе изучения не только динамики конфликта, но и возможности, а также эффективности его использования в криминальных группах различной преступной направленности и уровнями организованности.

Основные принципы разобщения организованной преступной группы на основе обострения конфликтной ситуации должны базироваться на реализации комплексного подхода к использованию конфликта, в первую очередь, за счет навязывания различных целей, интересов, позиций противоборствующим сторонам, которые должны иметь один и тот же объект конфликта и различные средства ее достижения.

Выделение так называемых внутриличностных конфликтов и межличностных достаточно условно. В процессе жизни индивид создает вокруг себя многомерную, многоуровневую и динамическую систему субъективно-личностных отношений. Это «субъективное пространство» формируется на различных отношениях личности к выделенной им же системе ценностей, включая отношение к собственности, которые могут меняться, а «радиус значимых отношений»², по Э. Эриксону, может смещаться.

¹ См.: Seve L. *Marxisme et theorie de la personnalite*. Paris, 1972. P. 49.

² См.: *Принцип развития в психологии* / Отв. ред. Л. И. Анциферова. М., 1978.

Внутригрупповой или даже межгрупповой конфликт в преступной группе может вполне являться следствием внутриличностного конфликта, а то и обусловлен им же. В связи с этим не исключается управляемый процесс, включающий перевод внутриличностного конфликта в межличностный, а затем в межгрупповой конфликт или даже межгрупповую дискриминацию.

Исследования криминальной среды, в аспекте межличностных отношений, свидетельствуют о присутствии благодатной почвы для возникновения конфликта практически на всех этапах функционирования преступной группы. Несмотря на то что конфликт по своей природе является мультифакторным феноменом, причина его кроется в структуре криминальной личности, обладающей определенным характером и темпераментом, которые (и это все убедительнее демонстрируют психогенетические исследования последних лет), имеют генные основы. Так, например, показатель наследуемости в отношении уровня тревожности и невротизма составляет 30–60 %¹.

Использование управляемых конфликтов, в аспекте правоприменения, возможно на различных этапах правоохранительной деятельности, но обязательно на основе программы, учитывающей не только вышеперечисленные аспекты проблемы, но и конкретные особенности того или иного преступного формирования. Иными словами, мы считаем, что использование конфликта при экстраполяции на преступное сообщество целесообразно рассматривать как один из методов борьбы с организованной преступностью, наиболее соответствующий современной криминогенной ситуации и принципам диктатуры закона.

В зависимости от периода реализации управляемого конфликта предлагается руководствоваться классификацией с выделением трех вариантов: использование конфликтов в преступных группах на этапе оперативно-розыскной разработки, на этапе расследования преступлений и на этапе оперативного сопровождения преступного сообщества с последующей его пролонгацией на период следственных действий и судебного разбирательства, а по отдельным криминальным ситуациям (эпизодам, которые не нашли отражения в судебном решении в виде наказания лишением свободы) –

¹ См.: *Katsuragi S. et al.* Association between serotonin transporter gene polymorphism and anxiety - related traits // *Biol. psychiatry*. 1999. V. 45. № 3. P. 368–370; *Алфимова М. В., Трубников В. И.* Генные основы темперамента и личности // *Вопросы психологии*. 2000. № 2. С. 160.

после формулирования судебного решения или в период исполнения наказания.

Заостряя внимание на последнем варианте, следует подчеркнуть, что он является одним из наиболее спорных и одновременно наиболее сложных с точки зрения воплощения в жизнь, так как практически во всех случаях требует объединения усилий различных ведомств, тщательной конспирации, объединения информационных полей различных силовых министерств. Но, несмотря на это, последний вариант, отличающийся комплексностью и педантизмом реализации правоприменения, наиболее перспективен в отношении организованных преступных групп, ибо по своей сути максимально соответствует принципу неотвратимости наказания.

В. А. Булатов

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ПОТЕРПЕВШИХ И СВИДЕТЕЛЕЙ

Несомненно, российское государство, провозгласившее права и свободы человека высшей ценностью, взявшее на себя и гарантировавшее обязательство по их защите, вовлекая своих граждан и других лиц в уголовное судопроизводство (иногда помимо их воли), должно обеспечивать их безопасность, т. е. судебную защиту от противоправных посягательств.

Устранение конфликтных ситуаций, связанных с обеспечением безопасности участников уголовного процесса, возникающих на стадии предварительного расследования, видится в соблюдении следователем требований уголовного процессуального закона – упорядочении процедур проведения некоторых следственных действий и принятия процессуальных решений.

А проблема заслуживает внимания. Так, опросы свидетельствуют, что более 30 % граждан на вопрос об их действиях в случае, если станут свидетелями преступления, ответили, что в правоохранительные органы о случившемся они не сообщат¹. Почти 90 % потерпевших и свидетелей подтвердили, что в случае реальной угрозы жизни, здоровью и имуществу, в частности при оказании на них или их близких противоправного воздействия, откажутся от

¹ См.: Брусницын Л. Обеспечение безопасности потерпевших и свидетелей // Законность. 1997. № 1. С 36.

дачи показаний либо дадут ложные показания, несмотря на угрозу привлечения за это к уголовной ответственности. Свыше 90 % следственных работников отметили, что у них нет реальной возможности обеспечить безопасность участников процесса.

Действительно, законопослушному гражданину (потерпевшему, свидетелю и т. п.) в конфликтной ситуации довольно проблематично, не преступая закон, защитить себя и своих близких от противоправного воздействия со стороны обвиняемого и его окружения. Появившееся в юридических материалах словосочетание «защита от обвиняемого» как нельзя лучше выражает существо исследуемого вопроса по обеспечению безопасности таких участников уголовного процесса, как потерпевший и свидетель¹.

В числе наиболее распространенных форм противодействия расследованию 62 % следователей называют подкуп, запугивание, насилие в отношении потерпевших, свидетелей, членов их семей². Распространенность таких явлений подтверждают исследования А. А. Закатова и С. И. Цветкова, согласно которым «только 17 % опрошенных следователей указали, что не сталкивались с какими-либо формами противодействия»³. Наши результаты: 60 % опрошенных сотрудников органов расследования отметили существование фактов противодействия в различных формах.

Приведенные данные свидетельствуют о существовании проблемы, а отсутствие реальных возможностей защитить законопослушных граждан не дает государству морального права привлекать их к уголовной ответственности. Тактические же приемы, используемые следователем в виде установления психологического контакта с допрашиваемым, основанные на даче зачастую ничем не подкрепленных обещаний, выступают лишь как правомерное психологическое воздействие, а не реальное обеспечение безопасности лица.

В литературе неоднократно высказывались предложения о закреплении за лицом, в производстве которого находится дело, права, при наличии оснований, опускать из материалов дела устано-

¹ См.: Поляков М. П. О защите обвиняемого и «защите от обвиняемого» // Государство и право. 1998. № 4. С. 94—98.

² См.: Тихоненко В. И. Вступительное слово // Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации. М., 1997. С. 4.

³ См.: Закатов А. А., Цветков С. И. Тактика допроса при расследовании преступлений, совершаемых организованными преступными группами. М., 1998. С. 4.

вочные данные «свидетелей обвинения»¹. Эту точку зрения разделяют большинство опрошенных следователей.

Еще одна проблема обеспечения безопасности видится в невыполнении органами расследования требований ст. 139 УПК РСФСР, согласно которой следует своевременно предупреждать защитника, эксперта, специалиста, переводчика и других лиц, присутствующих при производстве следственных действий, о недопустимости разглашения без разрешения следователя данных предварительного следствия, в том числе о личности потерпевших и свидетелей. При этом от этих лиц должна отбираться соответствующая подписка, так как уголовная ответственность по ст. 310 УК России возможна лишь при ее нарушении.

Статья 141 УПК, регламентирующая оформление протокола следственного действия, предусматривает фиксацию в процессуальном документе данных об участвующем лице, включая адрес его местожительства. На наш взгляд, следует предусмотреть в законе сохранение таких данных в тайне от лиц, которые способны оказать противоправное воздействие на участников процесса, содействующих уголовному судопроизводству, в том числе при вручении обвиняемому копии обвинительного заключения в порядке ст. 237 УПК.

Недопустимость разглашения данных предварительного следствия (ст. 139) необходимо расширить до понятия о непозволительности разглашения самого факта производства следственного действия. Регулярное применение ст. 139 УПК, позволяющей предупреждать участников следственных действий о неразглашении данных предварительного следствия под подписку с предупреждением об уголовной ответственности по ст. 310 УК, будет содействовать обеспечению безопасности свидетелей и потерпевших.

¹ См.: *Томин В. Т.* Острые углы уголовного судопроизводства. М., 1991. С. 124; *Вандышев В. В.* О защите прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве // Проблемы обеспечения прав личности в современных условиях. Волгоград, 1992. С. 105—106; *Комиссаров В.* Свидетель и потерпевший в уголовном судопроизводстве // Рос. юстиция. 1994. № 8. С. 50 и др.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ ПОТЕРПЕВШЕГО И ДРУГИХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Процессуальная деятельность на стадии предварительного расследования представляет собой исключительную сложность. В ней объединяются, расходятся, сталкиваются устремления и действия лиц с разными, подчас противоположными мотивами и интересами. Традиционно считается, что основной конфликт имеет место между органами расследования с одной стороны и подозреваемым, обвиняемым, их защитником с другой, что и определяет их процессуальные функции: обвинение и защиту. Происходящие изменения в уголовно-процессуальном законодательстве свидетельствуют о попытке законодателя наделить стороны защиты соответствующими возможностями для адекватного противостояния в этом конфликте.

Однако в тени процессуальной деятельности оказывается такой участник уголовного судопроизводства, как потерпевший, имеющий свой собственный, самостоятельный интерес, для защиты которого законодатель наделяет его значительно меньшим комплексом прав, а следовательно, и возможностей по сравнению с обвиняемым. Так, например, потерпевший в ходе расследования не обладает правом ознакомления с постановлением о назначении экспертизы или заключением эксперта, соответственно, он не может своевременно заявить отвод эксперту, поставить перед ним те или иные вопросы, ходатайствовать о проведении повторной или дополнительной экспертизы. Реализация данных возможностей откладывается до заключительного этапа расследования, когда в соответствии со ст. 200 УПК РСФСР потерпевшему предоставляется право ознакомиться со всеми материалами дела. Вместе с тем очевидно, что наделение в данном случае обвиняемого и потерпевшего равными правами способствовало бы как полноте и объективности расследования, так и возможности защиты потерпевшим своих, нарушенных преступлением прав.

Помимо конфликта между интересами потерпевшего и обвиняемого в ходе предварительного расследования может сложиться ситуация, когда позиция потерпевшего расходится, а подчас и противоречит позиции органов расследования. Может ли в данном случае потерпевший, используя процессуальные средства, каким-

либо образом существенно изменить ход и результаты расследования? Например, о квалификации совершенного в отношении его преступления потерпевший узнает на этапе ознакомления с материалами уголовного дела и, даже если не согласен с указанной правовой оценкой, повлиять на нее он не может, поскольку подача соответствующих ходатайств и жалоб затруднена. Следователи, как правило, жестко ограниченные процессуальными сроками, отказывают в удовлетворении ходатайств под любым предлогом. На момент обжалования данного решения прокурору дело уже может быть направлено в суд, к которому потерпевший вновь должен обратиться с соответствующим документом. Несомненно, что в данном случае на реализацию своего права заявлять ходатайства потерпевший должен затратить огромное количество усилий из-за несвоевременности получения необходимой для него процессуальной информации. Практически так же обстоит дело и с решением любого другого процессуального вопроса, о котором потерпевший не информируется в ходе расследования. Так, о принятии таких важнейших решений, как соединение или выделение уголовных дел, приостановление расследования, потерпевший может получить информацию лишь при проявлении известной настойчивости со своей стороны, поскольку орган расследования не связан обязанностью уведомлять данного участника уголовного процесса о ходе судопроизводства по делу.

Видимо, сложившуюся правовую картину можно объяснить тем, что законодатель предполагает абсолютную идентичность интересов конкретного потерпевшего, являющегося частным лицом, и государства в лице органов расследования и надзирающего прокурора, которым предоставляются все необходимые средства для осуществления уголовного преследования. Об этом косвенно свидетельствует и принцип публичности уголовного процесса, прямо предписывающий игнорирование волеизъявления потерпевшего при решении такого важнейшего вопроса, как возбуждение уголовного дела, за исключением случаев, предусмотренных ст. 27, 27-1 УПК РСФСР.

Однако необходимо отметить, что деятельность органов, осуществляющих предварительное расследование, и деятельность потерпевшего не могут полностью совпадать, поскольку не совпадают цели, на которые она направлена. Если конечная цель органов расследования – установление истины по уголовному делу, то для потерпевшего – это защита прав и законных интересов, нарушенных

преступлением. Поэтому основная задача законодателя – сбалансировать комплекс прав и обязанностей потерпевшего, а также и его представителя таким образом, чтобы, с одной стороны, данные участники не могли «диктовать» лицу, производящему дознание, следователю и прокурору условия производства расследования, а с другой – создать правовые гарантии для защиты своих интересов в уголовном судопроизводстве.

В. Г. Глебов

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КОНФЛИКТОВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

В основе уголовно-процессуальной деятельности лежит необходимость претворения в жизнь положений уголовного закона, направленных на привлечение к ответственности и наказание лиц, виновных в совершении преступлений. А так как преступление является не чем иным, как конфликтом правонарушителя с законом, то и процесс реализации его требований предполагает и, как правило, происходит в условиях противодействия достижению целей правосудия со стороны различных лиц. Наиболее характерны подобные обстоятельства для стадии предварительного расследования, где они проявляются в виде различных конфликтных ситуаций.

Так как основным способом собирания доказательств при расследовании преступлений являются следственные действия, то естественно, что в первую очередь конфликты возникают и наиболее остро проявляются именно в ходе их производства. Причем конфликтующим субъектом могут выступать не только подозреваемый и обвиняемый, но и другие участники процесса, задействованные в производстве конкретного действия. При этом причиной конфликта могут быть различные обстоятельства как субъективного, так и объективного характера. Среди последних можно выделить правовые причины, заключающиеся в недостатках уголовно-процессуального регулирования правового положения отдельных участников процесса как в целом, так и применительно к следственным действиям, а также правил их производства.

В первую очередь, представляется явно неразрешенным законодательно вопрос об отнесении следственных действий к числу мер уголовно-процессуального принуждения. Соответственно, из-

за этого остается открытой вторая проблема: допустимо или нет принудительное проведение следственных действий, причем главным образом в отношении потерпевших и свидетелей.

Если исходить из того, что уголовно-процессуальное принуждение представляет собой предусмотренный и осуществляемый в установленном законом порядке определенными органами и должностными лицами специфический метод государственного воздействия на общественные отношения, проявляющийся в определенных уголовно-процессуальных средствах, то к ним можно отнести и следственные действия. Однако в литературе высказываются различные мнения по этому вопросу. Большинство ученых включают следственные действия (но, как правило, лишь некоторые) в число мер уголовно-процессуального принуждения с вытекающими отсюда правовыми последствиями по их проведению и привлечению к этому различных лиц. Главным доводом в подобной позиции является указание на то, что уголовно-процессуальное принуждение необходимо лишь для преодоления препятствий, возникающих в ходе расследования или обеспечения принудительным порядком условий для его успешного проведения. Очевидно авторы подобного подхода полагают, что проведение не всех следственных действий даже потенциально связано с такой потребностью.

Однако уголовно-процессуальное принуждение в силу принципа публичности присуще практически всей уголовно-процессуальной деятельности и проявляется в форме внешнего – психологического, физического или морального – воздействия, носящего характер личных, организационных или имущественных ограничений, направленных на поведение человека, с тем чтобы побудить его совершить какие-либо действия, воздержаться от них или подчиниться каким-либо ограничениям. Таким образом, указанное воздействие может носить как непосредственный характер, заключенный в указаниях, предупреждениях, угрозах должностных лиц или применении ими физических и иных мер, так и превентивный, заключенный в нормах уголовно-процессуального права.

Степень выраженности принуждения при производстве каждого следственного действия различна, поэтому в нормах закона, регулирующих правила каждого из них, максимально должна найти свое конкретное отражение мера допустимых правоограничений. Такому подходу соответствует и понимание в русском языке слова «мера» и как «средства для осуществления чего-нибудь, мероприятия», и как «предела, в котором что-то осуществляется». Но при этом все же

необходимо законодательно, введя соответствующую норму, зафиксировать общим правовым установлением принудительность как свойство, присущее всем следственным действиям. Конечно, можно возразить: действующий Уголовно-процессуальный кодекс в ч. 5 ст. 127 указывает на общую обязательность для исполнения постановлений следователя. Однако прямой связи с возможностью применения принуждения для их реализации в законе не закреплено (особенно, когда речь идет о соблюдении неприкосновенности личности, жилища и др.). Поэтому на практике нередко складываются конфликтные ситуации, когда следователь, апеллируя к закону, находит аргументацию своему требованию, например, подвергнуться освидетельствованию потерпевшего, но осуществить его в случае отказа последнего не может, так как тот же закон не дает ему соответствующей поддержки. Последний вариант проекта нового УПК в этих вопросах в целом повторяет положения действующего.

Решив же рассматриваемую проблему о принудительном характере следственных действий на уровне уголовно-процессуального закона, практически одновременно будет разрешен вопрос и о возможности их принудительного проведения с участием или в отношении лиц, отказывающихся подчиниться следователю добровольно. Причем это главным образом касается потерпевших, свидетелей, понятых, иных граждан и должностных лиц, полагающих, что уголовное преследование осуществляется не против них, а соответственно, и применение принуждения к ним противоправно. Однако именно они нередко с их негативным отношением к решениям и действиям следователя становятся первопричиной возникающих при производстве следственных действий конфликтов. Представляется, что даже законодательно закрепленная угроза применения какой-либо меры воздействия за невыполнение требований следователя в значительной мере исключит потенциальные причины возможного возникновения ряда конфликтов.

О. Н. Смирнова

КОНФЛИКТНЫЕ СИТУАЦИИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ НА ЭТНИЧЕСКОЙ ПОЧВЕ

В результате распада СССР общественно-политические, экономические перемены в России выявили всю сложность межнациональных отношений. В новых условиях под действием заинтересованных поли-

тиков, средств массовой информации, этнонациональных групп и отдельных этносов растет число конфронтаций. Кровное родство, единая религия, язык, общность обычаев и градаций, проживание на одной административной территории с большей силой проявляют чувство солидарности этносов в конфликтной ситуации.

Конфликт, как правило, имеет начало там, где имеется (пусть даже в незначительной степени) ущемление интересов со стороны другой этнической общности, а также нежелание находиться в подчинении, при ощущении снижения материального, социального положения, и выступает как реакция индивидов на происходящее. На базе чувств ущемленности интересов, достоинства, вызванных историческим прошлым по отношению к малочисленным народам, формируется этническое противостоящее «единство». А они, в свою очередь, провоцируют ухудшение национальных отношений в регионе, рост претензий между этносами, их действия зачастую носят криминальный характер. На этой основе активизируется противоправная деятельность этносов, которая находит свое воплощение в формировании этнических преступных групп, в том числе организованных преступных организаций (сообществ).

Их действия не всегда носят открытый характер, а в зависимости от целей и путей их достижения могут быть завуалированными.

Обостряя своими действиями межнациональные этнические проблемы, одновременно усложняют механизм их разрешения.

Одним из наиболее важных способов предотвращения, урегулирования межэтнических конфликтов криминального характера является формирование у членов этнических групп уважения принципов гражданского общества, исключающих нарушение гражданских прав. Но когда права уже нарушены и имеют место противоправные, уголовно наказуемые деяния, от правоохранительных органов требуется немедленное реагирование на происходящее путем применения уголовного, уголовно-процессуального законодательства.

Необходимо отметить, что в рамках этнических групп существует лидерство. И место лидера, чаще всего, занимает человек, прекрасно владеющий языком своей нации, обладающий талантом организатора и психолога, знающий религию, обычаи, имеющий навыки владения приемами национальной борьбы, пользующийся в криминальной среде авторитетом. Этнические конфликты локального (местного) характера, имеющие криминальную основу и происходящие как внутри одной общности, так и между различными этническими общностями, естественно, не столь опасны в мас-

штабе государства в отличие от политических, международных конфликтов, но требуют постоянного контроля за их развитием и мерами пресечения. Они непосредственно связаны с конфликтами, конфликтными ситуациями, имеющими место на предварительном следствии.

В практике расследования преступлений в зависимости от ситуации на момент проведения следственного действия с участвующими в нем лицами у следователя складываются определенные отношения, носящие бесконфликтный или конфликтный характер¹.

Бесконфликтная ситуация характеризуется полным или частичным совпадением интересов участников взаимодействия, отсутствием противоречий в целях, на достижение которых направлены их усилия на данном этапе расследования. Ситуации конфликтов различной длительности и остроты возникают тогда, когда между указанными процессами складываются отношения соперничества и противодействия².

Несомненно, для успешного расследования преступлений более благоприятна бесконфликтная ситуация. Однако рост этносознания, желание самоутверждения, существующее на данный момент резкое отличие в социально-экономическом положении этносов, имеющиеся явные различия между городом и деревней создают межэтнические проблемы, которые особенно остро ощущаются среди молодежи и не могут не влиять на следственные ситуации, складывающиеся на предварительном следствии.

Так, в июле 2001 года из одного поселка Оренбургской области в дежурную часть ОВД поступило сообщение о том, что гр-н Г. (коммерсант из г. Орска) с двумя местными мужчинами избили несколько человек из числа местной молодежи, одному из них – подростку 15-ти лет – нанесли серьезное повреждение глаза³.

Было установлено, что 85 % населения данного поселка по национальности башкиры. Все участники конфликта тоже башкиры.

С целью воспроизведения информации, до прибытия на место происшествия СОГ, участковым инспектором был проведен опрос жителей поселка. Сами подростки, а также местные жители заявили, что гр-н Г. первым учинил конфликт, вел на дискотеке себя вызываю-

¹ См.: Замылин Е. И. Тактико-психологические основы допроса в конфликтной ситуации. Волгоград, 1998. С. 6.

² См.: Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М., 1997. С. 157.

³ По материалам уголовного дела № 25/312 СО при Кувандыкском ГРОВД УВД Оренбургской области.

ще, демонстрировал вседозволенность вплоть до рукоприкладства в отношении подростков.

По прибытии сотрудников СОГ местные жители практически отказались идти на контакт, выдвинув требование о немедленном аресте гр-на Г. При попытке пригласить их для допроса с целью установления истины по делу отказывались от общения на русском языке, мотивируя тем, что не владеют им, а также оказывали физическое сопротивление сотрудникам ОВД.

И только благодаря 10-часовой кропотливой работе всех сотрудников СОГ, в состав которой входили также сотрудники ОВД башкирских учреждений, удалось установить контакт с местными жителями, предотвратить назревающий открытый конфликт уже со стороны местных жителей по отношению к сотрудникам ОВД, убедить их дать правдивые показания, которые являются необходимым элементом в установлении истины и правильной оценки действий каждого из участников.

Расследованием было установлено, что гр-н Г. с двумя местными жителями на автомобиле «Газель» подъехали к помещению, где проходила дискотека, к ним подошли гр-н И. (20 лет) и его родственник, гр-н Б. (25 лет). По их просьбе Г. угостил последних сигаретами, но увидев агрессивность и возрастающие потребности, в целях избежания конфликта, покинул данное место.

И. и Б. организовали группу подростков, которые практически все находились в состоянии опьянения, убедив их, что «чужака» необходимо «проучить», так как тот не был с ними щедр.

Группа подростков, прибыв на окраину поселка, где находился Г., мотоциклами преградили возможный путь отъезда его автомобиля и, вытащив его из кабины автомобиля, сбив с ног, стали наносить множественные удары ногами по различным частям тела. Находящиеся с Г. двое местных жителей пытались прекратить действия молодежи, однако со стороны подростков последовала физическая расправа и с ними.

Г. был вынужден спасаться бегством, в ходе преследования подростки продолжали наносить ему удары. Подобраным деревянным штырем Г. нанес удар в область лица одному из преследующих подростков, повредив ему при этом глаз.

Причина конфликта – возникшая зависть у отдельных членов молодежной группы. В данном случае отдельные этносы, находящиеся на положении лидеров в своем районе, из личных интересов вовлекли других в преступную деятельность.

В ходе предварительного следствия была урегулирована назревшая открытая конфликтная ситуация как между местными жителями и сотрудниками ОВД, так и между группой молодежи и «чужаком», однако вражда продолжает существовать, не приобретая криминальный характер, и требует пристального внимания и периодического проведения мероприятий профилактического характера.

Данная ситуация не является единичной. Конфликтам, даже внутри этнических обществ, способствует то, что в последние годы увеличилась миграция населения.

Так, только в Оренбургскую область за 1999–2000 годы прибыло из республики Казахстан 12737 человек, республик Северного Кавказа – 1350, Азербайджана – 577, Армении – 544, Грузии – 229, республик Средней Азии – 5829, из Чеченской Республики – более 5000 человек, что не могло не оказать влияния на состояние оперативной обстановки в области. Всего за 2000 год гражданами других национальностей совершено 21748 преступлений, из них неместными жителями – 6232.

Участниками организованных этнических преступных групп совершено более 200 преступлений, основную долю составляют кражи чужого имущества, грабежи и разбойные нападения, хулиганство, к уголовной ответственности привлечено около 150 человек.

Немаловажное значение в урегулировании конфликтов криминального характера и непосредственно связанных с ними конфликтных ситуаций, возникающих при расследовании преступлений, совершаемых этническими преступными группами, имеет знание следователем национально-психологических особенностей участников процесса (особенностей склада ума, поведения, обычаев, традиций, религии и т. д.), а также наличие опыта работы с данной категорией лиц.

Из практики известно, что, как правило, по преступлениям, совершаемым этническими преступными группами или членами ЭПГ, их защиту осуществляют или высокооплачиваемые опытные адвокаты, или адвокаты, имеющие сомнительную репутацию, что не может не сказаться на следственной ситуации.

Так, в июле 2001 года был задержан и впоследствии арестован за сбыт героина в особо крупном размере участник организованной преступной группы гр-н И., азербайджанец, защиту которого принял на себя адвокат, только что оставивший должность судьи, обладавший немалым опытом, приобретенным за предыдущие годы работы, поддерживающий (по роду своей прежней деятельности)

деловые и дружеские отношения с сотрудниками правоохранительных структур.

В данном случае методы убеждения, внушения были абсолютно неэффективны. Позиция гр-на И. стала известна с первых минут его задержания – полный отказ от причастности к совершенным преступлениям. Позиция адвоката аналогичная. Кроме того, реплики с учетом угроз в отношении следователя, руководителя СКМ ОВД и других сотрудников, бурный всплеск эмоций, имеющий поддержку и дублирование со стороны родственников арестованного, срыв проведения следственных действий, устные и письменные жалобы во все инстанции, а последние особенно отнимают массу времени и сил. Первоначальная цель адвоката понятна: психологическая победа над следователем. Ведь раздраженный следователь – это гарантия того, что следственные действия будут выполнены некачественно, с нарушением УПК, а поэтому из этических и тактических соображений следователь обязан пресечь возникший конфликт путем применения адекватных мер. И несмотря на большие психологические нагрузки, должен проявить выдержку, принципиальность, при этом важно не нарушить права обвиняемого, независимо от всех сложившихся обстоятельств.

А. В. Харченко

**КОНФЛИКТНЫЕ СИТУАЦИИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ
В ХОДЕ ДОПРОСА ПОТЕРПЕВШИХ,
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШЕННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ ВЗРЫВНЫХ
УСТРОЙСТВ, И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ**

Специфика преступлений, совершенных с применением взрывных устройств, заключается в их высокой социальной опасности, так как даже единичный случай совершения такого преступления сопровождается, как правило, человеческими жертвами, большим материальным ущербом, существенно влияет на осложнение криминальной обстановки и вызывает большой резонанс в обществе. Анализ данного вида преступлений показывает, что большинство из них носит заказной и групповой характер. В качестве целей преступлений, совершаемых с применением взрывных устройств, вы-

ступают¹: запугивание с целью вымогательства – 63 %, уничтожение имущества – 9 %, убийства – 6,5 %.

Потерпевшие по делам рассматриваемой категории подразделяются на случайно пострадавших в результате взрыва и тех, против кого был направлен взрыв.

Как правило, допрос потерпевшего носит бесконфликтный характер, что объясняется личной заинтересованностью последнего в раскрытии преступления и изобличении виновных. Однако не всегда интересы потерпевшего совпадают с целями следствия, в связи с чем может возникнуть конфликтная ситуация, которая выражается в отказе допрашиваемого от дачи показаний, сокрытии либо умышленном искажении известных ему фактов, связанных с расследуемым событием.

Причинами отказа потерпевшего от дачи показаний, сокрытия либо умышленного искажения известных ему фактов, связанных с расследуемым событием, являются²:

- боязнь мести со стороны преступника, его родственников, знакомых;
- дружеские в прошлом, родственные или семейные отношения, преступная связь с подозреваемым или обвиняемым (совместно совершенные преступления, оставшиеся нераскрытыми);
- стремление преувеличить причиненный ему преступлением ущерб как из чувства мести, так и из корыстных и иных побуждений (ревность, злоба и др.);
- желание занизить причиненный ему материальный ущерб, чтобы скрыть источник приобретения утраченных ценностей;
- стремление скрыть собственное неблагоприятное поведение (супружескую неверность, стяжательство, трусость и пр.);
- скептическое отношение к возможности органов дознания и следствия раскрыть преступление, обеспечить компенсацию материального ущерба, безопасность потерпевшего;
- нежелание тратить время на вызовы в органы дознания, предварительного следствия, суд для участия в следственных действиях и судебном разбирательстве.

¹ См.: Справка по практике экспертно-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием взрывных устройств и взрывчатых веществ (по материалам Нижневолжского региона).

² См.: Криминалистика: Учебник для вузов / Под ред. Р. С. Белкина. М., 2000. С. 613.

При возникновении конфликта задачами следователя являются: установление причин возникновения, его преодоление и, как результат, получение полных, правдивых показаний.

Для установления причин возникновения конфликтной ситуации необходимо полно и всесторонне изучить личность потерпевшего, а также все обстоятельства совершенного в отношении его преступления (в том числе события, предшествовавшие взрыву и произошедшие после его совершения).

Установив причину конфликта, следователь обязан принять все меры к его преодолению. Криминалистикой разработан достаточно широкий спектр тактических приемов, направленных на преодоление конфликтных ситуаций. Выбор того или иного приема зависит от личностных свойств потерпевшего и причины, побудившей его к конфликту.

Одним из важнейших факторов успешного преодоления конфликтной ситуации является установление психологического контакта между следователем и потерпевшим, результатом которого является взаимопонимание и доверие.

На наш взгляд, наиболее проблематичными в плане преодоления являются конфликтные ситуации, вызванные боязнью мести со стороны преступника, его родственников, знакомых, а также родственными или семейными отношениями с подозреваемым или обвиняемым.

Боязнь мести может быть как предполагаемая, так и реальная. Сложность данной ситуации в том, что боязнь за свою безопасность и безопасность своих близких заставляет потерпевшего отказаться от дачи показаний или дать ложные показания, несмотря на угрозу привлечения к уголовной ответственности по ст. 307, 308 УК РФ. И никакие методы убеждения, в случае реальной угрозы, не помогут преодолеть конфликтную ситуацию. Помочь могут только реальные действия правоохранительных органов, направленные на защиту потерпевшего. В настоящее время в России нет разработанной программы защиты свидетелей. Несмотря на это, следователь, в случае получения информации об угрозе потерпевшему, должен принять все меры к защите потерпевшего, а именно: установить лиц, ему угрожающих, и привлечь их к уголовной ответственности за принуждение к даче ложных показаний или уклонению от дачи показаний (ст. 309 УК РФ), оградить потерпевшего от общения с последними, вплоть до охраны его сотрудниками органа дознания. При предполагаемой мести необходимо убедить потер-

певшего, что в случае возникновения в его адрес угроз органами следствия будут предприняты все меры для обеспечения его безопасности. При этом обещания должны быть выполнимыми, а в случае реальных угроз незамедлительно выполнены, в противном случае потерпевший потеряет доверие к следователю и изменит ранее данные показания.

Преодоление конфликтной ситуации, вызванной родственными или семейными отношениями с подозреваемым или обвиняемым, также представляет определенную сложность. В свете действующего законодательства никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определен федеральным законом (ст. 51 Конституции РФ). Следовательно, потерпевший на основании вышеуказанного вправе отказаться от дачи показаний в отношении родственников и членов семьи. В данном случае преодоление конфликта, вызванного отказом от дачи показаний, возможно только путем применения метода убеждения, который сводится к разъяснению потерпевшему того, что преступление с применением взрывного устройства является совершенным общеопасным способом. При этом могут быть показаны фото-, видеоматериалы с места происшествия, иллюстрирующие масштабы разрушений, приведены факты о наличии невинных жертв. Также необходимо разъяснить, что преступник, оставаясь на свободе, может совершить повторные взрывы, которые повлекут за собой новые жертвы и разрушения.

Я. М. Мазунин

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДОПРОСА

На поведение лиц при допросе оказывают влияние различные обстоятельства.

Зачастую именно благодаря своевременно проведенным оперативно-розыскным мероприятиям удастся выяснить, какое из указанных обстоятельств определяет поведение допрашиваемого и позволяет следователю выбрать свою линию поведения, а также тактический прием или комплекс тактических приемов, подлежащих применению во время допроса.

Оперативно-розыскные данные, на наш взгляд, должны соответствовать следующим условиям:

- использование их должно способствовать установлению психологического контакта;
- собираемые в целях обеспечения допроса оперативно-розыскные данные должны содержать как можно более точные сведения о мельчайших деталях события.

Тактические приемы деятельности оперативных работников по обеспечению допроса должны всецело определяться следственной ситуацией, в условиях которой он проводится, и, как правило, согласовываться со следователем. Пользоваться сведениями, полученными из непроцессуального источника, следователь должен с величайшей осторожностью, чтобы не расшифровать методы оперативной работы, а также непосредственный источник данных сведений. В связи с этим следователю перед началом допроса, располагая этими сведениями, необходимо согласовать с оперативным работником, в каком объеме и каким образом они могут быть использованы: или только в качестве ориентирующей информации для следователя, чтобы проверить правдивость показаний допрашиваемого, или же непосредственно для изобличения ложности показаний.

Сложность использования оперативно-розыскной информации заключается и в том, что оперативные работники, работая по раскрытию преступления самостоятельно или выполняя отдельное поручение следователя, проводят ряд оперативно-розыскных мероприятий как гласного, так и негласного характера. Полученная информация оценивается оперативным работником с двух позиций: как она может быть использована для раскрытия преступления, в частности при проведении допроса, и как обеспечить конспирацию деятельности по ее получению и зашифровке ее источников. Оперативный работник отбирает ту часть информации, которая, по его мнению, необходима следователю и которую можно передать без ущерба для оперативно-розыскной деятельности. Такая информация передается, как правило, в форме рапорта, справки или устного сообщения.

Таким образом, информация, предназначенная и необходимая для предварительного следствия, к следователю не поступает или поступает не в полном объеме. В процессе преобразования формы, в которой запечатлена и сохранена информация, может происходить количественное и качественное изменение информации,

характера отображения одних и тех же свойств объекта и т. д. Таким образом, со стороны оперативного работника происходит как бы обработка информации. Это обусловлено несовершенством форм и каналов передачи следовательно оперативно-розыскной информации, нечеткой регламентацией вопроса о пределах допуска следователя к оперативным материалам, что заставляет зачастую оперативных работников передавать информацию устно и нигде ее не фиксировать. В рассматриваемом аспекте следует отметить, что существует так называемая «мертвая» информация, т. е. полезная информация, которая получена, определенным образом зафиксирована, формализована и может быть использована для решения конкретных задач, в том числе и при подготовке и проведении допросов, однако по каким-либо причинам не используется. Для оперативно-розыскного обеспечения предварительного расследования «мертвой» можно считать оперативно-розыскную информацию, находящуюся в различных делах оперативного учета или других формах оперативно-розыскного производства.

Мы поддерживаем мнение В. П. Хомкского о том, что «система оперативно-розыскного обеспечения предварительного расследования будет действовать эффективно, а следователи смогут успешно решать задачи по раскрытию и расследованию преступлений только в том случае, если оперативно-розыскная информация будет доступна им в полном объеме и в том виде, в каком она была первоначально получена»¹.

Данную точку зрения разделяет и В. Е. Коновалова, которая отмечает, что «следователь должен знать все, что относится к расследуемому им делу и может иметь значение для исследования его обстоятельств. Для него нет и не может быть тайны в относящейся к делу оперативно-розыскной информации (но не источников ее получения), равным образом, как и для лица, производящего дознание, не должно быть тайны в расследовании дела, по которому он осуществляет оперативно-розыскную деятельность»².

Специфика использования оперативно-розыскной информации на стадии предварительного расследования, в том числе и при допросе, заключается также в необходимости зашифровки методов

¹ Хомкский В. П. Организация управления оперативно-розыскной деятельностью. М., 1999. С. 100–101.

² Коновалова В. Е. Психология в расследовании преступлений. Харьков, 1978. С. 35–36.

и источников ее получения от других лиц и, прежде всего, от лиц, заинтересованных в неудаче расследования.

Решать эту задачу следует совместными усилиями оперативных работников и следователей. Поэтому проведение соответствующих мероприятий не только оперативными работниками, но и следователями должно быть в высшей мере профессионально грамотным.

В. Ф. Щербатов, Ю. Д. Викторов

О КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЯХ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ВЫМОГАТЕЛЕЙ С ПОЛИЧНЫМ, И ВОЗМОЖНОСТЯХ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

Причины конфликтов как формы проявления противоречий взаимодействующих сторон¹, возникающих в процессе совершения вымогательств, и расследование преступлений этого вида, по нашему мнению, детерминированы следующими факторами: 1) характер (способы) противоправных действий вымогателей; 2) криминалистические и психологические аспекты изучения и анализа личности вымогателей и потерпевших, отличающихся склонностью к аффектации своего поведения; 3) специфика производства следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, проводимых при раскрытии и расследовании вымогательств².

Изучение и анализ следственной и судебной практики по делам о вымогательствах показывает, что успешное расследование таких преступлений непосредственно зависит от результатов проведения операции «Задержание вымогателей с поличным». При производстве этой операции на различных ее этапах³ возникают ситуации,

¹ См.: Баев О. Я. Конфликты в деятельности следователя (вопросы теории). Воронеж, 1981.

² Вымогательство является одним из наиболее опасных видов корыстно-насильственных преступлений и отличается, прежде всего, длительностью (по времени) и изощренностью психического воздействия вымогателей на потерпевшего. См. об этом подробнее: Сафонов В. Н. Организованное вымогательство: уголовно-правовой и криминологический анализ. СПб., 2000; Расследование преступлений повышенной общественной опасности: Пособие для следователя / Под ред. Н. А. Селиванова, А. И. Дворкина. М., 1998. С. 243–332.

³ О содержании этапов данной операции см.: Щербатов В. Ф., Мухомедов Н. А. Этапы проведения операции «Задержание вымогателей с поличным» // Российское законодательство и правоприменительная деятельность органов внутренних дел:

которые в психологическом аспекте можно охарактеризовать как *конфликтные*. Объясняется это, прежде всего, не только большим риском для жизни и здоровья участников этой операции, но и особым эмоциональным состоянием потерпевшего, участвующего в задержании вымогателей.

Авторами опрошено 126 потерпевших по делам о вымогательствах и установлено следующее. 118 человек (93,6 %) считают, что любая встреча с вымогателями, включая и встречу, организованную для их задержания, всегда потенциально конфликтна, поскольку представляет реальную опасность для жизни и здоровья. 39 человек (30,9 %) заявили, что они при встрече с вымогателями находились в стрессовом состоянии и поэтому не могли полностью выполнять инструкции сотрудников милиции. 48 человек (38,1 %) в качестве причин своего неустойчивого психологического состояния перед встречей с вымогателями отметили непокидавшее их чувство тревоги, обусловленное тем, что вымогатели, по их мнению, могли в любой момент изменить ранее оговоренные условия и порядок встречи, а сотрудники милиции при этом были бы не готовы своевременно и адекватно отреагировать на изменение ситуации. 18 человек (14,3 %) пояснили, что обстановка и условия их встречи с вымогателями (темное время суток, закрытое помещение, несколько вымогателей и т. п.) не позволили им полностью контролировать ситуацию и своевременно подать условный сигнал на задержание вымогателей с поличным.

Думается, что приведенные нами данные, характеризующие психологический статус потерпевшего, необходимо учитывать руководителю органа внутренних дел при принятии решения о производстве операции по задержанию вымогателей с поличным.

При планировании операции по задержанию вымогателей с поличным одной из приоритетных задач является предупреждение, локализация и ликвидация прогнозируемых конфликтных ситуаций, что в конечном итоге должно способствовать обеспечению безопасности участвующих в такой операции лиц, включая и потерпевшего, а также лиц, случайно оказавшихся на месте ее проведения.

Для адекватного реагирования потерпевшего на конкретную конфликтную ситуацию в процессе задержания вымогателей следует еще до начала названной операции проводить определенную тактико-психологическую подготовку потерпевшего. Действуя

именно таким образом, возможно, по нашему мнению, развить у потерпевшего стойкое чувство уверенности и защищенности. Для этого следует использовать различные известные в науке методы воздействия на человеческую психику (передача информации, пример, убеждение и др.)¹. При этом необходимо помнить, что каждый метод эффективен только в определенной ситуации.

Например, одних потерпевших желательно привлекать к разработке плана операции (включающего и «сценарий» их поведения при встрече с вымогателями), других – ознакомлять в необходимом объеме с содержанием плана операции либо обсуждать с ними возможные варианты их поведения в ответ на действия вымогателей (при необходимости можно провести и своеобразную «репетицию»). Кроме того, у потерпевших необходимо вырабатывать навыки использования специальных технических средств, включая и средства самозащиты.

Вопросы, затронутые нами, не исчерпывают всех аспектов проблемы участия потерпевшего в операции по задержанию вымогателей с полициным. Однако думается, что высказанные нами предложения по их разрешению будут способствовать более эффективному преодолению конфликтных ситуаций и проведению таких операции.

А. М. Дьячков

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КОНФЛИКТОВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ МОШЕННИЧЕСТВА – ЗАЛОГ ВЫПОЛНЕНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЕМ ЗАДАЧ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Важной предпосылкой успешного выполнения задач уголовного судопроизводства является умение следователем предупреждать конфликты между участниками уголовного процесса. При расследовании мошенничеств, совершенных под видом осуществления предпринимательской деятельности, могут возникать конфликтные ситуации между следователями, с одной стороны, и обвиняемыми, защитниками, а иногда и потерпевшими, с другой. В зависимости от того, умеет ли следователь выявлять их первоначальные признаки

¹ См. об этом подробнее: *Водолазский Б. Ф., Гутерман М. П.* Конфликты и стрессы в деятельности работников органов внутренних дел: Учеб. пособие. Омск, 1976.

и принимать соответствующие меры для их предупреждения, зависит успех производства по уголовному делу. Рассмотрим некоторые из них.

Изучение практики борьбы с мошенничеством на рынке частных инвестиций показывает, что в тех случаях, когда следователи блокируют денежные средства на расчетном счете финансовой структуры, в целях недопущения конфликтной ситуации они должны принимать и соответствующие меры упреждающего характера.

В частности, им целесообразно встретиться с лидерами (представителями) объединений обманутых инвесторов-граждан, а если необходимо, то использовать средства массовой информации для разъяснения предпринятых действий, связанных с наложением ареста на денежные средства.

При допущении промедления мошенники, обманувшие частных инвесторов, или иные заинтересованные лица данную ситуацию могут повернуть на создание конфликта между следственным органом и обманутыми вкладчиками.

Так, у них появляется возможность информировать последних о том, что следователи мешают вкладывать привлеченные денежные средства в выгодные экономические проекты, производить выплату процентов по займам, делать их возврат по истечении срока договора и т. д.

Названная информация способна вызвать у обманутых граждан недовольство работой конкретных следователей, а порой и правоохранительных органов в целом. В связи с этим обманутые граждане могут собираться в большие группы и устраивать пикеты и демонстрации у зданий, где размещаются органы власти и управления. Такие действия протестующих создают психологически напряженные ситуации среди участников расследования.

При выполнении ст. 201–203 УПК РСФСР по уголовным делам о мошенничествах, совершенных на финансовом рынке, порой также могут возникать конфликты между следователем и обвиняемым с защитниками по поводу периода времени, выделяемого следователями на ознакомление их с материалами уголовного дела.

Многие уголовные дела по объему о финансовых мошенничествах насчитывают по несколько сотен томов (например, уголовное дело по обвинению руководителей финансовой компании «Русский дом Селенга» составляет 413 томов).

Ознакомиться с таким объемом материалов расследования обвиняемым и их защитникам представляет определенную сложность, поскольку для этого требуется значительный период времени.

У лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, как правило, не может быть такого периода времени. Поскольку следователь-бригадир, осуществляющий руководство расследованием, продлевая сроки следствия или содержания под стражей обвиняемых, субъективно определяет в соответствующем постановлении, какой срок необходим для ознакомления с материалами уголовного дела.

Нормами Уголовно-процессуального кодекса РСФСР временных рамок для ознакомления с материалами уголовного дела не установлено.

В ст. 201 УПК РСФСР только предусмотрено, что при определении факта затягивания обвиняемым и защитником ознакомления с материалами дела следователь своим постановлением, утвержденным прокурором, ограничивает срок ознакомления с материалами дела. Какие действия обвиняемого и его защитника следует отнести к явно затягивающим расследование, законодательство не раскрывает. Их определяют по своему усмотрению следователь и прокурор. Субъективное мнение следователя и прокурора по этому вопросу может быть не всегда верным.

Фактически в подобной ситуации достаточного времени для ознакомления с материалами уголовного дела в полном объеме у обвиняемого и его защитника не имеется. Порой такие действия следователей в названных ситуациях, направленных на установление срока, необходимого для ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемого и его защитника, приводят к конфликту. В некоторых случаях последние вообще отказываются знакомиться с материалами уголовного дела и обращаются с письменными жалобами к вышестоящему прокурору.

Как видно, несовершенство положений ст. 201 УПК РСФСР имеет потенциальную возможность создать конфликтную ситуацию между участниками предварительного следствия.

В целях исключения произвола, порождающего конфликтные ситуации при ознакомлении с материалами уголовного дела, на наш взгляд, представляется целесообразным изменить существующие положения в ст. 201 УПК РСФСР. Желательно разработать и применить в законодательном порядке нормы времени, регламентирующие сроки ознакомления с материалами уголовного дела или пойти по пути изменения названий нормы, как это предлагают

сделать отдельные специалисты. По окончании расследования обвиняемый и его защитник знакомятся с материалами лишь тех следственных действий, которые проводились с их участием, или по их ходатайству обвиняемому необходимо предоставлять не обвинительное заключение, а обвинительный акт¹.

М. А. Рудь

ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА НЕОТЛОЖНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В УСЛОВИЯХ ДВИЖУЩЕГОСЯ ПОЕЗДА

Расследование преступлений, совершенных на железнодорожном транспорте в сфере пассажирских перевозок, благодаря специфике места совершения преступления, сопряжено со многими трудностями. Свидетельская база в течение непродолжительного времени в значительной степени утрачивается, предметы, несущие на себе следы совершенного преступления, в силу динамичности происходящих на железнодорожном транспорте событий и общедоступности мест совершения преступлений, утрачивают свои следоносущие способности, определение круга лиц, могущих совершить преступление, усложняется незначительным объемом информации и непродолжительностью срока их общения с потерпевшими и возможными свидетелями.

В этих условиях эффективность проведения неотложных следственных действий во многом определяет результативность всего расследования. Как правило, время для производства неотложных следственных действий в условиях движущегося поезда чрезвычайно ограничено, и, приступая к расследованию, необходимо четко представлять себе объем обязательных следственных действий, оперативно-розыскных и технических мероприятий для наиболее рационального распределения временных ресурсов, сил и средств. При этом важное значение приобретает разработка типовых программ действий оперативной группы по получению сообщения о происшествии, которой, к сожалению, в настоящее время не уделяется должного внимания.

Приступая к расследованию преступления, совершенного в пассажирском поезде, необходимо, в первую очередь, определить круг лиц,

¹ См.: В. Алферов. Истина в законе // Милиция. 1998. № 4. С. 21.

могущих располагать информацией о совершенном преступлении. Это, прежде всего, потерпевшие, проводники поезда, работники вагона-ресторана, пассажиры вагона, в котором совершено преступление, а также соседних с ним вагонов. Наибольшую ценность на первоначальном этапе, как правило, представляют сведения, полученные от работников железнодорожного транспорта. Сведения, полученные от пассажиров, следует рассматривать с той позиции, что, возможно, кто-то из них совершил расследуемое преступление. Получив представление об общей картине совершенного преступления, необходимо срочно предпринять меры к обеспечению сохранности следов на месте его совершения, по возможности исключив вероятность доступа к нему посторонних лиц.

Приступая к допросам свидетелей, необходимо определить тех, которые располагают наиболее полной информацией об обстоятельствах совершенного преступления, дабы не допустить непродуктивной траты времени. Кроме того, необходимо выявить как можно больше лиц, располагающих информацией о совершенном преступлении, установить их место жительства, контактные телефоны и место следования, в целях дальнейших допросов. В случае крайней необходимости можно произвести высадку из поезда наиболее важных свидетелей для производства с ними следственных действий. При этом необходимо сделать отметку об этом в билете высаженного пассажира у дежурного по станции, для того чтобы пассажир имел возможность продолжить поездку без материальных затрат. Здесь стоит отметить, что на первоначальном этапе расследования преступлений, совершенных в пассажирских поездах, недостаточно часто проводятся допросы с применением звукозаписи. Это объясняется как сложностями технического обеспечения, так и неподготовленностью следователей к производству таких допросов. В связи с этим имеет большое значение применение типовых планов допросов с использованием звукозаписи.

На первоначальном этапе расследования необходимо при помощи контрольных купонов билетов, находящихся у проводников, установить лиц, покинувших состав поезда на станциях следования в предполагаемый период совершения преступления, с целью отработки версий об их возможной причастности к совершенному преступлению. Сложность допросов в условиях движущегося поезда обусловлена в основном ограниченностью времени для их производства. В таких условиях довольно сложно найти психологиче-

ский контакт с допрашиваемым и удостовериться в правдивости даваемых им показаний.

В ходе осмотра места совершения преступления необходимо уделять особое внимание гладким следонесущим поверхностям, имеющимся в поезде, а также предметам, находившимся в контакте с лицом, совершившим преступление (сумки, постельные принадлежности и т. д.). При производстве в поезде следственных действий, в которых необходимо участие понятых, следует обращать особое внимание на то, чтобы лица, участвующие в следственном действии в качестве понятых, не имели отношения к расследуемому преступлению.

Огромное значение имеет техническая подготовленность следственно-оперативной группы к действиям, направленным на раскрытие совершенного преступления и закрепление доказательств. Часто сложности с производством следственных действий возникают из-за элементарного отсутствия необходимых протоколов, упаковочного материала и т. д. В заключении необходимо отметить, что сам перечень неотложных следственных действий, применительно к рассматриваемой ситуации, в значительной степени расширен, что обусловлено необходимостью схода с поезда многих свидетелей, прибывших на станцию своего назначения, а в их отсутствие производство многих следственных действий на последующем этапе зачастую невозможно.

М. И. Фетюхин, Ю. М. Фетюхин

МЕХАНИЗМ СОЦИАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ КОНФЛИКТОВ В ПРОЦЕССЕ РЕАДАПТАЦИИ ЛИЦ, ОТБЫВШИХ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Реадаптация лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, – процесс сложный и многогранный. Сложность его заключается в том, что лица, отбывшие наказание в виде лишения свободы, подчинялись строгим правилам тюремного распорядка, они утратили способность к самостоятельности, отвыкли от необходимости заботиться о себе. И при выходе «на волю» не всегда готовы проявлять достаточно энергии для того, чтобы включаться в трудовую деятельность. На личность преступника, отбывшего наказание, практически нельзя воздействовать эффективно, не внося коррективы в непосредственно окружающую его социальную среду, не меняя способы взаимодействия с этой средой.

Социальная регуляция конфликтов, возникающих между лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, и обществом, – это процесс, включающий в себя несколько последовательных стадий. Сюда входят: институционализация, профилактика, контроль и коррекция за поведением и деятельностью лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы. Причем каждый из этих компонентов имеет определенную структуру, выполняется особыми методами и приемами. Все они могут осуществляться в формах воздействия на отбывшего наказание автономно, вне жесткой взаимосвязи. Это позволяет рассматривать их и как механизмы регуляции поведения лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, в качестве наиболее действенных и эффективных, способствующих успешной реадaptации к нормальным условиям жизни.

Рассмотрим вкратце каждый компонент механизма социальной регуляции.

Институционализация – это установление норм и эталонов индивидуального поведения личности, формирование системы ценностей и идеалов регуляции.

Второй компонент – профилактика. Этот термин широко распространен в медицине и технике и означает предохранение чего-либо (здоровья, технического устройства и т. д.) от негативного воздействия. С аналогичным значением можно ввести его и в социальную технологию. Под профилактикой лиц, отбывших наказание, имеется в виду профилактика социальная. Социальная профилактика – это система методов и процедур, направленных на предупреждение и устранение причин социальных отклонений лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы.

Третья стадия социального регулирования – это контроль за лицами, отбывшими наказание. В его структуру входят три основных элемента: 1) установление состояния процесса отношений и действий; 2) оценка этого состояния; 3) выводы и решения, следующие из оценки.

Четвертая стадия, завершающая, – коррекция поведения лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы. Благодаря профилактике удастся приостановить некоторые нежелательные тенденции и действия, но многие из них тем не менее проходят через поставленные заслоны и попадают в сферу уже коррекционного воздействия. Специфика коррекции как стадии механизма регуляции заключается в том, что она направлена на исправление соци-

альных отклонений, аномалий, приобретенных отбывшими наказание в процессе изоляции от общества.

Социальная реадaptация лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, осуществляется несколькими способами, которые различаются своеобразием используемых средств и методов.

Одним из основных методов социальной реадaptации является метод нормативной регуляции. Нормативная регуляция – это установление норм и контроля за их выполнением со стороны лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы. При обосновании и введении нормативно-регуляционного метода следует учитывать две основные переменные: цель, ради чего устанавливаются нормы, и ресурсы, т. е. какими ресурсами обеспечивается их выполнение.

Нормы вводятся двумя путями: формальной регламентацией (документальной фиксацией) и неформальной регламентацией. Во втором случае нормы устанавливаются как оптимальные варианты привычного поведения и взаимодействия.

Нормативная регуляция осуществляется несколькими взаимодополняющими методами.

Метод формализации норм означает их письменную или устную фиксацию с целью устранения неопределенности выражаемых ими требований, расхождений в их восприятии. Когда отдельные лица, отбывшие наказание в виде лишения свободы, перестают понимать те нормативные требования, которые они должны выполнять, то стоит вернуться к исходным пунктам взаимодействия и более четко их зафиксировать.

Метод локализации норм означает их «привязывание» к местным особенностям и условиям. То, что является нормой в обычных условиях, перестает быть таковой в экстремальной ситуации. Этот метод ориентирует на более точный учет и использование локальных, ситуационных ресурсов. Метод индивидуализации норм, применяемых к лицам, отбывшим наказание в виде лишения свободы, предполагает их дифференциацию с учетом личностных особенностей и ресурсов людей.

Широкое распространение на практике имеет традиционно-ритуальная регуляция, входящая в систему социального контроля за лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы.

Причиной конфликтности в процессе реадaptации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, является их собственная заниженность жизненных перспектив, что сбивает их с жизненного толка. Сложность их корреспондирования с окружающим миром,

отчужденность иллюстрируются и тем фактом, что 80 % или не очень обращают внимание на общественное мнение о себе, или вовсе выражают полнейшее безразличие к общественному мнению. А это не что иное, как потеря доверия к обществу, его гуманности, объективности, неприятие его установок. Отсюда как закономерный итог – механизм воздействия на процесс реадaptации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, становится трудноуправляемым, конфликтным.

В. Ф. Лазаренко

СПОСОБЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ ПРИ ВОЗВРАТЕ ВКЛАДА БАНКАМИ РФ

Одним из наиболее распространенных гражданско-правовых договоров является договор банковского вклада. Большая часть населения Российской Федерации и множество юридических лиц заключают с банками договор банковского вклада.

Целью данного договора является, прежде всего, обеспечение сохранности денежной суммы, переданной банку, и получение определенного вознаграждения в форме процентов. На заре развития банковского дела банки были обязаны хранить денежные средства вкладчиков и возвращать им именно те монеты и купюры, которые составляли предмет вклада. Поэтому такой договор ассоциировался с договором хранения. В настоящее время обязанностью банка является не возврат тех же денежных знаков, а возврат той же денежной суммы. Получая сумму вклада наличными, банк приобретает право собственности на нее, использует ее для выплат наличными другим лицам, например заемщикам. Поэтому каждый клиент любого банка подвержен риску не получить обратно свои деньги. Мы уже не раз были свидетелями того, как люди, отдавшие банку свои сбережения, оказывались ни с чем. Причин тому множество – экономический кризис, недобросовестность банков, недостаточная правовая защищенность вкладчиков, которые находятся в экономической зависимости от банков. Поэтому, чтобы окончательно не потерять доверие населения к банкам и к договору банковского вклада, первостепенное значение приобретает необходимость в обеспечении возврата вклада. Это позволит избежать многих конфликтных ситуаций, часто возникающих между вкладчиком и банком, итогом которых являлись судебные процессы, возбужденные уголовные дела и т. д. Действующее граждан-

ское законодательство предусматривает ряд мер, направленных на обеспечение возврата вклада. Так, в соответствии со ст. 840 ГК РФ банки обязаны обеспечить возврат вкладов следующими способами:

1. Обязательное страхование вкладов за счет средств Федерального фонда обязательного страхования вкладов. Данное положение конкретизируется в ст. 38 Закона РФ «О банках и банковской деятельности». Вообще система страхования средств вкладчиков кредитных учреждений широко известна современному банковскому праву и признается одним из существенных моментов поддержания стабильности банковской системы. Практически во всех странах Западной Европы и Северной Америки действуют системы гарантирования вкладов. Так, в США, Японии, Нидерландах существуют системы обязательного страхования, а в Германии, Италии, Франции – добровольного¹. В России, к сожалению, пока только признано необходимым создание системы, обеспечивающей гарантию вкладов граждан. Предполагаемая система включает в себя создание Федерального фонда обязательного страхования вкладов, участниками которого будут Центральный Банк РФ и банки, привлекающие средства граждан. При этом порядок создания, формирования и использования средств данного фонда определяется федеральным законом, который до сих пор не принят, поэтому данная система еще не действует.

2. Добровольное страхование вкладов. Законом «О банках и банковской деятельности» наряду с системой обязательного страхования предусматривается развитие системы добровольного страхования вкладов. Так, согласно ч. 1 ст. 39 Закона «О банках и банковской деятельности» банки имеют право создавать фонды добровольного страхования вкладов для обеспечения возврата вкладов и выплаты доходов по ним. Данные фонды создаются как некоммерческие организации банками в количестве не менее пяти с совокупным уставным капиталом не менее 20-кратного минимального размера уставного капитала, установленного Центральным Банком России. Однако в настоящее время и эта система в должной мере не получила своего развития, так как немногие банки прибегают к этому весьма дорогому механизму, а те, которые все же идут на это, заключают договоры страхования вкладов до определенной, достаточно низкой суммы.

¹ См.: Федеральный закон «О банках и банковской деятельности». Текст. Комментарий. М., 2000. С. 296.

3. Субсидиарная ответственность Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных образований. Причем граждане-вкладчики вправе предъявить иски о привлечении к субсидиарной ответственности указанных публичных образований, только если банки, в капитале которых более 50 % акций или долей участия принадлежит Российской Федерации, ее субъектам или муниципальным образованиям, отказались удовлетворить требования вкладчика о возврате вклада.

4. Традиционные способы обеспечения исполнения обязательств (неустойка, залог, поручительство и т. д.).

В целях усиления защиты интересов вкладчиков в п. 3 ст. 840 ГК РФ предусматривается обязанность банка при заключении договора банковского вклада предоставлять вкладчикам информацию об обеспеченности возврата вклада.

При невыполнении банком предусмотренных обязанностей по обеспечению возврата вклада, а также при утрате обеспечения или ухудшении его условий вкладчик вправе потребовать от банка немедленного возврата суммы вклада, уплаты на нее процентов за весь период пользования средствами вкладчика и возмещения причиненных убытков.

О. А. Минеев

КОНФЛИКТЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ САМОЗАЩИТЕ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Среди форм защиты гражданских прав особое место принадлежит самозащите. Термин «самозащита» был употреблен в российском гражданском законодательстве впервые в действующем ГК РФ. В то же время, к сожалению, законодатель не дает определения самозащиты и не предусматривает исчерпывающего перечня способов самозащиты, оставляя разрешение вопроса: можно ли рассматривать те или иные деяния совершенными в порядке самозащиты – на рассмотрение юрисдикционных органов. Нередки случаи, когда лицо, осуществляя самозащиту своих гражданских прав, например права собственности, причиняет вред другому лицу, оспаривающему или нарушающему это право. Здесь происходит конфликт интересов, и сторона, которой в ходе самозащиты причинен вред, может оспаривать правомерность самозащиты. Поэтому необходимо на законодательном уровне закрепление понятия самозащиты и критериев ее правомерности.

В научной литературе под самозащитой права понимается инициативное, самостоятельное действие лица по недопущению нарушения права и по уменьшению последствий данного нарушения¹.

Таким образом, самозащита гражданских прав – это форма защиты права, дающая возможность лицу защитить свои права и интересы с помощью собственных действий без обращения в суд. Самозащита допускается при наличии трех условий: нарушение права, необходимость пресечь это нарушение и соразмерность принятых для пресечения нарушения мер характеру и содержанию правонарушения. Так, в совместном Постановлении пленумов Верховного и Высшего Арбитражного Судов РФ № 6/8 от 1 июля 1996 г. отмечается, что при разрешении споров, возникших в связи с защитой принадлежащих гражданам или юридическим лицам прав путем самозащиты, следует учитывать, что самозащита не может быть признана правомерной, если она явно не соответствует способу и характеру нарушения и причиненный (возможный) вред является более значительным, чем предотвращенный².

Характерные признаки самозащиты:

1) самозащита осуществляется, когда нарушение субъективного права уже произошло и продолжается либо против наличного посягательства на права и интересы управомоченного лица (например, необходимая оборона);

2) обстоятельства места и времени исключают в данный момент возможность обращения за защитой к государственным органам либо не исключают обращения за судебной защитой, но лицо, права которого нарушены, выбирает средства быстрого и чувствительного реагирования;

3) самозащита осуществляется, прежде всего, силами самого потерпевшего, что не исключает взаимопомощи и содействия в осуществлении защиты против посягательства со стороны других лиц;

4) самозащита не должна выходить за пределы действий, необходимых для пресечения нарушения, и должна быть соразмерна нарушению по своим способам, иначе она может превратиться в самоуправство или вылиться в превышение пределов необходимой обороны.

¹ См.: Радченко М. Ю. Арбитражные споры. М., 2000. С. 35.

² См.: О некоторых вопросах, связанных с применением части первой ГК РФ: Постановление пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ № 6/8 от 1 июля 1996 г.

Анализируя действующее гражданское законодательство, можно выделить следующие способы самозащиты:

1) действия, совершенные в состоянии необходимой обороны и крайней необходимости;

2) односторонний отказ от исполнения договора поставки, подряда, отказ от оплаты товаров (ст. 523, 715, 520 ГК);

3) приобретение товаров непосредственно лицом, чье право нарушено, с отнесением на нарушителя всех необходимых расходов на их приобретение (п.1 ст. 520 ГК);

4) выполнение работ, услуг непосредственно лицом, чье право нарушено, своими силами и средствами, но за счет нарушителя (ст. 397, 503 ГК).

Думается, что применение самозащиты призвано более широко обеспечить защиту частных интересов граждан и организаций, но законодатель должен более четко регламентировать сам порядок осуществления фактических и юридических действий в рамках самозащиты, дабы избежать конфликтов при ее применении.

И. В. Шевчук, Е. И. Пухов

ДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ В УСЛОВИЯХ ТАКТИЧЕСКОГО РИСКА ПРИ ПРЕДЪЯВЛЕНИИ ЛИЦ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ

При подготовке к производству предъявления для опознания необходимо учитывать фактор тактического риска.

В юридической литературе тактический риск определяется как ситуация, грозящая провалом замысла следователя, как допущение отрицательного результата действий, как деятельность, осуществляемая в условиях выбора, когда существует опасность в случае неудачи оказаться в худшем положении, нежели до выбора.

Определение термина «тактический риск» требует уяснения смысла «ситуация тактического риска», поскольку они непосредственно сопряжены друг с другом.

Анализ конкретной ситуации является исходным пунктом принятия того или иного тактического решения¹.

¹ См.: Пухов Е. И. Тактические приемы в расследовании преступлений. Волгоград, 2000. С. 48.

В этой связи ситуацию можно рассматривать как совокупность различных обстоятельств и условий, создающих определенную обстановку для того или иного вида деятельности. Причем эта обстановка может и способствовать, и препятствовать осуществлению данного действия, в том числе «рискованного».

В ситуациях тактического риска различаются три варианта:

а) следователь, выбирающий из нескольких альтернатив, имеет в распоряжении объективные вероятности получения предполагаемого результата, основывающиеся на опыте предыдущей деятельности следователей;

б) вероятности наступления ожидаемых последствий выводятся на основе субъективных оценок;

в) следователь в процессе выбора располагает как объективными, так и субъективными вероятностями¹.

Указанное позволяет определить ситуацию тактического риска как ситуацию неизбежного выбора, в процессе которого имеется возможность оценить вероятность достижения предполагаемого результата.

Ситуация тактического риска обуславливает, прежде всего, тактику конкретных следственных действий. Ее оценка реализуется именно в тактическом решении, получающем свое внешнее выражение в планировании расследования. Через следственную ситуацию тактический риск реализуется в конкретные действия.

В общем виде ситуация тактического риска характеризуется наличием неопределенности, альтернативностью выбора решения и возможностью оценки вероятности осуществления сделанного выбора.

Причем необходимо отметить, что именно от следователя (его опыта, наблюдательности, способности к анализу объема и качества собранной им информации) зависит правильная оценка возможного тактического риска.

Проведенные нами исследования позволили прийти к выводу, что предъявление для опознания – это следственное действие, содержащее в себе наибольшую вероятность тактического риска. Так, 70,3 % опрошенных нами следователей знают о том, что рассматриваемое процессуальное действие является «рискованным», и учитывают это обстоятельство при подготовке к его производству.

¹ См.: Осипов Ю. Ю. Деятельность следователя в условиях тактического риска: Учеб. пособие. Саратов, 1997. С. 8.

Предъявление лица для опознания несет в себе определенную степень риска (от минимальной – в благоприятно сложившейся ситуации, до максимальной – в ситуациях более сложных, когда лицо плохо запомнило признаки опознаваемого и вообще сомневается в возможности его опознать либо дает ложные показания). В результате лицо может быть опознано, установлено лишь его сходство либо вообще не опознано. Не исключено, что предполагаемое опознание не состоится.

Успех проведенного следственного действия, прежде всего, зависит от того, насколько точно соблюден порядок его производства. Он направлен на то, чтобы опознающий был поставлен в условия психологического и тактического характера, максимально благоприятствующие течению опознавательного процесса, и мог прийти к достоверному выводу о тождестве, сходстве или различии предъявляемых ему объектов с теми, которые он воспринимал ранее.

Именно соблюдение указанных факторов помогает избежать возможных ошибок со стороны опознающего и не допустить какой-либо недобросовестности с его стороны или со стороны других участников этого следственного действия.

Следователь, готовясь к проведению опознания, должен предупредить ситуацию, которая может свести на нет доказательственное значение опознания. Здесь идет речь о так называемом предварительном ознакомлении опознаваемого с опознающим (это может быть при случайном обнаружении потерпевшим преступника, узнавание его по фотоизображениям, публикуемым в печати, показываемым по телевидению, а равно как и при организации поиска преступника в местах наиболее вероятного его появления).

Фактором, повышающим степень тактического риска при предъявлении лица для опознания, являются так называемые «ошибки», основанные на психологическом стрессе. Катализатором данного стресса является то обстоятельство, что по своей природе опознание – первое следственное действие, где впервые после преступного события «очно» встречаются преступник и жертва.

Боязнь, страх перед преступником – вот психологический фактор отказа от опознания, «неузнавания» его. Поэтому важно менять существующие формы производства опознания, широко практиковать опознание в условиях отсутствия непосредственного контакта опознаваемого и опознающего. Таким образом, будет осуществлена психологическая защита опознающего, что, в свою очередь,

приведет к снижению уровня тактического риска при производстве рассматриваемого следственного действия.

Кроме фактора страха, влияющего на конечный результат предъявления лица для опознания, еще можно выделить фактор времени.

Учитывая вышеназванные факторы, можно предложить наиболее рациональные пути минимизации степени тактического риска при предъявлении лица для опознания:

- тщательный анализ ситуации, сложившейся на момент расследования. Обобщение и использование информации, полученной в том числе негласными средствами и методами (особое значение здесь приобретает информация, полученная в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий и использования полиграфа) и дающей возможность знать о намерениях и линии поведения будущего опознаваемого;

- использование видео-, звукозаписывающей аппаратуры при проведении данного следственного действия;

- психологическая подготовка участников рассматриваемого следственного действия, основанная на глубоком изучении личности как будущего опознающего, так и будущего опознаваемого. Установление психологического контакта со всеми участниками следственного действия;

- хорошо продуманная тактика производства данного следственного действия, в случаях когда в качестве опознающих выступает несколько человек, один из которых подробно описывает приметы опознаваемого, а другие запомнили особенности объекта хуже. Важно, прежде всего, предъявить опознаваемого тому лицу, в отношении которого имеется большая уверенность, что он может достоверно произвести опознание, это также позволит минимизировать степень тактического риска;

- в ситуациях нечеткости показаний при предварительном допросе снижению уровня тактического риска будет способствовать повторный допрос (или ряд допросов) по обстоятельствам восприятия объекта опознания;

- изменение обстановки места производства опознания (с целью ее приближения к условиям восприятия на момент совершения противоправных действий), а это, в свою очередь, должно активизировать ассоциативные связи опознающего и привести к намеченному результату;

– сравнение данной ситуации тактического риска по аналогии с ранее возникавшими подобными ситуациями, оценки примененных ранее тактических приемов на предмет их выбора и использования в подобных условиях.

Разумеется, стремление минимизировать тактический риск может не увенчаться успехом и желаемый результат не будет получен. В криминалистической литературе определены общие рекомендации проблемы нейтрализации отрицательных последствий тактики риска с минимальными потерями для следователя, которые складываются из:

- «криминалистического рассмотрения всех ранее принятых решений и осуществления действий в поисках ошибок;
- сопоставления обнаруженных ошибок с результатами анализа ситуации тактического риска;
- определения причин ошибок;
- определения комплекса мероприятий по исправлению ошибок и предотвращению будущих (возможных) ошибок;
- пересмотра всей исходной информации, использования ее для элементного и комплексного анализов ситуации;
- исследования ситуации на основе иной стратегии расследования»¹.

Обозначенные тактические приемы нейтрализации отрицательных последствий проводимых действий применимы и при проведении предъявления лиц для опознания.

¹См.: Пухов Е. И. Тактические приемы в расследовании преступлений. Волгоград, 2000. С. 54.

Раздел 3

РАЗРЕШЕНИЕ КОНФЛИКТОВ ПРИ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ДРУГИМИ СЛУЖБАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

М. А. Шматов, В. М. Шматов

КОНФЛИКТНЫЕ СИТУАЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДСТВЕННО-ОПЕРАТИВНОЙ ГРУППЫ

Социальная роль сотрудников правоохранительных органов предполагает выполнение профессиональной деятельности, протекающей практически постоянно в конфликтных условиях. Это обусловлено, прежде всего, тем, что преступления, предупреждать, раскрывать и расследовать которые призваны следственно-оперативные аппараты, конфликтны по своему содержанию. Преступное деяние – это конфликт правонарушителя с законом, нередко – это результат конфликта субъекта с окружающими людьми, конфликты, по существу обстоятельства способствующие совершению противоправных поступков¹.

Раскрытие конфликтов, возникающих в деятельности следственно-оперативной группы, невозможно без освещения его понятия и сути.

Словарь русского языка С. И. Ожегова определяет конфликт как «столкновение, серьезное разногласие, спор»². Философская энциклопедия – как предельный случай обострения противоречий³. В пособии для руководящих управленческих кадров конфликт рассматривается как противоречие между работниками ввиду несовместимости их потребностей, мотивов и целей деятельности, отношений и взглядов⁴.

К. К. Платонов и В. Г. Казаков считают, что конфликт – осознанное противоречие между общающимися личностями при наличии

¹ См.: Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений. М., 1976. С. 107–108.

² Ожегов С. И. Словарь русского языка. 2-е изд, стер. и доп. М., 1989. С. 269.

³ См.: Философская энциклопедия. Т. 3. М., 1964. С. 56.

⁴ См.: Труд руководителя: Для руководящих управленческих кадров. М., 1977. С. 256.

попыток их разрешения на фоне эмоциональных отношений¹. По мнению Н. В. Гришиной, конфликт можно рассматривать как реакцию людей на препятствие к достижению разного рода целей совместной деятельности, на поведение других, не соответствующее ожиданиям, а также как реакцию на почве несовместимости характеров, несходства культурных запросов и потребностей².

Изложенное свидетельствует о том, что задача определения психологического понятия конфликта довольно сложна. Если поставить цель, найти дефиницию, которая не противоречила бы ни одному из приведенных взглядов на конфликты, она звучала бы психологически абсолютно бессодержательно: конфликт – это столкновение чего-то с чем-то. Два основных вопроса теории конфликта: что именно сталкивается в нем и каков характер этого столкновения – решаются не всегда однозначно.

Отсюда под конфликтом в самом общем виде понимается противоречие между людьми, которое характеризуется противоборством³. Каждая из конфликтующих сторон или личностей считает себя правой и решительно вступает в борьбу за свои интересы. Конфликт требует обязательного разрешения, без чего немыслима нормальная работа любого коллектива, в том числе и следственно-оперативной группы.

Говоря вообще об исследовании конфликтов, необходимо отметить, что эта проблема в настоящее время представляет собой самостоятельное направление, привлекая внимание исследователей самых различных отраслей научного знания, в том числе и в правоохранительной деятельности⁴.

На наш взгляд, о наличии острой конфликтной ситуации в деятельности следственно-оперативной группы в процессе раскрытия и расследования преступлений свидетельствует само понятие «следственно-оперативная тактика», которая предназначена для

¹ См.: Платонов К. К., Казаков В. Г. Развитие системы понятий теории психологического климата в советской психологии. Социально-психологический климат коллектива: теория и методы изучения. М., 1979. С. 75–81.

² См.: Гришина Н. В. Опыт построения социально-психологической типологии производственных коллективов. Психология производства и воспитания. Л., 1977. С. 20.

³ См.: Ковалев А. Г. Коллектив и социально-психологические проблемы руководства. М., 1975. С. 128.

⁴ См.: Туманов Г. А. Организация управления в сфере охраны общественного порядка. М., 1972; Кулагин Н. И., Порубов Н. И. Организация и тактика допроса в условиях конфликтной ситуации. Минск, 1977; Дулов А. В. Судебная психология. Минск, 1975; Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М., 1967 и др.

выбора методов, форм и действий оперативных сотрудников и следователей именно в условиях острой конфликтной ситуации. Иными словами, конфликтная ситуация, предопределяющая назначение криминалистической и оперативно-розыскной тактики, возникает в связи с преступностью как социальным явлением.

Конфликтные ситуации в деятельности следственно-оперативной группы возникают в случае взаимной осведомленности противоборствующих сторон о преследуемых ими целях. Подобные варианты в практике деятельности следственно-оперативных аппаратов нередки. Иногда разногласия достигают такого уровня и накала, что не исключается доведение конфликтной ситуации до самых крайних мер: вооруженное столкновение при преследовании и задержании преступника, физическая расправа с отдельными участниками следственно-оперативной группы, подкуп, шантаж, физическая угроза, а в отдельных случаях и убийство свидетелей обвинения. Тактические приемы при проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий при раскрытии и расследовании преступлений, как правило, выбираются с учетом конфликта, порождаемого противоположностью целей, которые ставят перед собой следователи и оперативные работники, с одной стороны, и подозреваемые, обвиняемые, а также иные участники процесса, с другой.

Всем членам следственно-оперативной группы приходится участвовать в различных по своим характеристикам конфликтных ситуациях, которые могут возникать в зависимости от:

- категории расследуемого преступления (против личности, в сфере экономики, против общественной безопасности и общественного порядка и т. д.);
- способов и характера противодействия, оказываемого соучастниками преступной деятельности процессу раскрытия и расследования преступления;
- направлений расследования и выдвинутых версий;
- вида следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, проводимых для отработки выдвинутых версий.

Конфликтные ситуации в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений нередко характеризуются большим эмоциональным накалом, широким диапазоном возможных последствий конфликта.

Сама специфика деятельности следственно-оперативной группы предполагает наличие конфликтных ситуаций. Так, например, при составлении плана следственно-оперативных мероприятий,

при возбуждении уголовных дел по материалам оперативных разработок следователь и оперативный сотрудник, понимая, что привлекаемые к уголовной ответственности соучастники окажут противодействие, должны разработать и предусмотреть следственно-оперативные мероприятия, в целях нейтрализации противодействия. При этом необходимо учитывать, что следователь и оперативный сотрудник ограничены в выборе методов и средств рамками закона и профессиональной морали, а привлекаемые к уголовной ответственности лица практически ничем не ограничены.

Причиной конфликтной ситуации могут быть и обстоятельства психологического характера. Следственно-оперативная практика свидетельствует, что подозреваемое в совершении тяжкого преступления лицо, сразу же определив свое негативное отношение к следователю и оперативному сотруднику, не может уже отказаться от него, упорствуя и настаивая на своих показаниях, даже в том случае, когда они находятся в явном противоречии с другими доказательствами.

Конфликтные ситуации в деятельности СОГ можно разделить на три группы, которые возникают:

- 1) между членами следственно-оперативной группы и другими участниками в процессе расследования по уголовному делу;
- 2) между членами организованной преступной группы, привлекаемыми к уголовной ответственности;
- 3) между членами следственно-оперативной группы.

В свою очередь, по мотиву возникновения их можно разделить на естественные и искусственные.

Естественные конфликтные ситуации возникают в процессе гласной работы следственно-оперативной группы. Примером могут служить конфликты, возникающие в процессе проведения различных следственных действий. В этом случае налицо явное противоборство сторон, вступающих в конфликт по поводу ложных показаний или отказа от дачи показаний. Для достижения целей уголовного судопроизводства сотрудники следственно-оперативной группы применяют и негласные методы, которые являются основой деятельности оперативных работников.

Применительно к негласной деятельности мы уже не можем говорить об открытом столкновении сторон, преследующих прямо противоположные цели. При проведении оперативно-розыскных мероприятий, когда достижение целей тщательно конспирируется, таких конфликтных ситуаций не бывает, так как подозреваемые

лица еще не знают о принимаемых мерах в их отношении. Здесь необходимо говорить о конфликте в широком смысле, т. е. лицо, совершившее преступление, вступило в конфликт с обществом, законом и, следовательно, с сотрудником оперативного аппарата как представителем государства, выполняющим правоохранительную функцию.

В целях раскрытия преступления иногда приходится прибегать к созданию искусственной конфликтной ситуации. Сущность ее заключается в столкновении участников преступной группы, создании атмосферы недоверия, разобщения организаторов и второстепенных участников преступной деятельности.

Искусственные конфликтные ситуации могут создавать и руководители преступных сообществ в целях оказания противодействия процессу расследования. Для создания конфликтных ситуаций они могут действовать через своих коррумпированных представителей в высших эшелонах власти, в том числе и в правоохранительных органах.

Однако более важное значение, на наш взгляд, представляют конфликтные ситуации между самими членами следственно-оперативной группы, возникающие в процессе работы по раскрытию и расследованию преступления. От того, как складываются отношения между членами следственно-оперативной группы, во многом зависит настроение и удовлетворение сделанной работой каждого из них, хотя роль взаимоотношений в коллективе этим не ограничивается. В действительности они намного сложнее и в итоге определяют весь стиль работы следственно-оперативной группы, а значит, и конечные результаты ее деятельности по раскрытию и расследованию преступлений.

Основными причинами конфликтных ситуаций в деятельности следственно-оперативной группы, на наш взгляд, являются:

- 1) низкий профессиональный уровень руководителя следственно-оперативной группы и его организаторских навыков;
- 2) недостатки в организации труда, обусловленные спецификой деятельности следственно-оперативной группы, заключающиеся в неритмичности труда, высокой степени ответственности, постоянной перегрузке, низком уровне материально-технического обеспечения работы группы;
- 3) различный уровень профессиональной подготовки и практического опыта членов следственно-оперативной группы;

4) издержки морального и материального стимулирования. «Дискриминация» в оплате труда между сотрудниками правоохранительных органов различных ведомств: МВД, прокуратуры, суда, ФСБ и т. д.;

5) несовершенство уголовно-процессуального законодательства, которое не регламентирует деятельность следственно-оперативной группы. Отсюда неопределенность компетенции и функциональных обязанностей сотрудников оперативных аппаратов;

6) различие уровней и возможностей правовой и социальной защищенности сотрудников следственно-оперативной группы, потерпевших и свидетелей, соучастников преступного сообщества.

Все это в конечном итоге усиливает причины конфликтов, связанных с межличностными отношениями в коллективе.

Е. А. Зайцева, Д. В. Сердюкова

КОНФЛИКТНЫЕ СИТУАЦИИ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ И ПРОИЗВОДСТВЕ ЭКСПЕРТИЗ В СТАДИИ РАССЛЕДОВАНИЯ

Большинство конфликтных ситуаций возникает при назначении и производстве экспертиз ввиду элементарного незнания следователями процессуальной природы экспертизы, компетенции экспертов, их прав и обязанностей, специфики объектов и возможностей конкретных экспертиз. Конфликт назревает, если эксперт, видя допущенные следователем нарушения, пытается их устранить, а следователь отстаивает свою позицию. Противоположные ситуации крайне редки на практике.

Самыми распространенными ошибками следователей при назначении экспертиз являются: 1) постановка перед экспертом вопросов правового характера или не входящих в сферу его научной компетенции; 2) требование дать заключение на основе некачественного, недостаточного по объему материала; 3) возложение на эксперта обязанностей по сбору дополнительных материалов и образцов; 4) требование дать конкретный вывод, устраивающий следователя, по представленным объектам.

Несмотря на то что еще в 1971 году в Постановлении № 1 «О судебной экспертизе по уголовным делам» Пленум Верховного Суда запретил ставить перед экспертами вопросы правового характера, следователи продолжают задавать в своих постановлени-

ях некорректные вопросы: «Поддельный данный бланк водительского удостоверения или нет? Подлинная ли подпись в графе «Получил»? Фальшивая ли данная денежная купюра?» Грамотные эксперты поправляют следователей, переформулируют вопросы в более корректной форме. Курсанты-выпускники ФЭК ВА МВД отмечали, что в ряде регионов, где они проходили стажировку, следователи ставят правовые вопросы, а эксперты дают на них ответы в правовой форме.

В связи с широко распространившимся в последнее время видеопиратством при расследовании данных категорий преступлений следователи часто ставят перед экспертом-криминалистом вопрос о контрафактности аудио-, видеопродукции, забывая о том, что данный вопрос по сути своей является правовым. Эксперт-криминалист на основе своих специальных познаний может решить только вопрос о соответствии реквизитов упаковки аудиовизуального произведения предоставленным легитимно изготовленным образцам фирмы-производителя. Исследование же материала упаковки, самой кассеты и магнитной пленки, аудиовизуальной записи на предмет соответствия образцам – компетенция фоноvideоскопических и материаловедческих экспертиз. Требуется комплексное исследование представленной аудиовизуальной продукции, в результате которого эксперты должны установить совпадение или различие с образцами-оригиналами фирмы-производителя, но не делать вывод о контрафактности этой продукции, который входит в сферу компетенции органов расследования.

При ознакомлении с заключениями фоноскопических экспертиз и справками экспертов-фоноскопистов нами замечена одна отличительная деталь, которая характерна только для данного вида исследований и видеоскопических экспертиз. Эксперты-фоноскописты, излагая исследовательскую часть заключения, вводят в структуру экспертного исследования такой этап, как **«установление объектов исследования»** или **«определение записи, относящейся к предмету экспертизы»**. Разрешение экспертом вопроса о том, какие из представленных записей относятся к предмету экспертизы, а какие не относятся, в данном контексте следует расценивать как превышение экспертом своих полномочий, вторжение им в сферу исключительной компетенции следователей и органов дознания. Предмет экспертизы и круг подлежащих исследованию объектов определяет следователь (или другой орган, назначивший экспертизу) в постановлении (определении) о назначении экспертизы. Экс-

перт не вправе брать на себя несвойственные ему функции органов расследования по определению объектов, относящихся к предмету его экспертного исследования, так как он не обладает достаточным объемом информации для верной оценки относимости той или иной записи к интересующему следствие событию. Именно следователи обязаны предоставлять в распоряжение экспертов объекты, надлежащим образом упакованные и четко описанные в постановлении о назначении экспертизы, где все существенные признаки их должны быть индивидуализированы. В данном постановлении необходимо указывать вид, марку аудио- или видеокассеты, ее отличительные особенности, продолжительность исследуемой записи, время ее начала и окончания. Следователи по ряду причин не выполняют эти элементарные требования, возлагая тем самым свои функции на экспертов и вынуждая их превышать свою компетенцию. Необходимо самым решительным образом покончить с подобной практикой. Если экспертные управления перестанут принимать от органов расследования некачественно оформленные материалы для фоноскопических экспертиз, это заставит следователей и дознавателей тщательно готовить объекты и процессуальные документы данных видов экспертиз.

Также вызывает несогласие использование некоторыми экспертами-фоноскопистами термина «спорная фонограмма» применительно к объектам исследования. Теория криминалистической идентификации выработала единую терминологию, которую необходимо применять при любом виде экспертиз: исследуемый объект (в данном случае – «исследуемая запись или фонограмма»), сравнительные образцы (в фоноскопии – «запись речи» конкретного гражданина). Использование термина «спорная фонограмма» в экспертизе в уголовном судопроизводстве неуместно, оно затрудняет процесс оценки заключения фоноскопической экспертизы участниками процесса. Представляется целесообразным называть запись или фонограмму не «спорной», а «исследуемой», что более соответствует природе экспертной деятельности и положениям общей теории судебной экспертизы.

Конфликт между экспертом и следователем может возникать при требовании следователя дать заключение на основе некачественных материалов. В практике одного из авторов был случай, когда следователь настаивала на проведении почерковедческой идентификационной «экспертизы» без сравнительных образцов, ссылаясь на то, что все признаки почерка видны из справки эксперта, которую она приоб-

щила к постановлению о назначении экспертизы (справка была составлена экспертом другого подразделения). Полагаем, что такие ситуации возникают по вине обеих сторон. Следователи после проведения предварительного исследования и дачи справки экспертом, поручая производство экспертизы тому же эксперту, не направляют в ЭКУ вещественные доказательства, указывая в постановлении о назначении экспертизы: «Вещдоки не представлены. См. справку эксперта № 676 от 20.04.01» Данная запись в материалах дела может вообще поставить под сомнение обоснованность и законность выводов эксперта. А эксперты, не желая конфликтов со следствием, проводят «экспертизу» без исследования объектов – просто перепечатывают на компьютере текст справки, редактируя его в «заключение эксперта». Такая практика ведет к экспертным ошибкам, так как в ходе предварительного исследования эксперт мог неправильно установить те или иные признаки, а перепроверить выводы справки он не в состоянии – объекты исследования отсутствуют.

Для устранения подобных нарушений необходимо повысить уровень подготовки следственных работников в вопросах судебной экспертизы, усилить контроль руководителей экспертных подразделений за качеством заключений подчиненных им экспертов.

А. Н. Москаленко

О КОНФЛИКТАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДСТВЕННО-ОПЕРАТИВНОЙ ГРУППЫ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ РАССЛЕДОВАНИИ

Конфликтные ситуации – достаточно частое явление на предварительном следствии. В криминалистической литературе описаны те из них, которым характерно столкновение противоположных интересов и стремлений участников расследования на данном этапе. Преступник прибегает к вуалированию своих действий: фальсификации различных документов, сокрытию улик, намеренному запутыванию следствия, обработке возможных свидетелей, подкупу второстепенных соучастников, угрозам в их адрес и т. п. Задача следователя – разрешить конфликтную ситуацию в соответствии с требованиями закона.

Процесс разрешения подобных конфликтных ситуаций имеет свои специфические особенности: ее четкое осознание, определе-

ние сути конфликта, выяснение планов соперника и маскировка собственной информационно-тактической позиции.

В меньшей степени уделяется внимание тем конфликтным ситуациям предварительного следствия, которые возникают между взаимодействующими субъектами расследования в ходе осуществления ими своих функциональных обязанностей, – так называемым ролевым конфликтам. Как известно, субъектами предварительного расследования являются следователь, дознаватель, оперативный работник, эксперт-криминалист, участковый инспектор и прочие должностные лица. Все они в совместной деятельности решают общие задачи раскрытия и расследования преступлений. Однако единство целей и задач не означает отсутствие конфликтов между взаимодействующими лицами.

Следственно-оперативная группа – это своеобразный социальный организм, обладающий всеми признаками малой группы. В ходе взаимодействия конфликты могут возникать по самым различным причинам. Одна из них, например, борьба за лидерство. Формально лидером следственно-оперативной группы является следователь. Однако действительное лидерство обуславливается личностными и профессиональными качествами участников группы.

Причина конфликта может находиться в сфере «технологии» совместной деятельности. Например, если какая-либо версия кажется одному из членов группы бессмысленной, он будет относиться к ее проверке пассивно или совсем откажется проверять.

Для предупреждения конфликтов между участниками следственно-оперативной группы следует придерживаться нескольких основных правил:

- четко разделить обязанности и сформулировать отдельные поручения;
- соблюдать правила и нормы профессиональной культуры, быть тактичными, вежливыми и внимательными друг к другу;
- к мнению каждого члена необходимо относиться с уважением;
- при расхождении мнений нужно объективно и всесторонне обсуждать и взвешивать доводы членов группы;
- критические замечания надо высказывать друг другу по-товарищески, без явных или скрытых личных выводов.

Работа группы в целом должна оцениваться по одному критерию – раскрытию преступления. Ошибочно полагать, что отсутствие конфликтов – положительный фактор. Не бесконфликтность, а искусство преодоления внутренних противоречий и использования

их является одним из признаков действенной организации. Конфликты, преодоленные вовремя и умно направляемые, – явление здоровое и необходимое.

А. П. Кругликов, В. К. Соловьев

О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ПРОКУРОРА И СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ ВОЗВРАЩЕНИИ ДЕЛА ДЛЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Следователь оценивает имеющиеся в уголовном деле доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом и своим правосознанием (ч. 1 ст. 71 УПК РСФСР). Результатом такой оценки может быть принятие решения об окончании предварительного следствия составлением обвинительного заключения либо постановления о направлении дела в суд для рассмотрения вопроса о применении мер медицинского характера, либо постановления о прекращении дела (ст. 199 УПК РСФСР).

По тем же правилам, что и следователь, оценивает доказательства и прокурор (ст. 71 УПК РСФСР). Однако в результате их оценки он может прийти к выводам, не совпадающим с выводами следователя. Различие в оценке доказательств может быть обусловлено как объективными причинами – разницей в возрасте и жизненном опыте, в уровне образования, квалификации, общей культуры и др., так и субъективными – в корыстной или иной личной заинтересованности и др.

Одним из результатов несовпадения оценок имеющихся в деле доказательств может быть возвращение дела следователю для производства дополнительного расследования, сопровождаемое соответствующими письменными указаниями прокурора (п. 4 ст. 214 УПК РСФСР). Указанное решение прокурора приводит к конфликту между ним и следователем. Конфликт предстает здесь в виде осознанных различий, а то и несовместимости оценок и целей, как осознанное противостояние. В подобных случаях важно, чтобы конфликт не отразился на решении задач уголовного судопроизводства, которые являются одинаковыми для следователя и прокурора (ст. 2 и 3 УПК РСФСР).

Конфликтологией как отдельной областью научного знания выработаны способы разрешения конфликтов – уклонение, приспособление, конфронтация, сотрудничество, компромисс. Однако разрешение конфликтов между следователем и прокурором имеет важную особенность: они должны быть урегулированы в рамках и способами, установленными уголовно-процессуальным законодательством.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство и проекты УПК РФ не содержат каких-либо особенностей в порядке разрешения конфликтов, возникающих при возвращении следователю дела для производства дополнительного расследования. Такие особенности установлены для случаев, перечисленных в ч. 2 ст. 127 УПК РСФСР: «В случае несогласия следователя с указаниями прокурора о привлечении в качестве обвиняемого, о квалификации преступления и объеме обвинения, о направлении дела для предания обвиняемого суду или о прекращении дела следователь вправе представить дело вышестоящему прокурору с письменным изложением своих возражений. В этом случае прокурор или отменяет указание нижестоящего прокурора, или поручает производство следствия по этому делу другому следователю». Применительно к названным случаям мы полностью согласны с мнением М. С. Строговича, полагавшего, что указания, равно как и иные способы надзора прокуратуры за расследованием, не могут и не должны выражаться в понуждении следователя к таким выводам и решениям, которые противоречат убеждению следователя, с которыми он не согласен.

На наш взгляд, к случаям, перечисленным в ч. 2 ст. 127 УПК РСФСР, следует отнести и несогласие следователя с решением прокурора о возвращении дела для дополнительного расследования – по сущности и значимости они являются равноценными. Соответствующее дополнение необходимо внести и в находящийся на рассмотрении в Государственной Думе проект УПК РФ.

По существу, такой же позиции придерживается и О. Я. Баев, когда предлагает при возвращении дела на дополнительное расследование производство по нему в целях предупреждения конфликтов в деятельности следователя поручить другому следователю, а не тому, кто вел первоначальное расследование по делу.

Предотвращению конфликтов, возникающих при возвращении дела для дополнительного расследования, по нашему мнению, способствовала бы разработка оснований возвращения прокуро-

ром дела для дополнительного расследования и их закрепление в УПК. Действующий УПК РСФСР содержит лишь основания направления дела на дополнительное расследование судом (ст. 232), прокуроры же, по мнению ряда авторов, также должны руководствоваться этими основаниями.

Разработка и законодательное закрепление оснований для направления прокурором дела к доследованию в настоящее время приобрели особую актуальность. Объясняется это тем, что Концепцией судебной реформы в Российской Федерации предусмотрено ликвидировать все рудименты обвинительной роли суда, в том числе обязанность направлять уголовные дела для дополнительного расследования. Именно поэтому в проекте УПК РФ, находящемся на рассмотрении в Государственной Думе, уже не содержится оснований направления судом дела на дополнительное расследование.

Должен быть законодательно закреплён и четкий порядок направления прокурором дела на дополнительное расследование. Полагаем, что решение об этом нужно оформлять постановлением прокурора, содержащим в том числе основания направления дела для дополнительного расследования, обстоятельства, которые следует дополнительно выявить, способы установления этих обстоятельств.

Закрепление в законе оснований и порядка возвращения прокурором дела для дополнительного расследования будет способствовать лучшему пониманию следователем действий прокурора, а значит, и предотвращению конфликтов между ними.

Е. Н. Трофимов, Ю. М. Завражнов, В. В. Гордиенко

КОНФЛИКТНЫЕ СИТУАЦИИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ АМБУЛАТОРНОЙ СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ: ПРИЧИНЫ И ПУТИ УСТРАНЕНИЯ

Анализ конфликтных ситуаций, возникающих в практике производства амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы (АСПЭ) по уголовным делам, показывает, что значительная часть их является следствием недостатков организационной деятельности следователей по подготовке психиатрического освидетельствования. Эти недостатки во многом обусловлены сформировавшимся у части следственных работников неправильным отношением к АСПЭ как

простому амбулаторному (поликлиническому) врачебному приему больного, не требующему какой-либо предварительной подготовки, когда достаточно лишь обеспечить явку испытуемого в экспертное учреждение для психиатрического освидетельствования. Одним из проявлений такого подхода следователей к подготовке АСПЭ являются их настойчивые попытки постановки в очередь на производство экспертного исследования подследственных с заведомо неподготовленными уголовными делами, в которых отсутствуют необходимые для производства экспертизы материалы. Такая практика достаточно распространена и, по нашим данным, встречается более чем в 30 % всех АСПЭ по уголовным делам. Она негативно сказывается на общем порядке производства экспертиз, взаимоотношениях следственных работников и сотрудников экспертных учреждений, заставляя последних производить дополнительные действия организационного характера, связанные с перераспределением нагрузки врачей-экспертов, доставкой следственно-арестованных и пр.

Нередки в практике взаимные претензии работников следственных органов и экспертов-психиатров по фактам утраты медицинской документации, которая изымалась из психиатрических и иных медицинских учреждений для производства АСПЭ. Такие ситуации чреваты серьезными конфликтами, связанными с нарушением права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41 Конституции РФ), могущими служить основанием для обращения граждан или их законных представителей о защите нарушенных прав.

Также негативно отражаются на результатах освидетельствования достаточно часто встречающиеся ситуации (по нашим данным, более чем в 30 % всех экспертиз обвиняемых), которые могут рассматривать как организационные, так и процессуально-правовые нарушения. Речь идет о ситуациях, когда следователями, по сути, игнорируются требования ст. 184 УПК об обязательном ознакомлении подследственных с постановлением о назначении судебно-психиатрической экспертизы, хотя их психическое состояние не препятствует этому. В таких случаях о предстоящей им судебно-психиатрической экспертизе испытуемые часто узнают, только будучи доставленными в экспертное учреждение. Результатом этого являются отказы подэкспертных от проведения освидетельствования, нежелание их сотрудничать с экспертами, что обуславливает методические трудности вынесения экспертного решения и в конечном итоге определяет невозможность его принятия.

Другим вариантом нарушений процессуального характера при подготовке и производстве АСПЭ, которые затрудняют проведение экспертных исследований и в целом негативно сказываются на качестве судебно-психиатрической экспертизы, являются попытки следователей допросить экспертов в качестве свидетелей по обстоятельствам, не относящимся к предмету проведенного ими психиатрического освидетельствования. Чаще всего в качестве таких обстоятельств выступают сведения о совершенном испытуемым правонарушении, полученные от него при освидетельствовании и, соответственно, зафиксированные в экспертном заключении. По сути, допрос экспертов в такой ситуации направлен на восполнение пробелов следствия, касающихся объективной стороны преступления, а им самим отводится своеобразная роль «пособников обвинения»¹. Следует указать, что такой подход не только противоречит процессуальному положению эксперта, т. е. совмещение в одном лице по одному делу функций эксперта и свидетеля неправомерно. Кроме того, совершенно очевидно, что подобное «совмещение» недопустимо с позиций профессиональной врачебной и экспертной этики. Получение и конкретизация сведений об обстоятельствах криминального события осуществляется экспертами-психиатрами только с целью оценки психического состояния испытуемого в момент совершения им правонарушения. Поэтому полученные от подэкспертного сведения имеют исключительно медицинское, экспертное значение и не могут быть использованы для решения каких-либо других задач.

На наш взгляд, перечисленные организационные упущения и нарушения процессуального характера при подготовке и производстве АСПЭ являются следствием недостаточного взаимодействия сотрудников следственных органов и судебно-психиатрической экспертной службы. Представляется, что следователи должны не только более активно использовать консультативную помощь психиатров по вопросам подготовки АСПЭ, предусмотренную п. 1 «Положения об амбулаторной судебно-психиатрической экспертной комиссии» (от 05.12.85 г.), но и искать новые формы взаимодействия с экспертной службой по всему спектру вопросов, связанных с использованием психиатрических познаний на предварительном следствии. Задачей экспертов при этом является формирование у

¹ См.: *Шишков С. Н.* Формы использования психиатрических познаний на предварительном следствии: Практик. пособие. Железногорск, 1996.

следственных работников адекватных представлений о возможностях различных видов судебно-психиатрической экспертизы и необходимости полноценной подготовки материалов для ее производства, а также нормах врачебной и экспертной этики.

Э. О. Каткова, Л. В. Чулкова

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ЭКСПЕРТА-КРИМИНАЛИСТА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ (ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

Расследование преступлений представляет собой процесс познания, предполагающий многочисленные взаимодействия с людьми, в том или ином качестве вовлекаемыми в его орбиту. Понятие «взаимодействие» используется здесь в самом широком смысле этого слова, как отношения двух или более субъектов, если хотя бы один из них помогает или препятствует другому. В соответствии с нормами уголовно-процессуального закона официальным лидером при взаимодействии является следователь, поэтому в структуре его профессиональной деятельности особое внимание уделяется организационной деятельности. Именно следователь организует совместную работу с другими должностными лицами, правоохранительными органами, другими сторонами в уголовном процессе.

Исходя из того что расследование преступления в психологическом плане является мысленной реконструкцией события преступления, имевшего место в прошлом, по следам, имеющимся в настоящем, значение работы со следами трудно переоценить. Эту функцию обеспечивает эксперт-криминалист, имеющий специальные знания и владеющий навыками применения современных научно-технических средств. В силу этого следователь и эксперт-криминалист находятся в состоянии постоянного контактирования при решении профессиональных задач, между ними возникают определенные отношения, изучение которых представляет серьезный интерес для обеспечения психологической подготовки будущих специалистов, что является весьма актуальным для нашего вуза, имеющего многолетнюю традицию подготовки следователей и экспертов-криминалистов.

Анализируя многочисленные и разнообразные взаимодействия следователя, многие исследователи отмечают, что конфликтные

ситуации в его деятельности преобладают, при этом криминалисты, а вслед за ними и психологи имеют в виду главным образом его отношения с обвиняемыми (подозреваемыми), свидетелями и потерпевшими, в то время как отношения с лицами, содействующими расследованию (в первую очередь с оперативными работниками, экспертами-криминалистами), остаются, на наш взгляд, без должного внимания. Однако неучет социально-психологических закономерностей при выстраивании отношений с этими специалистами может оказать отрицательное влияние на процесс расследования в целом. В этом контексте нами предпринята попытка проанализировать психологические аспекты отношений системы «следователь – эксперт-криминалист».

Принято считать, что отношения между этими субъектами деятельности являются отношениями сотрудничества, полноценной кооперацией, и для этого есть все основания, включая процессуальное закрепление. Тем не менее при внимательном рассмотрении можно заметить, что они имеют достаточно сложный психологический рисунок и что есть основания говорить о наличии в них элементов конфликтности.

Ключевыми словами в определениях конфликта являются «столкновение», «противоречие», «противоборство». В психологии управления под конфликтом понимается система отношений, процесс развития взаимодействия, заданные различиями субъектов, участвующих в нем (по интересам, ценностям, деятельности). Возможность развития отношений такого рода между следователем и экспертом-криминалистом не может быть исключена. Понять их характер и специфику, проанализировать можно с помощью предлагаемых в специальной литературе классификаций. В качестве оснований выступают: сфера протекания, причины и источники возникновения, значимость, содержание, тип разрешения, форма выражения, тип структуры взаимоотношений, социальные результаты и многое другое.

Характеризуя отношения между следователем и экспертом, можно говорить о своеобразном внешнем, межличностном конфликте, суть которого может быть понята только во взаимосвязи с внутриличностными конфликтами, функционирующими в первую очередь в сознании эксперта.

Внутриличностный конфликт понимается как противоречие, достигшее такой остроты, когда предельно обнажаются и сталкиваются (проявляются) противоположные позиции, точки зрения, мотивы или

убеждения. Они могут принимать форму борьбы мотивов, столкновения между чувством и рассудком, желаниями и долгом. Такие конфликты относятся к так называемым внутриролевым, т. е. связанным с выполнением одной конкретной социальной роли. Помимо них, могут иметь место и межролевые конфликты, обусловленные выполнением разных социальных ролей. Ролевые конфликты по своей природе являются моральными. Известны также когнитивные внутренние конфликты, возникающие в процессе познавательной деятельности.

Истоки внутриролевого конфликта эксперта-криминалиста кроются в противоречии между формальным рангом эксперта в расследовании преступления и значением его специальных знаний для установления истины по делу. Таким образом, налицо несовпадение формального и реального познавательного рангов эксперта-криминалиста в отдельных ситуациях расследования. В условиях непосредственного контактирования (например, при осмотре места происшествия) это противоречие может вылиться в межличностный конфликт между следователем как организатором расследования и экспертом как носителем специальных познаний, обеспечивающих ему известную исключительность и высокую профессиональную самооценку. Этот внутренний конфликт может ощущаться экспертом как источник дискомфорта, даже если он не осознается, существует в подсознании. Можно предположить, что следователь свободен от этих переживаний, поскольку он находится в более сильной психологической позиции, к тому же закреплённой процессуально.

Что же касается эксперта, то его внутренний конфликт имеет определенный фрустрирующий эффект, поскольку он непреодолим в силу своей процессуальной обусловленности. Однако в ситуациях, когда следователь оказывается в реальной, хотя и эпизодической, зависимости от эксперта или когда его доминирование оказывается сугубо формальным, как, например, при осмотре места происшествия или при назначении экспертизы, эксперт получает возможности для самоутверждения, для претензий, возможно неосознаваемых, на признание престижа своей профессии.

На наш взгляд, все это не что иное, как конфликтное взаимодействие, которое может стать еще более очевидным в связи с тем, что с 2000 года эксперты-криминалисты не получают высшего юридического образования, а это обстоятельство скорее всего отразится негативно на самооценке эксперта и возможности его равноправного сотрудничества со следователем.

Обращаясь к вышеназванным классификационным основаниям, отметим, что конфликт между следователем и экспертом не является ни существенным (различия не касаются основной цели деятельности), ни явным (протекает, как правило, в скрытой форме), отношения не характеризуются строгим соперничеством и крайне редко выливаются в остроконфликтные. Последнее, впрочем, зависит от личностных факторов. И все же, несмотря на относительно мягкие формы этого конфликта, он способен стать источником профессиональной деформации личности эксперта, существенно повлиять на качество и эффективность его взаимодействия со следователем, что в конечном счете может сказаться на результатах их совместной деятельности. На наш взгляд, проблема эта реально существует, она заслуживает серьезного внимания и должна учитываться уже в период обучения в вузе при решении задач общей психологической подготовки будущих специалистов как следственного, так и экспертного профиля.

В. Ф. Щербатов, А. П. Большаков

К ВОПРОСУ О КОНФЛИКТАХ В РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Расследование как деятельность всегда порождается преступлением, представляющим собой квинтэссенцию девиантного поведения людей, перешедшего в конфликт, достигший определенного пика в их взаимоотношениях. Изучение следственно-судебной практики показывает, что нередко после совершения преступлений обвиняемые скрываются от органов следствия и суда, и такое поведение лиц, совершивших преступление, часто осознанное и продуманное, объективно порождает новые конфликты в деятельности по расследованию преступлений. В этой связи можно утверждать, что одной из важных задач деятельности по расследованию преступлений, включая и розыскную работу следователя, наряду с общеизвестными задачами уголовного судопроизводства, является преодоление конфликтных ситуаций, порожденных, с одной стороны, совершившимся преступлением, а с другой – девиантным поведением обвиняемых и лиц, причастных к совершению преступления.

Одним из важнейших направлений разноплановой розыскной деятельности следователя, на наш взгляд, является розыск скрывшегося обвиняемого. Изучение и анализ следственной и судебной практики, а также результаты опроса следователей и опе-

ративных работников, осуществляющих розыск обвиняемых, показали, что эта работа отличается очень высоким уровнем конфликтности и связана со значительными эмоциональными нагрузками на психику, что нередко отрицательно сказывается на результатах их труда. При этом участники розыскной деятельности в случаях, когда розыск обвиняемого затягивается на долгое время, ощущают определенный дискомфорт как следствие напряженных отношений с коллегами и руководителями, пытающимися найти виновных в сложившейся ситуации и возложить ответственность на сотрудников, допустивших в работе небольшие промахи и ошибки.

Изучение и анализ уголовных дел и результаты анкетирования следователей и оперативных работников также позволяют авторам подразделить все виды конфликтов, возникающих в розыскной работе следователя, в зависимости от среды, где они возникают, на две группы: а) конфликты, порожденные противоправным поведением обвиняемых; б) конфликты, возникающие в процессе розыскной деятельности между ее участниками. Преодоление этих конфликтов должно включать использование различных методов и средств.

Розыскная деятельность в отношении скрывшегося обвиняемого, связанная с преодолением весьма серьезных конфликтов, представляет собой сложную комплексную проблему, требующую своего исследования и анализа силами и средствами различных социальных и специальных наук, и прежде всего судебной психологии и криминалистики. Она также должна стать предметом изучения ряда научных и учебных дисциплин, в числе которых мы называем «Научную организацию труда следователей» и «Предварительное следствие в органах внутренних дел».

Однако эта проблема, к сожалению, долгие годы пребывала в забвении и почти не изучалась. Исключение составляют лишь отдельные работы, в которых проблема конфликтов рассматривалась применительно к отдельным следственным действиям¹. Некоторый прорыв в этом направлении наметился лишь в последнее время².

Проблема преодоления конфликтов в деятельности по розыску скрывшегося обвиняемого должна включать изучение таких важных вопросов, как, например: уяснение мотивов конфликтов в поведе-

¹ См.: Баев О. Я. Конфликты в деятельности следователя (вопросы теории). Воронеж, 1981.

² См.: Самовичев Е. Г. Психология розыскной деятельности // Прикладная юридическая психология: Учеб. пособие для вузов / Под ред. проф. А. М. Столяренко. М., 2001. С. 509–513.

нии обвиняемого и субъектов расследования и их классификация; выяснение роли и значение психологического портрета обвиняемого для прогнозирования не только поведения обвиняемого, но и мест его возможного пребывания в случае сокрытия от органов правосудия; выяснение причин конфликтов, возникающих в процессе взаимодействия следователя с работниками правоохранительных органов при осуществлении розыска обвиняемого и выработке рекомендаций и предложений по их преодолению. Вполне естественно, что в процессе решения этой комплексной проблемы будут выявлены и другие не менее значимые вопросы, рассмотрение которых будет способствовать не только ее решению, но и приведет к совершенствованию розыскной деятельности следователя.

О. В. Терпелец

ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Идея правовой защищенности личности, являющаяся отражением обновленного правового уклада России, предполагает активную деятельность правоохранительных органов по восстановлению нарушенной справедливости. Государство в лице уполномоченных органов, реагируя на факты нарушения социальной гармонии в целях установления объективной истины, осуществляет уголовное расследование. Таким образом, между должностными лицами правоохранительных органов осуществляющих уголовное преследование, и индивидуумами, совершившими противоправное деяние, складываются противоположные интересы, обуславливающие взаимно нежелательные действия. Начало уголовно-процессуальной деятельности нередко протекает в условиях дефицита времени, информационной неопределенности, активного сопротивления правонарушителя, надеющегося избежать разоблачения и привлечения к уголовной ответственности, что слагает признаки конфликтной следственной ситуации, сущностью которой, по мнению Н. Я. Драпкина, являются тактическое соперничество сторон, интересы которых не совпадают, и неуверенность в отношении их планов и намерений¹.

¹ См.: Драпкин Н. Я. Понятие и классификация следственных ситуаций // След-

Известно, что деятельность правоохранительных органов в условиях существенного увеличения показателей преступности и неоднократного превышения пределов допустимой нагрузки на одного работника органа предварительного расследования не могла не сказаться на возрастании конфликтов и конфликтных ситуаций внутри коллектива работников правоохранительных органов. На практике распространенной является конфликтная ситуация между представителями оперативных подразделений, наделенных функциями органа дознания, и следственных органов, обусловленная конкуренцией за владение оперативной информацией о преступлении. Не секрет, что подавляющее большинство преступлений выявляют именно органы дознания, причем, как правило, они же по выявленным фактам проводят и предварительную проверку, используя по возможности и оперативную информацию.

В соответствии с Приказом № 334 МВД РФ после осуществления оперативно-розыскной деятельности орган дознания представляет материалы начальнику следственного отделения или следователю, который оценивает их на предмет готовности для возбуждения уголовного дела и в случае признания информации недостаточной для возбуждения уголовного дела вправе вернуть материал на доработку. На практике известны конфликтные ситуации, связанные с различным представлением о достаточности информации между следователями и оперативными сотрудниками, в ходе которых следователь возвращает материал на доработку по основаниям, воспринимаемым органом дознания как формальные. Тогда орган дознания сам возбуждает уголовное дело в порядке ст. 119 УПК, осуществляет неотложные следственные действия в 10-дневный срок, после чего следователю снова поступает знакомая ему информация о преступлении, оформленная в качестве уголовного дела. Следователь, таким образом, оказывается поставленным в ситуацию необходимости принятия дела к производству.

Таким образом, в данной ситуации отсутствие единства в восприятии различными службами правоохранительных органов оперативной информации влияет на выбор формы проведения расследования. Поэтому важным условием успешной организации работы по раскрытию и расследованию преступлений является достижение психофизиологической и социально-психологической совместимости представителей правоохранительных органов, что

ственные ситуации и раскрытие преступлений. Свердловск, 1975. С. 28–29.

означает такой эффект сочетания личностей, который способствует максимально возможному результату при данных условиях с минимальными энергетическими затратами взаимодействующих членов социальной группы. Выражением этого предложения является и принятие в рамках действующих нормативных актов единой практики реализации оперативной информации на территории юрисдикции одного административного органа.

Другой источник конфликтной ситуации, характерной для первоначального этапа расследования преступлений, нередко возникает в результате осуществления органом дознания расследования, в порядке ч. 1 ст. 119, в ситуации, требующей немедленного пресечения преступления и фиксации доказательственной информации в случаях, когда имеется риск ее утраты, при этом немедленное вступление в дело следователя по каким-либо причинам невозможно. Психологическая нагрузка на лицо, производящее расследование, возрастает в связи с ограниченными полномочиями по производству следственных действий, перечень которых строго очерчен ст. 119 УПК. В юридической литературе неоднократно указывалось на несовершенство данной нормы, которая не содержит такие важные следственные действия, как очная ставка, предъявление для опознания, экспертиза, являющиеся по ряду преступлений, безусловно, первоочередными. Неосуществление должностным лицом таких следственных действий, хотя и тактически желательных в данной следственной ситуации, влечет утрату доказательственной информации. Проведение же их означает нарушение требований ч. 1 ст. 119 УПК. Таким образом, противоречие между требованиями закона и тактической целесообразностью влечет вхождение оперативного сотрудника во внутриличностный конфликт. Поэтому признание на законодательном уровне наличия свойства неотложности для любого следственного действия в соответствии с требованиями данной следственной ситуации внесет положительный вклад в повышение эффективности предварительного расследования.

**ДОПРОС ОБВИНЯЕМОГО В КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ
НЕЗАКОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА**

В период коренного изменения экономики России законодательное неурегулирование новых рыночных отношений ознаменовалось появлением как новых, так и ранее существовавших преступлений в сфере экономики. Расследование незаконного предпринимательства представляет собой трудную задачу, в связи с тем что не накоплен достаточный опыт, не хватает следователей, подготовленных должным образом (требуется знание экономики, бухгалтерского учета и т. д.).

Как известно, показания обвиняемого, полученные в ходе допроса, являются не только источником доказательств, но и средством его защиты от предъявленного обвинения. По делам о незаконном предпринимательстве обвиняемые – это, в большинстве случаев, профессионально подготовленные люди, имеющие экономическое, техническое образование и способные правильно оценить предъявленные им доказательства.

Успех допроса зависит от того, насколько эффективно следователь подготовился к нему. Особую важность приобретает изучение личности обвиняемого, необходимое не только для успешного допроса, но и для расследования в целом. Изучение личности допрашиваемого следует начать сразу же, как только принимается решение о его допросе. Учет психологических особенностей личности обвиняемого необходим и для правильности их приемов допроса.

Допрос обвиняемого, который полностью признал себя виновным, носит обычно бесконфликтный характер. Следователю, как правило, удастся легко установить с ним психологический контакт и получить правдивые показания. Более сложным является допрос обвиняемого, настроившегося на дачу заведомо ложных показаний или вообще отказывающегося давать показания. Дача ложных показаний определяет конфликтный характер ситуации, в которой протекает допрос.

В данном случае установление психологического контакта с допрашиваемым затруднено или, порой, невозможно. Допрос приобретает характер противостояния, как допрашиваемый, так, в свою очередь, и следователь обычно находятся в состоянии эмоционального

напряжения. В этой ситуации возможны психологические срывы со стороны допрашиваемого и провокация следователя.

Мотивы дачи ложных показаний обвиняемым могут быть разными: желание избежать ответственности за содеянное или преуменьшить свою вину; выгородить или смягчить вину соучастников в силу различных побуждений; оговорить соучастников и т. д.

Для изобличения обвиняемого во лжи следователь может использовать разнообразные тактические приемы:

- 1) предъявление доказательств, опровергающих показания допрашиваемого;
- 2) предъявление доказательств, требующих от допрашиваемого детализации показаний;
- 3) доказательство бессмысленности занятой позиции;
- 4) логический анализ противоречий, имеющих в показаниях допрашиваемого;
- 5) использование фактора внезапности путем постановки неожиданных вопросов, когда допрашиваемый таких вопросов не ждет, и т. д.

Как известно, существует два вида предъявления доказательств допрашиваемому: от менее веских к более веским и предъявление сразу наиболее ценного доказательства. Порядок предъявления доказательств будет зависеть от личности обвиняемого и характера самих доказательств. В данном случае доказательства могут быть различными – это и протоколы допросов различных лиц (водители, грузчики, другие лица), с помощью которых устанавливаются обстоятельства проведения хозяйственных операций, и всевозможные справки из налоговой инспекции, подтверждающие незаконность деятельности допрашиваемого. Но, на наш взгляд, наиболее ценными доказательствами будут подлинные бухгалтерские документы, устанавливающие факт реализации обвиняемым товара, обстоятельства его погрузки, транспортировки, получения денежных средств.

Изобличение допрашиваемого во лжи может привести к следующим последствиям: к даче им правдивых показаний либо к замене новыми ложными. Наиболее эффективные результаты достигаются при использовании в процессе допроса не одного определенного тактического приема, а комплекса тактических приемов.

НЕЗАВИСИМАЯ ЭКСПЕРТИЗА И СВЯЗАННЫЕ С НЕЙ КОНФЛИКТНЫЕ СИТУАЦИИ

На разных стадиях уголовного расследования неизбежно возникают ситуации, когда сталкиваются противоположные интересы сторон и участников уголовного процесса: обвинение и защита, следователь и обвиняемый, потерпевшая сторона и обвиняемый (подозреваемый) и т. д. Такие ситуации принято называть конфликтными.

Толковый словарь русского языка (С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. 4-е изд., доп. М., 1999) дает определение конфликта как столкновение, серьезное разногласие, спор. Словарь иностранных слов (19-е изд., стер. М., 1990) определяет конфликт как столкновение противоположных интересов, взглядов, серьезное разногласие, острый спор.

Конфликт как результат противостояния интересов сторон и отдельных участников в уголовном процессе не всегда доходит до формы открытой конфронтации, жесткого противоборства. В ряде случаев он протекает в виде скрытого психологического напряжения, возникающего между участниками уголовно-процессуальных отношений. Но и в этом случае наиболее мягкой формой проявления конфликта остается реальная угроза нормальному осуществлению уголовно-процессуальной деятельности, реализации законных интересов и прав личности, нарушения основ правильного взаимодействия участников уголовного процесса.

Назначение и производство экспертизы зачастую также влечет за собой возникновение конфликтных ситуаций, так как при этом неизбежно возникает столкновение интересов различных участников процесса. Эти ситуации между участниками экспертно-процессуальных отношений могут возникнуть на следующих этапах проведения экспертизы.

На этапе назначения экспертизы:

- между сторонами при определении круга вопросов, подлежащих разрешению эксперта;
- между следователем и сторонами, ходатайствующими о проведении экспертизы;
- между следователем и экспертом по вопросам определения предмета экспертизы и отбора материалов для ее производства.

На этапе производства экспертизы:

- между следователем и экспертом по поводу предоставления дополнительных материалов;
- между членами экспертной комиссии;
- между экспертом и подэкспертным или его защитником (представителем) при производстве судебно-психиатрической и судебно-медицинской экспертиз;
- между экспертом и руководителем ЭКУ при несогласии последнего с выводами эксперта.

При получении заключения эксперта и его оценке:

- между следователем и обвиняемым (его защитником) в связи с признанием стороной защиты заключения недостоверным и необоснованным;
- между защитой и экспертом при проведении допроса эксперта;
- между экспертом, проводившим первичную экспертизу и экспертом (экспертами), проводящим повторную экспертизу;
- между следователем и экспертом по поводу результатов экспертизы;
- между экспертом, назначенным следователем, и независимым экспертом, участвующим по инициативе стороны защиты или потерпевшего.

Последняя ситуация представляет особый интерес.

В случае, когда сторона защиты или потерпевшего признает недостоверным, необоснованным экспертное заключение, она может ходатайствовать о назначении повторной экспертизы, а также о праве выбрать организацию (эксперта) для ее проведения (ст. 185, 193 УПК РСФСР).

В последние годы начал активно развиваться институт независимой экспертизы («независимый – самостоятельный, не находящийся в подчинении, свободный»¹), т. е. экспертизы, проводимой не в государственных учреждениях (МВД, Министерство юстиции, ВНИИСЭ), а в частных лабораториях, бюро и т. д.

И конечно результаты таких экспертиз могут существенно отличаться от результатов экспертиз «государственных», начиная с разности результатов до полной противоположности выводов.

Данные различия становятся основной причиной возникновения конфликтной ситуации между экспертом государственного учреждения и независимым экспертом.

¹ С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 1999.

В чем причина таких противоречий?

Не секрет, что практически все экспертные подразделения ОВД загружены большим количеством экспертиз, выездами на осмотры мест происшествия и участием в других следственных действиях в качестве специалистов, и поэтому имеют место элементы упрощенчества, поспешности, поверхностности и формализма при производстве экспертиз, исключение творческого подхода, работа «по шаблону».

Независимый же эксперт выполняет свою работу, взимая с заказчика экспертизы определенную плату. Он заинтересован выполнить свою работу как можно качественнее и тщательнее, применить как можно больше методов, найти в заключении «официального» эксперта как можно больше ошибок, словом, стремится, чтобы его заключение было полным и объективным и более представительно и убедительно выглядело в суде как доказательство.

Например, независимый эксперт-химик рецензировал заключение эксперта ЭКУ ГУВД г. Москвы № 5614 от 29.06.2000 г. Исследуя данное заключение, рецензент обнаружил такие необъяснимые противоречия, нарушения методики производства и правил оформления заключения эксперта, которые позволили ему не только поставить под сомнение достоверность результатов экспертизы, но и усомниться в компетентности эксперта вообще.

В то же время остается пока открытым вопрос о методическом обеспечении независимого эксперта. Если эксперт государственного учреждения использует сертифицированные и паспортизированные методики, разрабатываемые научно-методическими центрами соответствующих ведомств (ЭКЦ МВД), то независимый эксперт руководствуется либо своими представлениями о том, какие методы использовать, либо заимствует ведомственные методики. Представляется необходимой разработка единого комплекса методик для производства каждого вида экспертиз.

Неясное положение и с техническим оснащением учреждений независимой экспертизы. Если эксперт ЭКП МВД или МЮ получает экспертную технику, прошедшую гостехнадзор, юстирование и т. д. централизованно, то как обстоит дело у независимых учреждений? Может сложиться ситуация, что наиболее обеспеченные учреждения смогут приобрести современное оборудование и превосходить по оснащенности ЭКП, а могут, наоборот, использовать устаревшую технику и сильно от них отставать.

Не урегулирован также вопрос хранения и сбережения объектов. На каком основании у независимого эксперта в лаборатории будут храниться предметы, запрещенные в гражданском обороте, например, нарезное огнестрельное оружие, взрывчатые вещества или наркотические средства? Какие условия созданы для их хранения? Кто несет ответственность за их сохранность и какую?

Подводя итоги, необходимо сказать, что следовательно, а впоследствии и суд при сравнении результатов экспертиз должны тщательно взвесить их выводы и оценить заключения с точки зрения их истинности, достоверности, научности и полноты. Соблюдена ли методика экспертизы, применил ли тот или иной эксперт все возможные методы, какие именно; какие методы обуславливают наиболее точный результат; какие значения использовались при расчетах – табличные или полученные в ходе эксперимента (представляются наиболее приоритетными экспериментальные значения, если эксперимент максимально повторял условия исследуемого события). Анализируя результаты данных экспертиз, следовательно (суд) должен прийти к выводу о доказательственном потенциале каждой из них и в конечном итоге решить вопрос о виновности либо невиновности лица.

А. В. Тарасов

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ КОНФЛИКТА НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ

Исторически сложившуюся уголовно-процессуальную модель России без всяких сомнений можно охарактеризовать как инквизиционную. Основные методы уголовного процесса с момента его возникновения не изменились и до нашего времени. Единственным, по мнению автора, существенным изменением оказался отказ от применения мер физического воздействия. По судебникам 1497 и 1555 годов основными методами ведения уголовного процесса были обыск и пытка. По Соборному уложению 1649 года уголовное преследование стало публичным, процесс остался инквизиционным. В это же время основным процессуальным принуждением стало тюремное заключение. Наконец, в известном «Наказе» Екатерины II от 30 июля 1767 года, а затем в Уставе благочиния 1782 года была предложена революционная мысль о том, что следует разделить меры пресечения и меры уголовного наказания и что содержание обвиняемого под стражей до суда

«как мера жестокая должно быть, сколь возможна, мягче, и длиться, сколь возможно, короче».

Екатерина II безуспешно пыталась реализовать еще две правовые идеи: не заключать обвиняемых под стражу без сообщения им о сути обвинения и их допроса и ввести судебный порядок рассмотрения жалоб на незаконное заключение под стражу.

Со временем в России вводилось все больше норм по защите прав человека, придя в конечном итоге к ныне действующему уголовно-процессуальному законодательству.

Однако надо отметить, что, раз избрав для себя инквизиционную модель, Российское государство отказываться от него в ближайшее время не собирается. Из этого следует, что для поддержания данной модели необходимо принуждение. В свою очередь, принуждение порождает конфликт. Наиболее нежелательным для предварительного следствия является открытый конфликт. Открытый конфликт в предварительном следствии наступает с того момента, когда индивид перестает воспринимать оказываемое на него давление, как необходимое и превышающее его субъективное представление о гражданских правах и свободах. По мнению автора, предотвращение конфликта целиком и полностью зависит от лица, производящего предварительное следствие или дознание¹. Было бы неразумным полагаться лишь на способности следователя к психологическому убеждению и дипломатии при общении. Чтобы избежать излишнего и ненужного принуждения, следует законодательно дать возможность следователю применять «плавающие» границы мер принуждения, такие как штрафные санкции². В этом случае применение более мягких мер позволит избежать конфликтных ситуаций.

Вышеуказанное утверждение можно рассмотреть на примере вызова свидетеля для производства следственного действия. Допустим, свидетель отказывается являться под воздействием каких-либо субъективных психологических причин (страх, негативное отношение к работникам правоохранительных органов и т. п.). Далее предположим ситуацию, когда, несмотря на все усилия следователя, лицо продолжает отказываться от явки. Следователю остается лишь одна мера принуждения – привод (ст. 73 УПК

¹ Автор рассматривает ситуацию, когда конфликт на предварительном следствии тактически нежелателен.

² Подобная возможность предоставлена в современном процессуальном праве, к сожалению, только суду.

РСФСР). Указанная мера, в большинстве случаев, имеет негативные стороны. Свидетель может занять позицию пассивного сопротивления. Кроме того, нельзя забывать о процессуальной природе привода – по сути это сознательное ограничение права на свободу лица, т. е. привод можно считать разновидностью ареста. Автор не становится на позицию исключения привода свидетеля из существующей уголовно-процессуальной модели. Необходимо лишь отвести приводу свидетеля место исключительного принуждения, использование которого необходимо согласовывать (уведомлять) с судом.

Р. Г. Сердечная

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ И ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

В отечественной юридической литературе право обвиняемого (подозреваемого) на защиту рассматривается как основа всех процессуальных прав, предоставляемых лицу для отстаивания своих интересов, интегрированное выражение этих прав¹. Реализация права на защиту в первую очередь образует то, что принято понимать под защитой в качестве одной из основных уголовно-процессуальных функций. Одновременно защита является и деятельностью защитника как представителя интересов субъекта прав на защиту².

Предоставление любого права может превратиться в формальность, если не будут созданы необходимые условия для его осуществления. Поэтому действующее уголовно-процессуальное законодательство не просто предоставляет право на защиту, но и предусматривает его обеспечение, причем последнее выступает на первый план³.

В соответствии с Конституцией России приоритет общественных интересов подлежит замене на приоритет прав и свобод личности,

¹ См.: *Строгович М. С.* Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. М., 1984.

² См.: *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 1. С. 117.

³ См.: *Шадрин В. С.* Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. Волгоград, 1997. С. 66.

поэтому в последние годы законодатель стремится привести действующее уголовно-процессуальное законодательство в соответствие с основным законом нашей страны.

Как известно, Постановление Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 47 и ч. 2 ст. 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова от 27 июня 2000 года признало, что положения ч. 1 ст. 47 УПК РСФСР, согласно которым лицо, подозреваемое в совершении преступления, получает право пользоваться помощью защитника с момента объявления ему либо протокола задержания, либо постановления о применении до предъявления обвинения меры пресечения в виде заключения под стражу, исходя из их буквального смысла, ограничивают право каждого на досудебных стадиях уголовного судопроизводства пользоваться помощью адвоката (защитника) во всех случаях, когда его права и свободы могут быть существенно затронуты действиями и мерами, связанными с уголовным преследованием и, следовательно, не соответствующими ч. 1 ст. 17, ч. 1 ст. 21, ч. 1 ст. 22, ст. 48 и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

Вслед за этим Государственная Дума России приняла Закон «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод» 21 февраля 2001 года¹, который внес изменения в ч. 1 ст. 47 и в ч. 1 ст. 52 УПК РСФСР. А именно, ч. 1 ст. 47 изложил в следующей редакции: «Защитник допускается к участию в деле с момента предъявления обвинения, а в случае задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, или применения к нему меры пресечения в виде заключения под стражу до предъявления обвинения, или назначения в отношении этого лица судебно-психиатрической экспертизы – с момента фактического его задержания или объявления ему постановления о назначении судебно-психиатрической экспертизы. В случае, если к лицу, подозреваемому в совершении преступления, применены иные меры процессуального принуждения или его права и свободы затронуты действиями, связанными с его уголовным преследованием, защитник допускается в деле с начала осуществления этих мер или действий».

Часть 1 ст. 52 дополнил новым пунктом 1 следующего содержания: «1) лицо, в отношении которого на основаниях и в порядке,

¹ См.: Российская газета. 2001. 23 марта.

установленных настоящим Кодексом, возбуждено уголовное дело»; пункты 1 и 2 считаются соответственно пунктами 2 и 3.

Разумеется, данные новации существенно изменили правовое положение и статус подозреваемого, соответственно, расширили его права. Однако в правоохранительных органах со временем сложилась и действует недопустимая с позиции закона практика допроса в качестве свидетеля будущих подозреваемых и обвиняемых, что значительно ущемляет их права на защиту. Эта проблема обсуждалась учеными-процессуалистами и практическими работниками¹. Первоначально подозреваемый и обвиняемый допрашиваются в качестве свидетеля, а когда от них необходимые сведения получены, их допрашивают в ином качестве. И получается, гражданин как свидетель обязан под страхом уголовной ответственности сообщать требуемую информацию. Затем в качестве обвиняемого он может отказаться от нее, но первоначальные показания, как правило, берутся во внимание работниками судебно-следственных органов.

Проведенный анализ уголовных дел в архивах судов показал, что 32 % обвиняемых первоначально допрашивались в качестве свидетелей и официально предупреждались об уголовной ответственности по ст. 307, 308 УК РФ.

Казалось бы, в связи с изменениями, введенными в ч. 1 ст. 52 УПК, данная проблема должна разрешиться, так как по смыслу этой статьи, если в постановлении о возбуждении уголовного дела указана фамилия лица, в отношении которого возбуждается уголовное дело, он автоматически приобретает статус подозреваемого со всеми вытекающими последствиями. Однако практика показывает, что ситуация продолжает оставаться прежней, так как лица, осуществляющие расследование по уголовному делу, возбуждают уголовные дела по факту совершенного преступления без указания лица, его совершившего (т. е. как неочевидное преступление), и допрашивают потенциальных подозреваемых в качестве свидетелей, лишая тем самым всех их прав.

На наш взгляд, для устранения такой негативной практики необходимо дополнить п. 1 ч. 2 ст. 72 УПК предложением: «Не могут допрашиваться в качестве свидетеля «подозреваемый и обвиняемый (далее по тексту)». Это же дополнение внести в проект

¹ См., например: *Коджиева Т., Шифинский С.* Свидетель тоже нуждается в помощи адвоката // *Российская юстиция.* 1997. № 7. С. 42–43.

УПК, прошедший 2-е чтение в Государственной Думе в августе 2001 года.

Также представляется, что новая редакция ч. 1 ст. 47 УПК РСФСР не соответствует Конституции России, а именно ч. 2 ст. 48, которая предусматривает право на квалифицированную юридическую помощь адвоката *каждому лицу*, в том числе в рамках уголовного преследования в любых его формах, а ч. 1 ст. 47 УПК предоставляет право на защиту только лицу, *подозреваемому или обвиняемому* в совершении преступления, оставляя без внимания свидетеля и потерпевшего. В связи с этим предлагаю часть первую названной статьи изложить в следующей редакции: «В случае, если к лицу, подозреваемому в совершении преступления, применены иные меры процессуального принуждения или его права и свободы, а также права и свободы других участников процесса затронуты действиями, связанными с их уголовным преследованием, защитник допускается в деле с начала осуществления этих мер или действий».

Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах применения судами Конституции РФ при осуществлении правосудия» от 31.10.95 г. № 8 вызвало бурный резонанс среди практических работников. Пункт 18 его содержит указание на то, что при рассмотрении уголовных дел судам необходимо учитывать, что в силу ст. 51 Конституции РФ никто не обязан свидетельствовать против самого себя. И далее, если подозреваемому, обвиняемому при дознании или на предварительном следствии не было разъяснено указанное конституционное положение, показания этих лиц должны признаваться судом полученными с нарушением закона и не могут являться доказательствами виновности обвиняемого.

Как показывает анализ практики, следователи перед допросом обвиняемого разъясняют им содержание ст. 51 Конституции РФ, которая гласит: «Никто не обязан свидетельствовать против самого себя, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом», однако Р. Колбаев, В. Хомич справедливо полагают, что выводы Пленума поспешные, так как анализ ст. 51 Конституции дает основания для другого вывода: смысл закрепленного в ней права несоизмеримо узок в сравнении с правом, закрепленным ст. 46 и 52 УПК. Согласно УПК гражданину предоставлено право не свидетельствовать по делу вообще, тогда как по Конституции за ним закреплено лишь право не свидетельствовать только против себя лично. Далее они пишут о том, что это наглядно видно при рассмотрении групповых преступлений. На-

пример, обвиняемый, согласно ст. 46 УПК, вправе отказаться от дачи показаний в отношении себя и остальных соучастников и любых обстоятельств вообще, тогда как по смыслу ст. 51 Конституции обвиняемый вправе не свидетельствовать только в отношении себя и обязан свидетельствовать против остальных соучастников. Пленум вышел за пределы предоставленных ему полномочий по официальному толкованию норм права. Факт неразъяснения ст. 51 Конституции обвиняемому (подозреваемому) не нарушает ни один из действующих на территории России нормативно-правовых актов, ибо ни в одном из действующих законов не предусмотрена такая обязанность (Постановление Пленума Верховного Суда РФ, как известно, не является законом). В этом смысле и в силу строгого понимания правила, закрепленного в ч. 3 ст. 69 УПК, при неразъяснении ст. 51 Конституции указанным лицам протоколы следственных и судебных действий не теряют юридической силы и должны оцениваться наряду с другими доказательствами. Норма свидетельского иммунитета – освобождение от обязанности свидетельствовать против себя и близких родственников – неприемлема к подозреваемому и обвиняемому, поскольку те не являются свидетелями, ничем не обязаны к даче показаний, не несут никакой ответственности ни за отказ, ни за дачу ложных показаний¹.

О. А. Анферова

**ОСВОБОЖДЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ
С ПРИМЕНЕНИЕМ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР
ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ – АКТ
(СОВОКУПНОСТЬ АКТОВ) КОМПЕТЕНТНЫХ ОРГАНОВ**

Анализ проблем прекращения уголовного дела (преследования) в отношении несовершеннолетних с применением принудительных мер воспитательного воздействия невозможен без определения понятия и особенностей подобного освобождения, ибо именно освобождение от уголовной ответственности и замена реализации

¹ См.: Хомич В. Применение норм свидетельского иммунитета в отношении обвиняемого и подозреваемого // Законность. 1997. № 7. С. 40–41; Колбаев Р. О праве не свидетельствовать // Законность. 1997. № 10. С. 39–40.

последней другими мерами характеризуют содержательную сторону данного вида прекращения.

Чтобы выработать дефиницию интересующего нас понятия, равным образом важно и дать ответ на вопрос, что из себя представляет освобождение как таковое, и установить предмет последнего.

Поскольку в литературе больше внимания уделяется решению второй задачи, логичным представляется вначале определить, от чего именно освобождается гражданин в данном случае. Нельзя сказать, что ответ на данный вопрос дается однозначный. Так, одни авторы предметом освобождения считают саму уголовную ответственность, другие – ее реализацию, третьи – вынесение обвинительного приговора. Думается тем не менее, что коренных различий в названных позициях нет. Представители и первой, и второй точек зрения в конечном итоге соглашались с тем, что основой освобождения является отказ от официального порицания преступного поведения лица, от осуждения за такое поведение от имени государства¹. Хотя по-разному определяют и понятие уголовной ответственности, и момент ее возникновения. Что же касается третьей позиции, то она скорее отражает не материально-правовую сущность освобождения от уголовной ответственности, а ее процессуальную сторону.

Заметим далее, что отрицательная оценка преступного деяния от имени государства в обвинительном приговоре выражается не иначе как путем признания гражданина виновным в преступлении. Это однозначно вытекает как из п. 28 ст. 5 УПК РФ, так и из содержания ч. 1 ст. 308 УПК РФ. Так, п. 28 ст. 5 УПК РФ, раскрывая понятие приговора, гласит: «Приговор – решение о невиновности или виновности подсудимого и назначении ему наказания либо об освобождении его от наказания, вынесенное судом первой или апелляционной инстанции». Ознакомление с текстом ст. 308 УПК РФ, посвященной резолютивной части обвинительного приговора, позволяет заключить, что решение вопросов, связанных с применением уголовного наказания, предваряется решением о признании подсудимого виновным в совершении конкретного преступления (пп. 2, 3 ч. 1 ст. 308 УПК РФ). Сказанное, на наш взгляд, позволяет

¹ См., например: *Келина С. Г.* Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. М., 1974. С. 31; *Сабанин С. Н.* Некоторые вопросы освобождения от уголовной ответственности // Вопросы совершенствования уголовно-правовых норм на современном этапе. Свердловск, 1986. С. 55.

рассматривать в качестве предмета освобождения от уголовной ответственности признание лица виновным в совершении конкретного преступления от имени государства.

С этих позиций, думается, следует оценивать правильность суждений авторов, полагающих, что при освобождении от уголовной ответственности лицо признается виновным в преступном посягательстве. В противном случае освобождение от уголовной ответственности будет лишено своего содержания, ибо невозможно, признав лицо виновным в совершении преступления, освободить его от данного признания. В «Толковом словаре русского языка» глагол «освобождать», от которого произведено рассматриваемое нами существительное, означает «избавить от кого-, чего-нибудь»¹. Логично предположить, что существительное «освобождение» может быть соотнесено с понятием «избавление». Избавление от кого-, чего-нибудь требует определенных волевых усилий. Уже отсюда можно извлечь вывод о нетождественности освобождения от уголовной ответственности и прекращения последней. Прекращение уголовной ответственности может произойти автоматически, например, ввиду смерти субъекта преступления.

Для освобождения от уголовной ответственности, основанием которой, согласно ст. 8 УК РФ, является совершение лицом деяния, содержащего все признаки состава преступления, обязательным является принятие решения тем субъектом, которому государство делегировало право на избавление лица, преступившего уголовный закон, от такого юридически неблагоприятного последствия преступного поведения, как официальное осуждение (вследствие этого и от наказания). Подобное право не может быть делегировано иным органам и лицам, нежели тем, которые призваны обеспечить надлежащую реализацию уголовной ответственности. Кроме того, оно не может осуществляться произвольно, поскольку является производным от права государства как субъекта уголовно-правовых отношений. Распоряжение подобным правом должно иметь надежное процессуальное обеспечение, иными словами, строго регламентировано процессуальным законом.

Таким образом, освобождение от уголовной ответственности может рассматриваться как процессуальный акт компетентного органа, посредством которого лицо, совершившее преступление, избавляется от такого юридически неблагоприятного последствия

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999. С. 461.

своего преступного поведения, как признание его виновным в совершении преступления от имени государства, а вследствие этого от наказания.

Освобождение от уголовной ответственности несовершеннолетних в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия, сохраняя сущностные черты освобождения от уголовной ответственности вообще, обладает в то же время рядом особенностей. Поскольку последние в конечном итоге определяют специфику и процессуальные формы соответствующего вида освобождения, в настоящей работе представляется целесообразным уделить таковому повышенное внимание. Рассматриваемый вид освобождения от уголовной ответственности отличается не только кругом лиц, в отношении которых применяются меры воспитательного воздействия, но и своим основанием, характером. Качественным своеобразием обладают и условия, при наличии которых становится возможным освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности.

Во-первых, следует заметить, что решение вопроса об основании данного вида освобождения не только базируется на обстоятельствах, имевших место в прошлом или имеющихся в наличии в настоящем, но и предполагают прогностическую деятельность компетентных органов и лиц. Уголовный закон связывает освобождение от уголовной ответственности несовершеннолетних с возможностью их исправления посредством применения к ним воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ). Вывод о возможности исправления есть не что иное, как предположение о желаемом положительном поведении подростка в будущем.

Подобный вывод по своей природе может быть только презумпционным. Понятие «презумпция» (лат. *praesumptio*) означает «предположение, основанное на вероятности, признание факта юридически достоверным, пока не будет доказано обратное»¹. В этом же смысле оно толкуется в юридической литературе, означая вывод, «вытекающий из высокой степени вероятности, продиктованный жизнью, опытом, знаниями, обобщениями»². Суждение о достаточности мер вос-

¹ Краткий словарь иностранных языков / Гл. ред. С. М. Локшина. М., 1978. С. 218.

² Ойгензихт В. А. Понятие гражданско-правовых презумпций // Сов. гос-во и право. 1975. № 10. С. 26. Аналогично см: Бабаев В. К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974. С. 16; Либус И. А. Презумпция невиновности в советском уголовном процессе. Ташкент, 1981. С. 13; Черниловский З. М. Презумпции и фикции в истории права // Сов. гос-во и право. 1984. № 1. С. 98; Левченко О. В. Общественные, преюди-

питательного воздействия для исправления несовершеннолетнего может оказаться и ошибочным, а соответствующая презумпция является опровержимой. В данном случае понятие опровержимой презумпции толкуется нами в качестве правового предположения о существовании (несуществовании) факта, влекущего юридические последствия, если применительно к конкретному случаю не будет обоснована несостоятельность общей закономерности связи между наличным и предполагаемым.

Во-вторых, опровержимость рассматриваемой презумпции, на наш взгляд, определяет и условный характер освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних с применением к ним мер воспитательного воздействия. Наряду с основаниями и условиями, необходимыми для принятия решения об освобождении от уголовной ответственности, уголовный закон формулирует и ряд требований к будущему поведению несовершеннолетнего, исполнение которых является обязательной предпосылкой для полной реализации такого решения. Следовательно, можно утверждать, что моменты принятия решения об освобождении от уголовной ответственности и реализации его в части действительного избавления от соответствующих юридических неблагоприятных последствий преступного поведения не совпадают. После вступления непосредственно решения об освобождении от уголовной ответственности в силу оно реализуется лишь в части применения принудительных мер воспитательного воздействия.

Все иные виды освобождения от уголовной ответственности являются в настоящее время безусловными, поскольку последующему поведению освобожденных лиц закон не выдвигает условий¹, лицо «окончательно освобождается от уголовной ответственности в момент утверждения соответствующего постановления»².

В-третьих, ни один другой вид освобождения от уголовной ответственности, предусмотренный в действующем уголовном законе, не предполагает замены реализации уголовной ответственно-

циально установленные и законом презюмируемые факты и особенности их использования в гражданско-процессуальном доказывании: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1994. С. 13; *Васильев Л. М.* Фактические презумпции в советском уголовном судопроизводстве // Правоведение. 1981. № 1. С. 99.

¹ См.: *Скибицкий В. В.* Освобождение от уголовной ответственности и отбывания наказания. Киев, 1987. С. 6.

² *Магомедов А. А.* Правовые последствия освобождения от уголовной ответственности. Саратов, 1994. С. 121.

сти какими-то другими мерами принудительного воздействия. Для данного же вида освобождения такая замена, напротив, характерна. Следует при этом подчеркнуть, что принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые в этом случае к несовершеннолетним, по своей природе являются уголовно-правовыми. Их содержание, основание и условия применения определены в уголовном законе (ст. 90, 91 УК РФ). Не случайно назначение принудительных мер воспитательного воздействия действующий закон относит к исключительной компетенции суда (ст. 427, 431 УПК РФ).

Думается, что особыми качествами субъекта, к которому применяются принудительные меры воспитательного воздействия, а также условный характер освобождения от уголовной ответственности, позволили законодателю уже в момент принятия УК РФ связать возможность такого освобождения не только с преступлениями небольшой тяжести, но и с преступлениями средней тяжести¹.

Как уже было упомянуто, специфика освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности предопределяет и качественное своеобразие процессуального обеспечения освобождения подобного вида. В обобщенном виде данное своеобразие может быть охарактеризовано посредством указания на следующие особенные моменты:

1) специфика процессуальных форм, опосредующих подобное освобождение;

2) особенности предмета и пределов доказывания по принятию решения об освобождении от уголовной ответственности;

3) своеобразие процессуального порядка, производство процессуальной деятельности по осуществлению данного вида освобождения;

4) особенности последствий, в том числе и процессуального характера, детерминируемых соответствующей деятельностью.

¹ Новый УПК РФ связывает возможность прекращения уголовного дела (преследования) в связи с деятельным раскаянием (ст. 28 УПК) и примирением с потерпевшим (ст. 25 УПК) также с двумя категориями преступлений, однако новые процессуальные законоположения не соответствуют содержанию материально-правовых норм (ст. 75, 76 УК РФ). Надо полагать, что в ближайшее время ожидается соответствующая корректировка уголовно-правовых предписаний.

«ОСТРЫЕ УГЛЫ» ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ С УЧРЕЖДЕНИЯМИ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Статья 2 Основного Закона Российской Федерации провозглашает, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Гарантируется свобода мысли и слова. Запрещается цензура. Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом.

Пресса, радио и телевидение более активно стали удовлетворять потребности разных слоев и групп населения. Однако вместе с положительными тенденциями в становлении независимых средств массовой информации, реализации конституционных прав граждан имеется ряд проблем, связанных с злоупотреблением свободой слова, недостаточным профессионализмом, низким качеством и тематикой предлагаемой обществу информации. Анализ деятельности СМИ показывает, что, достаточно часто под видом критики, поиска истины происходят нарушения конституционных, законодательных и иных нормативных актов. Нередко распространяются сведения негативного, тенденциозного характера явно не в интересах правоохранительных органов и законопослушных граждан.

К сожалению, не все СМИ и не всегда объективно освещают проблемы преступности как сложного социально-экономического явления. В ряде публикаций делаются откровенные попытки сформировать общественное мнение в пользу подозреваемых, обвиняемых, других заинтересованных лиц и криминальных структур. Все это подтверждает правильность суждения о том, что, несмотря на отмену государственной цензуры, СМИ оказались зависимы от разного рода учредителей, политического противостояния и коммерческой конкуренции. Средства массовой информации оказались втянутыми в борьбу за власть в высших ее эшелонах. Вы видите сами, что происходит в нашей стране.

СМИ возносят и низвергают с политического, экономического «Олимпа» «героев» скандальных разоблачений и так называемых журналистских расследований.

Порой бывает так, что одно неосторожное, невзвешенное слово, сказанное в присутствии журналиста, приносит массу проблем. «Пока есть власть, а вы – ее представители, пока есть пресса, как

отмечается в редакционной статье журнала «Российская юстиция», конфликты между ними неизбежны в силу уже одного того, что миссии, возлагаемые на них обществом, конфликтны по определению». От представителей средств массовой информации не так легко отмахнуться, как может показаться на первый взгляд. Есть определенные нормы закона, как, скажем, ст. 144 УК РФ «Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста», учитывать которые приходится. Поэтому необходимо знать свои права, права журналиста и порядок опубликования опровержения на статью, с которой не согласны. Нелишним будет узнать, что является злоупотреблением свободой массовой информации, и поговорить об ответственности за распространение клеветнических и оскорбительных сведений в средствах массовой информации.

Законодательство о СМИ определило и закрепило права и обязанности журналистов по получению, производству, выпуску и распространению массовой информации. Так, согласно ст. 47 Закона¹, журналист имеет следующие основные права:

- 1) искать, получать и распространять информацию;
- 2) посещать органы и организации, предприятия и учреждения, органы общественных объединений либо их пресс-службы;
- 3) быть принятым должностными лицами в связи с запросом информации;
- 4) получать доступ к документам и материалам, за исключением их фрагментов, содержащих сведения, составляющие государственную, коммерческую или иную специально охраняемую законом тайну;
- 5) копировать, публиковать, оглашать или иным способом воспроизводить документы и материалы при условии соблюдения авторских прав;
- 6) производить записи, в том числе с использованием средств аудио- и видеотехники;
- 7) проверять достоверность сообщаемой ему информации;
- 8) излагать свои личные суждения и оценки в сообщениях и материалах, предназначенных для распространения за своей подписью.

Законом оговорены и обязанности журналиста, основные из которых заключаются в следующем:

- а) проверять достоверность сообщаемой им информации;

¹ См.: Закон РФ «О средствах массовой информации» (с изм. и доп.). М., 1995.

б) удовлетворять просьбы лиц, предоставивших информацию, об указании на ее источник, а также об авторизации цитируемого высказывания, если оно оглашается впервые;

в) сохранять конфиденциальность информации и (или) ее источника;

г) при получении информации от граждан и должностных лиц ставить их в известность о проведении аудио- и видеозаписи, кино- и фотосъемки;

д) предъявлять при осуществлении профессиональной деятельности по первому требованию редакционное удостоверение или иной документ, удостоверяющий личность и полномочия журналиста.

Необходимо отметить и ряд существенных ограничений на получение и распространение информации СМИ. Так, Законом Российской Федерации «О государственной тайне»¹ определены основные положения засекречивания сведений и предоставлен перечень тех данных, которые не могут быть включены в категории государственной тайны (сведения о чрезвычайных катастрофах, о состоянии экологии, здравоохранения, о фактах нарушения прав человека и гражданина и др.).

«Закрытию» подлежат сведения об обороноспособности государства, о государственном запасе драгоценных металлов и драгоценных камней, финансах и бюджетной политике, сведения в области оперативно-розыскной и контрразведывательной деятельности и т. п.

К другой категории сведений, распространение которых ограничено, относятся составляющие тайну личной жизни и право владельца распоряжаться результатами своего интеллектуального труда.

Тайна частной жизни включает в себя такие закрепленные законодательством тайны, как:

– банковская тайна, тайна вкладов (ст. 26 Закона «О банках и банковской деятельности», ст. 857 Гражданского кодекса Российской Федерации, ст. 183 Уголовного кодекса Российской Федерации);

– врачебная (медицинская) тайна (ст. 61, ч. 3 ст. 35 Основ законодательства Российской Федерации «Об охране здоровья граждан»);

¹ См., например: *Балыбердин А. Л.* Постатейный комментарий к Закону Российской Федерации «О государственной тайне (дополненный и исправленный) // Государственная тайна Российской Федерации: Сб. законодательно-правовых актов с комментариями. СПб., 1994. С. 38–39.

дан», а также ст. 9 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» ст. 14 Закона «О трансплантации органов и (или) тканей человека», ст. 137 Уголовного кодекса Российской Федерации);

- тайна предварительного следствия (ст. 161 Уголовно-процессуального кодекса РФ и ст. 310 Уголовного кодекса Российской Федерации);

- нотариальная тайна (ч. 2 ст. 16 Основ законодательства Российской Федерации «О нотариате», ст. 137 Уголовного кодекса Российской Федерации);

- тайна усыновления (ст. 139 Семейного кодекса Российской Федерации, ст. 155 Уголовного кодекса Российской Федерации);

- тайна страхования (ст. 946 Гражданского кодекса Российской Федерации, ст. 137 Уголовного кодекса Российской Федерации);

- адвокатская тайна (ст. 7 Закона об адвокатуре, ст. 137 Уголовного кодекса Российской Федерации);

- сведения о мерах безопасности судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов (Федеральный закон «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов», ст. 311, 320 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Отметим также, что сбор сведений любым незаконным способом с целью разглашения либо незаконного использования влечет за собой уголовную ответственность, предусмотренную ст. 183 Уголовного кодекса РФ.

В деятельности СМИ можно выделить ряд негативных моментов, имеющих значение для оценки их возможностей.

Осуществляя свою деятельность, представители СМИ (журналисты, комментаторы, ведущие теле- и радиопрограмм), как правило, стремятся максимально быстро обнародовать заметные события, явления или факты, чем вызывают восхищение аудитории. Однако, положительно оценивая оперативность как одну из важнейших характеристик современной журналистики, нельзя не указать на чреватую осложнениями обратную сторону этой «медали». Ради сенсации часто жертвуют объективностью и правдивостью сообщений. Располагая сенсационным материалом, его источники и обладатели подчас руководствуются своими, зачастую корыстными мотивами и целями, используя средства массовой информации для манипулирования общественным мнением. В таких случаях этому способствуют

легкомыслие и самонадеянность, а порой безответственность журналистов и редакций СМИ.

В ряде случаев в прессу и эфир попадает информация служебного характера. Из-за этого несанкционированно разглашаются охраняемые законом тайна предварительного следствия и оперативные данные. В конечном итоге наносится вред делу укрепления законности и правопорядка, подрывается доверие к правоохранительным органам, наступают другие негативные последствия.

Исходя из указанных требований закона и ведомственных нормативных актов, оперативные данные не подлежат огласке в связи с необходимостью соблюдения принципа конспирации и поскольку они не содержат в себе необходимых гарантий достоверности. Сведения о личной жизни, а равно касающиеся чести гражданина или способные повредить его законным интересам, не могут сообщаться кому бы то ни было без его согласия за исключением случаев, когда это необходимо для предотвращения преступления, а также производства по уголовным делам.

Причем ч. 3 ст. 161 УПК РФ установлено, что данные предварительного следствия могут быть преданы гласности лишь с разрешения следователя и прокурора и в том объеме, в каком они признают это необходимым. Общественная опасность разглашения данных предварительного расследования без разрешения следователя или прокурора, как уже говорилось, заключается в том, что собранная доказательная информация по делу может стать достоянием заинтересованных в исходе дела лиц и быть использована в целях воспрепятствования предварительному расследованию или судебному рассмотрению дела. В отличие от судебного разбирательства, гласность на предварительном следствии ввиду специфичности допустима лишь в строго ограниченных пределах. Именно поэтому законодателем специально введена в Уголовный кодекс РФ ст. 310, предусматривающая уголовную ответственность за разглашение данных предварительного следствия без согласия следователя, прокурора или лица, производящего дознание.

Много примеров, когда в результате правильного использования СМИ удавалось найти преступников, лиц, интересующих следствие. О них мы расскажем далее. Однако будет неправильно умолчать об отрицательных примерах. Ведь учиться желательно на чужих ошибках.

В передаче «Дорожный патруль» на ТВ-6 в начале декабря 1997 года были показаны и прокомментированы два сюжета. В од-

ном из них говорилось о том, как 18-летняя студентка педагогического колледжа родила в урологическом отделении одной из московских клиник ребенка и сразу после родов оставила его в контейнере для мусора, желая таким образом избавиться от младенца. Благодаря активным действиям медицинского персонала больницы ребенок остался жив. В передаче телезрителям рассказали почти все о несостоявшейся матери-убийце, но при этом не учли того, что же все-таки толкнуло совсем юную девушку на данный поступок. Как после этого сюжета она продолжит учебу, как сложатся в дальнейшем ее взаимоотношения с родными и знакомыми? Тем более что, судя по сюжету, она раскаивалась.

В другом сюжете рассказывалось об убийстве одного из московских коллекционеров картин. Во-первых, было детально описано, как совершено это убийство. Во-вторых, показали интерьер квартиры убитого, причем продемонстрировав дорогие картины на стенах. В-третьих, был даже назван адрес квартиры коллекционера. «Дорожный патруль» выступил своеобразным наводчиком на квартиру потерпевшего. Все это резко повысило вероятность новых преступных посягательств на собственность. Следует упрекнуть и сотрудников правоохранительных органов, бесконтрольно и беспечно предоставивших репортерам информацию¹.

Обратим также внимание, что при увлечении показом обезображенных трупов, потоков крови авторы теряют часть именно той аудитории, для которой жестокость неприемлема, и они готовы ей противодействовать, тем более что при этом часто допускают раскрытие тактики действий правоохранительных органов. Вряд ли оправдан сюжет, показанный на телеканале РТР 27 июня 1999 года в программе «Дежурная часть», где многомиллионной зрительской аудитории, что непозволительно, подробно рассказывалось о неудачном проведении операции по задержанию организованной преступной группы сотрудниками одного из подразделений РУБОП. Таким образом нанесен вред: оглашена служебная информация и нанесен урон престижу и авторитету милиции.

Еще примеры.

17 апреля 1998 года в газете «Саратовская мэрия» в результате общения корреспондента с работниками Приволжского РУБОП и прокуратуры Саратовской области была помещена статья обозревателя

¹ См.: Крылов А. В. Освещение средствами массовой информации преступности и борьбы с ней // Преступность и культура. М., 1999. С. 105.

Михаила Синельникова «Анти-Жеглов» об обстоятельствах задержания 25 марта 1998 года сотрудниками Приволжского РУБОП группы вымогателей, к преступной деятельности которой был причастен сотрудник одного из подразделений УБОП при УВД Саратовской области майор милиции Марков (фамилия изменена). Статья была проиллюстрирована распечаткой нескольких кадров оперативной видеозаписи, производившейся 25 марта 1998 г. сотрудниками РУБОП в связи с реализацией материалов разработки расследованием конкретного уголовного дела, возбужденного по данному факту, которое находилось с самого начала в производстве следователя прокуратуры области. В статье определенной тенденциозной направленности достаточно подробно и детально, с приведением некоторых данных, которые на тот момент были известны ограниченному кругу лиц из числа работников следственно-оперативной группы, описывался механизм совершения преступления, наименования использованных при этом коммерческих фирм и банковских учреждений, фигурировавших в деле денежных сумм и слегка измененных фамилий, ряд других обстоятельств, распространение сведений о которых через газету вряд ли способствовало интересам следствия, повышению авторитета правоохранительных органов. Ни следователем, ни надзирающим прокурором разрешения на публикацию каких-либо данных об этом преступлении, тем более в такой тенденциозной интерпретации, никому не давалось.

На страницах газеты «Земское обозрение» от 10 июля 1998 года корреспондентом, выступившим под псевдонимом Иван Иванов, опубликована статья «У воров в законе неприятности» о задержании сотрудниками Приволжского РУБОП вора в законе Александра Бахтина, 1961 года рождения, по кличке «Петруха-Питерский», у которого при обыске сотрудниками РУБОП было обнаружено и изъято наркотическое средство – героин. В публикации, со ссылкой на «источники в органах внутренних дел», сообщаются не только настоящие анкетные данные задержанного, но и некоторые оперативные сведения его преступной биографии, причастности «к ряду заказных убийств», взаимоотношениях с другими преступными авторитетами, а также о том, что Бахтин этапирован в город Санкт-Петербург, где он находится в розыске в связи с убийством сотрудника милиции.

В том же номере газеты на одной полосе опубликована еще одна характерная по содержанию заметка от имени корреспондента Сергея Петрова «Торговцы наркотиками терпят убытки», в которой

со ссылкой на информацию, «полученную в правоохранительных органах», сообщается о задержании сотрудниками Приволжского РУБОП сбытчика наркотических средств Ж. и лиц, занимавшихся разведением индийской конопли в Ртищевском районе Саратовской области. Из содержания заметки также следует, что автор публикации располагает достаточно подробными оперативными сведениями как о механизме и обстоятельствах совершенного преступления, так и о личностях задержанных, доступ к которым должен иметь строго ограниченный круг лиц из числа работников правоохранительных органов, непосредственно занимающихся расследованием данного преступления.

В этих обоих случаях ни следователи, в производстве которых находятся уголовные дела в отношении Бахтина и упомянутых наркоторговцев, ни надзирающие прокуроры разрешения на публикацию статьи и заметки никому не давали.

В конце декабря 1997 года с использованием СМИ, в том числе и телевидения, сотрудниками Приволжского РУБОП была распространена информация о ликвидации совместно с подразделениями УВД Саратовской области организованной преступной группировки этнической направленности, состоявшей из трех человек, занимавшихся незаконным оборотом оружия.

Несмотря на то обстоятельство, что при задержании с поличным у подозреваемых был изъят целый арсенал оружия и боеприпасов и по данному факту органом дознания сразу было возбуждено уголовное дело по ст. 222 УК РФ, а задержанные были арестованы с санкции прокурора, – расследование завершилось тем, что к уголовной ответственности привлечен только один из задержанных. Двоим другим соучастникам преступного оружейного бизнеса в связи с существенными нарушениями оперативно-розыскного и уголовно-процессуального законодательства, допущенными работниками следственно-оперативной группы на этапе реализации оперативных материалов и проведения первоначальных следственных действий, удалось избежать уголовной ответственности. Из-под стражи они были освобождены.

С учетом таких результатов расследования, поспешное распространение через СМИ подробных данных о ходе и результатах проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий также вряд ли способствовало повышению авторитета сотрудников регионального управления и других правоохранительных органов.

Служебной проверкой, проводившейся по вышеназванным фактам, установлено, что в ряде случаев непроверенные оперативные данные и данные предварительного следствия предоставлялись средствам массовой информации сотрудниками Приволжского РУБОП по своей инициативе, без разрешения следователя или прокурора, причем иногда не в интересах дела, а с целью создать видимость активной работы и показать особую значимость деятельности подразделений по борьбе с организованной преступностью.

Все, что было сказано выше, ни в коем случае нельзя расценивать как призыв к отказу предоставлять в средства массовой информации необходимые для раскрытия, расследования и профилактики преступлений материалы. Только делать это надо аккуратно, со знанием дела.

В настоящее время важно, чтобы достоверная информация в СМИ представлялась в установленном порядке компетентными сотрудниками правоохранительных органов, обладающими соответствующими полномочиями. И чтобы информация в СМИ предоставлялась для распространения с учетом интересов службы и определенных ограничений, вытекающих из конституционных принципов, например, ст. 23 «О неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны, защиты чести и доброго имени», ст. 49 «О презумпции невиновности», а также ст. 1, 4, 40, 51 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации», требований конкретных норм действующего законодательства об оперативно-розыскной деятельности, уголовно-процессуального и иных законодательств.

Обратим внимание, что сбор сведений любым незаконным способом с целью разглашения либо незаконного использования влечет за собой уголовную ответственность, предусмотренную ст. 183 Уголовного кодекса Российской Федерации. Злоупотреблением свободой массовой информации, согласно ст. 4 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации», является использование СМИ:

- для совершения уголовно наказуемых деяний;
- для разглашения сведений, составляющих государственную или иную специально охраняемую законом тайну;
- для призыва к захвату власти, насильственному изменению конституционного строя и целостности государства;
- для разжигания национальной, классовой, социальной, религиозной нетерпимости и розни;

- для пропаганды войны;
- для распространения передач, пропагандирующих порнографию, культ насилия и жестокости.

Из вышеперечисленных злоупотреблений рассмотрим наиболее часто встречающиеся на практике. Наиболее опасными посягательствами на честь и достоинство являются клевета и оскорбление, влекущие за собой уголовную ответственность. Законодатель предусмотрел повышенную ответственность за клевету и оскорбление, содержащиеся в публичном выступлении или средствах массовой информации.

Каждый человек, считающий себя обиженным, вправе обратиться в суд и требовать защиты чести, достоинства, деловой репутации, а также привлечения журналиста к уголовной ответственности. За последние три года в прессе было опубликовано несколько дел, по которым суды признавали СМИ виновными в распространении недостоверной, позорящей истца информации, в причинении ему морального вреда и обязывали редакции публиковать опровержения или платить определенные суммы.

Рассмотрим вопрос о форме опровержения. Пункт 2 ст. 152 ГК Российской Федерации гласит, что если сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, распространены в средствах массовой информации, то и опровергнуты должны быть в тех же средствах массовой информации. Ст. 44 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» закрепляет порядок опровержения. Так, опровержение в печатном издании должно быть набрано тем же шрифтом и помещаться под заголовком «Опровержение» на том же месте полосы, что и опровергаемая информация (что касается радио и телевидения, то опровержение должно быть передано в то же время суток, как правило, в той же передаче). Законодатель регламентирует объем опровержения следующим образом: объем не может более чем вдвое превышать объем опровергаемых сведений, но нельзя требовать (в данном случае это ограничение для СМИ), чтобы текст его был короче одной стандартной страницы машинописного текста (соответственно, на радио и телевидении эфирное время на опровержение не может быть меньше того, что необходимо для прочтения диктором этой самой страницы с машинописным текстом). При этом если средство массовой информации выходит не чаще одного раза в неделю, то опровержение должно последовать в течение десяти дней со дня получения требования об опровержении или

его текста. В иных случаях опровержение должно быть дано в подготавливаемом или в ближайшем планируемом выпуске.

Вместе с тем в п. 5 ст. 44 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» закрепляется обязанность редакции в течение месяца со дня получения текста опровержения или требования о нем либо в письменной форме уведомить заинтересованного гражданина или организацию о предполагаемом сроке распространения опровержения, либо в случае отказа дать опровержение – указать основания. Статья 45 Закона «О средствах массовой информации» содержит исчерпывающий перечень оснований отказа в опровержении:

1) если опровержение является злоупотреблением свободой массовой информации;

2) если противоречит вступившему в законную силу решению суда;

3) если является анонимным;

4) если опровергаемые сведения были уже опровергнуты в данном средстве массовой информации;

5) если пропущен срок, т. е. текст опровержения или требование о нем поступили в редакцию по истечении одного года со дня распространения опровергаемого сведения в данном средстве массовой информации.

И отказ в опровержении, и нарушение установленного Законом «О средствах массовой информации» порядка опровержения могут быть обжалованы в суд в соответствии с гражданским и гражданско-процессуальным законодательством Российской Федерации в течение года со дня распространения опровергаемых сведений. Помимо ранее изложенного у потерпевшего есть еще одно право. Так, ст. 46 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» закрепляет его право на ответ, на который распространяются те же правила, что и на опровержение (ст. 43–45 Закона «О средствах массовой информации»).

Согласно ст. 56 и 57 Закона «О средствах массовой информации» ответственность в случае распространения сведений, порочащих честь и достоинство, может быть возложена на редакцию, главного редактора и журналиста (лучше, видимо, сказать – автора материала, так как им могут быть не только журналисты). Если порочащие сведения опубликованы в средстве массовой информации, редакция которого не является юридическим лицом, а следовательно, не наделена процессуальной правоспособностью (см. ст. 31 и 32 ГПК Российской Федерации), то надлежащим ответчи-

ком, вместе с автором, будет учредитель данного СМИ (см. п. 1 ст. 7 Закона «О средствах массовой информации»: «Учредителем (соучредителем) средства массовой информации может быть гражданин, объединение граждан, предприятие, учреждение, государственный орган»).

Помимо права на защиту чести и достоинства, деловой репутации граждане имеют право на возмещение морального вреда (ст. 151 ГК Российской Федерации, ст. 62 Закона «О средствах массовой информации»). Обратимся к разъяснениям, данным по этому вопросу Пленумом Верховного Суда Российской Федерации (Постановление от 20 декабря 1994 г. № 10).

Под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями лица (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни) или нарушающими его личные неимущественные права. Моральный вред может заключаться в нравственных переживаниях, связанных, например, с невозможностью продолжить активную общественную жизнь, потерей работы и пр.

Гражданское законодательство содержит нормы, определяющие способы и размеры компенсации морального вреда. Характер физических и нравственных страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего.

Приведенные выше положения закона накладывают повышенную ответственность на журналистов и редакцию средств массовой информации, поскольку их деятельность достаточно часто затрагивает эту сферу отношений. Поскольку гражданско-правовая ответственность, в отличие от уголовной, предполагает обязанность доказывать соответствие действительности распространенных сведений, затрагивающих честь и достоинство других лиц, именно данное обстоятельство заставляет законодателя формулировать дополнительные гарантии, снижающие риск необоснованного привлечения к гражданско-правовой ответственности журналиста. Одна из таких гарантий сформулирована в Законе «О средствах массовой информации».

Редакция, главный редактор, журналист не несут ответственности за распространение сведений, не соответствующих действительности и порочащих честь и достоинство граждан и организа-

ций, ущемляющих права и законные интересы граждан либо представляющих собой злоупотребление свободой массовой информации и (или) правами журналиста:

- 1) если эти сведения присутствуют в обязательных сообщениях;
- 2) если они получены от информационных агентств;
- 3) если они содержатся в ответе на запрос информации либо в материалах пресс-служб государственных органов, организаций, учреждений, предприятий, органов общественных объединений;
- 4) если они являются дословным воспроизведением фрагментов выступлений народных депутатов, а также официальных выступлений должностных лиц государственных органов, организаций и общественных объединений;
- 5) если они содержатся в авторских произведениях, идущих в эфир без предварительной записи, либо в текстах, не подлежащих редактированию в соответствии с настоящим Законом;
- 6) если они являются дословным воспроизведением сообщений и материалов или их фрагментов, распространенных другим средством массовой информации, которое может быть установлено и привлечено к ответственности за данное нарушение законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации (ст. 57 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»).

Законодательством о СМИ защищаются права не только журналистов, но и должностных лиц. В целях недопущения преждевременного информирования общественности о доказательствах, добытых в процессе расследования, или о важных свидетелях происшедшего допускается отказ следователя представителю СМИ в случаях, определенных ст. 40 Закона «О средствах массовой информации». Итак, вы можете отказать в запрашиваемой информации, если она содержит сведения, составляющие государственную, коммерческую или иную специально охраняемую законом тайну. Следует помнить, что уведомление об отказе вручается представителю редакции в трехдневный срок со дня получения письменного запроса информации. В уведомлении должны быть указаны:

- 1) причины, по которым запрашиваемая информация не может быть отделена от сведений, составляющих специально охраняемую законом тайну;
- 2) должностное лицо, отказывающее в предоставлении информации;
- 3) дата принятия решения об отказе.

Имейте в виду, что отсрочка в предоставлении запрашиваемой информации допустима, если требуемые сведения не могут быть представлены в семидневный срок. Уведомление об отсрочке вручается представителю редакции в трехдневный срок со дня получения письменного запроса информации.

В уведомлении должны быть указаны:

- 1) причины, по которым запрашиваемая информация не может быть представлена в семидневный срок;
- 2) дата, к которой будет представлена запрашиваемая информация;
- 3) должностное лицо, установившее отсрочку;
- 4) дата принятия решения об отсрочке.

В процессе закрытия информации основополагающей, конечно же, является ч. 3 ст. 161 УПК РФ, в соответствии с которой именно следователь, дознаватель, прокурор определяют объем возможного predания гласности информации из данных предварительного следствия.

Изложенное предполагает, что СМИ могут предавать огласке полученные ими данные предварительного следствия лишь при условии получения специального разрешения от уполномоченных на то органов, в производстве которых находится дело. Такое разрешение должно получаться в письменной форме с указанием, какие конкретно сведения могут быть преданы гласности. К сожалению, и в новой редакции уголовно-процессуального законодательства поправка на «письменное разрешение» отсутствует.

В. П. Дворянов, А. Н. Тюменцев

К ВОПРОСУ О ПУТЯХ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ КОНФЛИКТОВ И ПРАВИЛАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ СМИ

В органах внутренних дел организация взаимодействия со средствами массовой информации возложена, прежде всего, на отделы (отделения, группы) информации. В современных условиях под взаимодействием следственных аппаратов органов внутренних дел со СМИ, на наш взгляд, следует понимать постоянный двухуровневый управленческий процесс, осуществляемый через отделы информации (пресс-службы либо специально выделенных для дан-

ной деятельности сотрудников) и самостоятельно, на взаимовыгодных условиях для достижения собственных целей.

Использование СМИ следственными аппаратами обусловлено следующими моментами оперирования информацией:

- 1) скоростью доведения до аудитории;
- 2) возможностью быстрого изменения и дополнения;
- 3) обратной связью.

Учет этих моментов может дать возможность следователям:

- а) в короткие сроки установить лиц, причастных к совершенному преступлению, и обеспечить их быстрый розыск;
- б) проинформировать население о результатах работы;
- в) осуществить профилактическое воздействие;
- г) сформировать положительное мнение о своей деятельности;
- д) публично поощрить лицо, оказавшее помощь, с его согласия.

Общим качеством, объединяющим эти направления использования СМИ органами предварительного следствия, является оказание управляемого и непосредственного воздействия на население путем предоставления для опубликования специально подготовленной следственными аппаратами информации, способствующей решению служебных задач.

Своевременное распространение информации о преступлении и деятельности сотрудников следственных подразделений по его расследованию позволяет предотвратить слухи и домыслы, создать благоприятное общественное мнение по поводу действий сотрудников правоохранительных органов. Это особенно важно, когда совершенное преступление получило значительный общественный резонанс.

При организации взаимодействия со СМИ нужно учитывать, что журналисты имеют право самостоятельно искать, запрашивать, получать и распространять информацию о совершенном преступлении в СМИ, излагать при этом свою точку зрения, используя свои источники информации, проводя при этом свое, «журналистское» расследование. Однако при этом журналист сам собирает и проверяет материалы, не ссылаясь на выводы следствия, он наравне с редакцией несет полную ответственность за достоверность представленной информации и источники ее получения. В ряде случаев их публикации могут стать поводом для возбуждения уголовного дела (ст. 144 УПК РФ).

Осуществляя взаимодействие со СМИ, следственные аппараты на основе получаемой криминологически значимой информации решают следующие задачи:

- устанавливают личность и местонахождение лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых по делу;
- выявляют очевидцев, свидетелей, потерпевших случившегося и с их помощью устанавливают данные, имеющие значение для установления истины;
- осуществляют поиск похищенных ценностей, а также орудий преступления и других вещественных доказательств;
- разыскивают владельцев вещей и предметов, изъятых в ходе проведения следственных действий;
- устанавливают личность погибших, неопознанных трупов, лиц, пропавших без вести;
- устраняют причины и условия, способствовавшие совершению преступления и возникновению беспокойства среди населения данной местности;
- информируют общество о принятии мер безопасности с целью защиты от вероятных преступных посягательств;
- осуществляют правовое информирование граждан, прививают им дух уважения к закону и соблюдения правопорядка;
- укрепляют авторитет правоохранительных органов государства, в том числе следственных аппаратов.

Можно выделить три основных момента, определяющих необходимость использования следователем СМИ. Это недостаток или отсутствие информации о событии преступления и лицах, к нему причастных; невозможность получения нужных данных иным способом; фактор ограниченного срока предварительного следствия.

Для решения указанных задач могут быть использованы следующие основные формы взаимодействия со СМИ:

- публикация досудебных материалов;
- интервью, брифинги, пресс-конференции, выступления в прямом эфире;
- репортаж с места происшествия;
- предоставление материала по запросу СМИ.

При подготовке публикаций через средства массовой информации, рассчитанных на помощь населения, необходимо учитывать следующее:

- должен быть проведен тщательный анализ исходной информации;

- учтены возможные негативные последствия от ее опубликования в СМИ;
- организованы сбор и обработка поступающей информации, а также ее оценка для последующего использования.

Использование СМИ органами расследования в процессе раскрытия и расследования преступления по возбужденному уголовному делу имеет определенные особенности и ограничения. Во-первых, они вынужденные и определяются сложившейся следственной ситуацией, которая может меняться на том или ином этапе расследования. Во-вторых, использование средств массовой информации выступает как средство, расширяющее возможности следователя с учетом фактора времени. В-третьих, органы предварительного следствия могут использовать средства массовой информации в строго определенных целях.

Особую опасность для правосудия представляют материалы печати, предрешающие вопросы о виновности или невиновности лиц, дело в отношении которых расследуется, входящие в противоречие с содержанием уголовно-процессуального принципа гласности и презумпции невиновности, неправильно освещающие ход и результаты расследования преступлений. Поэтому содержание досудебных публикаций по поводу виновности или невиновности требует особенно взвешенного подхода, отпавляясь от принципиальных положений науки уголовного процесса и, в том числе, от презумпции невиновности.

В настоящее время основным условием размещения публикации в СМИ выступает личный контакт с редакцией и корреспондентами, это отметили в анкетах 45 % следователей и 86,6 % начальников следственных подразделений. Но если личный контакт не сложился или еще не налажен, а необходимость в использовании СМИ у следователя возникла, то он оказывается перед неразрешимой процессуальной проблемой. У него нет законного права вынести постановление для этого и обязать ту или иную редакцию опубликовать нужные материалы.

Видимо, поэтому 35 % от числа опрошенных следователей материалы в СМИ не публикуют, 40 % – делают это редко, и лишь 25 % следователей обращаются к СМИ регулярно. Изложенное позволяет сделать вывод, что в современных условиях проблема процессуального решения возможности использования следователем СМИ вполне созрела. Введение поправки в новый УПК несомненно выступит стимулирующим фактором во всех необходимых случаях.

Заметим, что если умение изъясняться одинаково важно при выступлениях как на радио, так и на телевидении, то последняя форма имеет свои дополнительные особенности: умение держаться перед объективами телекамер, отвечать на вопросы телеведущих или на звонки граждан, если выступление транслируется в прямом эфире. С учетом растущей популярности этой формы использования СМИ, можно предложить следующие тактические рекомендации, обобщенные на основе зарубежного и отечественного опыта.

Сотрудничество с представителями СМИ будет более успешным, если вы:

- будете доброжелательными, тактичными и корректными, так как от этого часто зависят характер и направленность будущей передачи или публикации;
- при непосредственном контакте с корреспондентами, которые могут обратиться к вам за информацией не только в рабочий кабинет, но и прямо на месте происшествия, не станете пренебрегать или стесняться; проверите, какую именно редакцию данное лицо представляет, а также действительно ли он является ее сотрудником;
- поинтересуетесь творческим замыслом представителя СМИ, тематической направленностью, объемом и содержанием нужного ему материала, предпримите усилия в пределах своих полномочий по оказанию помощи в его работе по сбору материала;
- в беседе с журналистом не будете выходить за рамки своей ответственности или компетентности, воздержитесь от комментария неизвестного вам факта, события или явления, а ответы на заданные вопросы будут четкими, лаконичными;
- решите существенно ограничить или отказать в предоставлении журналисту информации ввиду необходимости соблюдения следственной или иной, предусмотренной законом тайны. В этом случае объясните, по какой именно законной причине вы не можете или не должны это делать;
- будете стремиться на вопросы корреспондента давать исчерпывающие ответы, для того чтобы собеседник точно вас понял, однако если на вопрос журналиста или запрос редакции невозможно это сделать немедленно, то, в соответствии с Законом «О средствах массовой информации», на ответ отводится неделя. Причина отказа или отсрочка предоставления информации сообщается в трехдневный срок;
- решили предоставить истребуемые сведения журналистам, целесообразно договориться об ознакомлении с подготовленным

ими для опубликования материалом до того, как он выйдет в свет. Это поможет избежать искажения или тенденциозности в публикации, построенной на полученной информации;

- должны как-то обозначить лиц, совершивших преступление, то не следует указывать их анкетные данные, точные адреса их работы и жительства. Целесообразнее будет вкратце обозначить их инициалами, возрастом или профессией;

- сообщаете представителям прессы о ходе расследования или комментируете предъявленные обвинения, то характеризуйте совершенное деяние и предусмотренную уголовно-правовым законом меру наказания за совершение подобных преступлений в общей форме;

- предоставляете данные по уголовным делам для опубликования, то более подробно останавливайтесь на признаках и условиях, способствовавших совершению данного преступления, предлагайте конкретные и обоснованные меры для их устранения;

- выступаете в теле-, радиоэфире на правовые темы, то старайтесь уместно приводить примеры из практики и статистические данные (можно в сравнении) за тот или иной период времени по конкретным видам совершенных преступлений;

- публикуете материалы по уголовным делам, то во всех случаях помните об обеспечении государственной или иной тайны, а также тайны сведений служебного характера, например, относящихся к осуществлению оперативно-розыскных мероприятий или расследованию преступлений;

- ощущаете трудности в отношениях с представителями СМИ, то можно и нужно обращаться в отделы информации (пресс-службы) областных УВД. Там вам будет дан компетентный совет, а при необходимости оказана помощь;

- узнали о распространении через СМИ необъективной и искаженной информации по сравнению с той, что вы предоставили первоначально, то оперативно и принципиально реагируйте на подобные факты, предпринимайте меры к их опровержению. В некоторых случаях целесообразно обратиться с соответствующим иском в судебные органы.

Свои особенности имеет и тактика общения с журналистами во время интервью. Это можно заметить, наблюдая за их работой. Как правило, все они имеют четкое представление о том, чего хотят, и стараются облачить во внешне эффектную форму даже незначительные факты. Однако сами редко этим удовлетворяются и навер-

ное частенько испытывают разочарование от того, что им говорят их партнеры по интервью, особенно если их партнер – сотрудник милиции. Это объясняется тем, что первый стремится как можно больше узнать, второй не хочет все говорить. Тем не менее данная проблема будет стоять менее остро, если соблюдать следующие рекомендации для подготовки и участия в интервью, проводимом журналистом:

- к интервью необходимо готовиться заранее. Если оно планируется для печатного издания, то желательно предварительно ознакомиться с публикациями ведущего с точки зрения изложения и тона комментариев, а также с областью его интересов. В том случае, когда интервью будет проводиться теле- или радиожурналистом, разумно ознакомиться с некоторыми его программами. Это поможет понять характер и типичность задаваемых вопросов. Также необходимо помнить о своем внешнем виде, который должен соответствовать обстановке;

- при подготовке к интервью необходимо получить данные о том, с кем предстоит иметь дело; какого именно СМИ он (она) представитель и известно ли это учреждение скандальной репутацией; известен ли вам журналист; какова тема предстоящего интервью (основные моменты); в каком виде будет обнародовано и сколько времени (количество строк) оно займет; на что рассчитано интервью и какие цели преследует журналист;

- исходя из предполагаемого эфирного времени надо определить объем и характер материала, который требуется изложить по данной теме; заранее решить, какие мысли желательно выделить; наметить то, что необходимо сказать в любом случае; убедиться в достаточности информации по данной проблеме; попробовать мысленно прокрутить предстоящую беседу;

- если вы не можете однозначно ответить на определенный вопрос, например, по соображениям возможного влияния или воздействия на ход расследования, то лучше сказать об этом журналисту заранее. Если ответ все же необходим, то постарайтесь указать хотя бы примерный срок, когда вы сможете высказать свою точку зрения;

- немаловажно, что соглашаться на интервью разумно только тогда, когда есть что сказать по существу. При этом уж ни в коем случае не говорите и не делайте того, что предназначено «не для печати», так как ввиду специфичности профессии журналисту трудно удержаться от искушения обнародовать конфиденциально сообщенные ему сведения;

- при вежливом и тактичном отклонении предложений об интервью уместно все же оставлять у работников СМИ ощущение доступности. В будущем они наверняка будут в лучшем настроении выслушивать ваши сообщения;

- ответы на вопросы надо стремиться давать максимально честно, этично и точно. Всегда оставайтесь деловым и говорите по существу;

- если есть выбор, то лучше привести один конкретный пример, чем охарактеризовывать общую обстановку. При этом частого употребления профессиональных выражений следует, как правило, избегать. Очевидно, что профессиональная речь более уместна в работе, чем в выступлении перед широкими массами;

- участвуя в телеинтервью, желательно смотреть, как рекомендуют психологи, в глаза корреспонденту, а не в объектив камеры, поскольку в последнем случае взгляд часто воспринимается как вызывающий, к тому же в моменты растерянности движения глаз могут убыстряться, а это многие зрители считают признаком нечестности и лукавства;

- располагаясь в кресле или на стуле, будет совершенно естественным принять непринужденную позу уверенного в себе профессионала. Но если держать руки в карманах, играть ручкой или каким-либо другим предметом, впечатление о вас у зрителей может перемениться;

- если вдруг между вами и интервьюером возникла напряженная ситуация, стремитесь сохранить спокойствие и удержать первоначальный темп речи, а также высоту тона и громкость;

- не повторяйте вслед за журналистом заданные вопросы и употребляемые им термины, значение которых вам недостаточно хорошо известно;

- старайтесь делать акценты на положительных фактах своей работы и не стесняйтесь признавать допущенные ошибки, в уместных случаях приносить извинения и давать обещание пересмотреть методы работы с целью исключения подобных недостатков в будущем.

Обратим внимание, что в любой неудачно складывающейся ситуации будет более разумным не тратить свою энергию на отрицательные эмоции, а сохранять ее для налаживания пути к взаимопониманию и успеху.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аксенов Р. Г. – старший преподаватель кафедры криминалистики Омской академии МВД России, кандидат юридических наук.

Аксенова Л. Ю. – следователь по особо важным делам следственной части СУ при УВД Омской области.

Бирюкова Т. П. – старший преподаватель кафедры криминалистики Луганского института внутренних дел МВД Украины.

Большаков А. П. – преподаватель кафедры предварительного расследования ВА МВД России.

Бородулин С. А. – начальник ГСУ при ГУВД Волгоградской области.

Будников В. Л. – доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и юридической психологии Волгоградского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент;

Булатов В. А. – доцент кафедры организации следственной работы ВА МВД России, кандидат юридических наук.

Быков В. М. – начальник кафедры криминалистики Саратовского юридического института МВД РФ, кандидат юридических наук, профессор.

Вандыш-Бубко В. В. – руководитель отделения экзогенных психических расстройств Государственного научного центра социальной и судебной психологии им. В. П. Сербского, доктор медицинских наук, профессор, г. Москва.

Ветютнев Ю. Ю. – заведующий отделом научных программ Волгоградского регионального отделения Молодежного союза юристов.

Викторов Ю. Д. – старший преподаватель кафедры предварительного расследования ВА МВД России.

Внуков В. И. – адъюнкт Волгоградской академии МВД России.

Глебов В. Г. – доцент кафедры уголовного процесса ВА МВД России, кандидат юридических наук.

Гордиенко В. В. – следователь по особо важным делам Следственного Комитета при МВД России.

Дармаева В. Д. – адъюнкт Академии управления МВД России.

Двоянов В. П. – заместитель начальника КМ ГУВД Волгоградской области, кандидат юридических наук.

Демидов Н. Н. – адъюнкт ВА МВД России.

Дьячков А. М. – кандидат юридических наук, доцент ВАГС.

Дьячкова О. А. – старший следователь Краснооктябрьского РОВД г. Волгограда.

Еремин С. Г. – доцент кафедры криминалистики ВА МВД России, кандидат юридических наук.

Завражнов Ю. М. – заведующий отделением амбулаторных судебно-психиатрических экспертиз областной клинической психиатрической больницы № 2 г. Волгограда.

Зайцева Е. А. – доцент кафедры уголовного процесса ВА МВД РФ, кандидат юридических наук, доцент.

Закатов А. А. – профессор кафедры криминалистики ВА МВД России, доктор юридических наук.

Закатов С. А. – адъюнкт ВА МВД России.

Замылин Е. И. – начальник факультета подготовки научно-педагогических кадров ВА МВД России.

Иванов Л. Н. – доцент кафедры правовой социологии и психологии Саратовского юридического института МВД РФ, кандидат медицинских наук.

Каткова Э. О. – преподаватель кафедры юридической психологии ВА МВД России.

Ковальчук С. Ю. – Волгоградский государственный университет.

Кругликов А. П. – заведующий кафедрой уголовного процесса, криминалистики и юридической психологии ВолГУ, кандидат юридических наук, профессор.

Кулиев Э. Я. – адвокат Межреспубликанской коллегии адвокатов г. Волгограда.

Кушпель Е. В. – старший преподаватель кафедры криминалистики ВА МВД России, кандидат юридических наук.

Лазаренко В. Ф. – инспектор ФЗО ВА МВД России.

Ландин И. А. – соискатель кафедры криминалистики ВА МВД России.

Мазунин Я. М. – заместитель начальника кафедры криминалистики Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Медведева О. В. – старший преподаватель кафедры уголовного процесса ВА МВД России, кандидат юридических наук.

Минеев О. А. – старший инспектор ФЗО ВА МВД России.

Могутин Р. И. – доцент кафедры криминалистики ВА МВД России.

Москаленко А. Н. – преподаватель кафедры криминалистики Ростовского юридического института.

Першаков М. Г. – аспирант кафедры уголовного процесса, криминалистики и юридической психологии, стажер Волгоградской межрайонной коллегии адвокатов.

Першин А. Н. – преподаватель кафедры криминалистики Омской академии МВД России.

Песоцкий А. В. – адъюнкт кафедры криминалистики ВА МВД России.

Петров Д. А. – преподаватель кафедры криминалистики ВА МВД России.

Петрова А. Н. – старший преподаватель кафедры криминалистики ВА МВД России, кандидат юридических наук.

Полтавцева Л. И. – доцент кафедры криминалистики Ростовского юридического института, кандидат психологических наук, доцент.

Пухов Е. И. – доцент кафедры криминалистики ВА МВД России, кандидат юридических наук.

Резван П. А. – соискатель ВА МВД России.

Рудь М. А. – следователь линейного отдела внутренних дел на транспорте, г. Волгоград.

Семенов В. В. – адъюнкт Саратовского юридического института МВД России.

Сердечная Р. Г. – доцент кафедры уголовного процесса ВА МВД России, кандидат юридических наук.

Сердюкова Д. В. – старший эксперт ЭКУ ГУВД Волгоградской области.

Смирнова О. Н. – адъюнкт ВА МВД России.

Соловьев В. К. – заместитель начальника управления по надзору за расследованием преступлений прокуратуры Волгоградской области, младший советник юстиции.

Соловьева Н. А. – старший преподаватель кафедры уголовного процесса, криминалистики и юридической психологии ВолГУ, кандидат юридических наук;

Субботина М. В. – заместитель начальника кафедры криминалистики, кандидат юридических наук, доцент.

Тарасов А. В. – адъюнкт кафедры уголовного процесса ВА МВД России.

Терпелец О. В. – преподаватель кафедры криминалистики Ростовского юридического института.

Тришкина Е. А. – старший преподаватель кафедры криминалистики ВА МВД России.

Трофимов Е. Н. – начальник кафедры юридической психологии, кандидат медицинских наук, доцент.

Тюменцев А. Н. – доцент кафедры уголовного права ВА МВД РФ, кандидат юридических наук.

Фетюхин М. И. – Волгоградский государственный университет.

Фетюхин Ю. М. – Волгоградский государственный университет.

Филин Д. М. – преподаватель кафедры предварительного расследования ВА МВД России.

Филиппов П. М. – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин ВА МВД России, заслуженный юрист России, доктор юридических наук.

Хабаров А. Н. – Волгоградский государственный университет.

Харченко А. В. – преподаватель кафедры криминалистики ВА МВД России.

Хитрова О. В. – кандидат юридических наук, г. Москва.

Чулкова Л. В. – преподаватель кафедры юридической психологии ВА МВД России.

Шевчук И. В. – старший преподаватель кафедры криминалистики, кандидат юридических наук.

Шехавцов Р. Н. – преподаватель кафедры криминалистики Луганского института внутренних дел МВД Украины.

Шириков А. С. – заведующий редакционно-издательским отделом Волгоградского регионального отделения Молодежного союза юристов.

Шматов В. М. – преподаватель кафедры ОРДиСТ ВА МВД России, кандидат юридических наук.

Шматов М. А. – профессор ОРДиСТ ВА МВД России, кандидат юридических наук.

Щербатов В. Ф. – доцент кафедры уголовного права Волгоградского филиала Московского университета потребительской кооперации, кандидат юридических наук, доцент.

Эрекаев А. Я. – соискатель кафедры криминалистики ЮИ МВД РФ, г. Москва.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. Понятие конфликтов и противодействия.....	3
С. А. Бородулин. Конфликты и конфликтные ситуации на предварительном следствии.....	3
М. В. Субботина. Исследование проблем конфликтов и конфликтных ситуаций на современном этапе развития криминалистики.....	8
А. А. Закатов. К вопросу о конфликтных ситуациях в процессе расследования преступлений.....	10
Ю. Ю. Ветютнев. О закономерном характере правоприменительного конфликта.....	13
А. С. Шириков. Юридическая техника и правоприменительный конфликт.....	17
Н. А. Соловьева, В. К. Соловьев. О влиянии границ конфликтов, возникающих в ходе расследования преступлений, на качество доказательств.....	20
Е. И. Замылин. Конфликт и конфликтная ситуация как следствие неправомерного воздействия заинтересованных лиц.....	23
Л. И. Полтавцева. Психологические стратегии преодоления конфликтной ситуации.....	27
С. А. Закатов. Конфликтные ситуации на допросах и пути их преодоления в целях осуществления розыска.....	29
А. Н. Петрова. К вопросу о понятии и сущности противодействия расследованию преступления.....	32
Р. Н. Шехавцов. Характеристика элементов противодействия расследованию преступлений.....	35

Т. П. Бирюкова. Противодействие как один из источников возникновения конфликтов в ходе расследования преступлений.....	37
П. А. Резван, С. А. Закатов. Уклонение от ответственности как форма противодействия расследованию.....	40
Е. И. Пухов. Роль тактических приемов в устранении конфликтных ситуаций на предварительном следствии.....	43
С. Г. Еремин. Некоторые проблемно-конфликтные ситуации и пути их преодоления в расследовании преступлений.....	46
В. Д. Дармаева. Разрешение конфликтной ситуации на предварительном следствии.....	49
Д. А. Петров. О некоторых конфликтных ситуациях, возникающих внезапно для лица, производящего расследование.....	51
Ю. М. Фетюхин, А. Н. Хабаров. Конфликт при причинении вреда при оказании возмездных услуг и основании гражданско-правовой ответственности за причиненный вред...	54
М. И. Фетюхин, С. Ю. Ковальчук. Контркультура как форма конфликта с современной молодежной культурой и ее влияние на совершение преступлений.....	57
Раздел 2. Особенности разрешения конфликтных ситуаций в ходе расследования.....	60
П. М. Филиппов, О. А. Дьячкова. Правильное установление характера ущерба способствует предупреждению конфликтов на предварительном следствии.....	60
Е. В. Кушпель. Конфликты и конфликтные ситуации в ходе расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних.....	62

О. В. Хитрова. Тайна предварительного следствия и некоторые проблемы ее обеспечения в уголовном судопроизводстве.....	64
В. Л. Будников, Э. Я. Кулиев. Жалобы частных лиц как средство разрешения конфликтных ситуаций на предварительном следствии.....	67
Н. Н. Демидов. Изучение личности преступника и его мотивов в аспекте нейтрализации конфликтных ситуаций.....	70
В. В. Семенов. О возможностях использования средств общения для преодоления конфликтных ситуаций при допросе.....	73
А. Я. Эрекаев. Конфликтные следственные ситуации и проблемы криминалистического обеспечения их разрешения в условиях противодействия расследованию вооруженных разбоев.....	75
Д. М. Филин. К вопросу о конфликтных ситуациях при планировании расследования краж скота на первоначальном этапе.....	83
И. А. Ландин. Конфликтные ситуации на предварительном следствии. Обстоятельства, усиливающие конфликты по делам о взяточничестве.....	87
В. В. Вандыш-Бубко. Конфликтные ситуации, обусловленные дефицитом субъективной информации при судебно-психиатрической экспертизе обвиняемых.....	90
М. Г. Першаков. Конфликтные ситуации, возникающие на предварительном следствии при признании обвиняемым своей вины, и пути их разрешения.....	92
А. Н. Першин. Роль полиграфных исследований в разрешении конфликтных ситуаций при расследовании преступлений.....	94

Р. И. Могутин, Е. А. Тришкина. Проблемы применения метода психофизиологического тестирования для разрешения конфликтных ситуаций на предварительном следствии.....	96
Р. Г. Аксенов, Л. Ю. Аксенова. Использование корыстно-собственнических интересов для разжигания конфликта между участниками преступной группы.....	98
В. М. Быков, Л. Н. Иванов. Новые подходы к трактовке конфликта в преступной группе.....	100
В. А. Булатов. Проблемы обеспечения безопасности потерпевших и свидетелей.....	104
О. В. Медведева. Конфликт интересов потерпевшего и других участников уголовного процесса на стадии предварительного расследования.....	107
В. Г. Глебов. Уголовно-процессуальные предпосылки конфликтов при производстве следственных действий.....	109
О. Н. Смирнова. Конфликтные ситуации, возникающие на этнической почве.....	111
А. В. Харченко. Конфликтные ситуации, возникающие в ходе допроса потерпевших, при расследовании преступлений, совершенных с применением взрывных устройств, и пути их преодоления.....	116
Я. М. Мазунин. Использование оперативно-розыскной информации как одно из условий повышения эффективности допроса.....	119
В. Ф. Щербатов, Ю. Д. Викторов. О конфликтных ситуациях, возникающих при задержании вымогателей с поличным, и возможностях их разрешения.....	122

А. М. Дьячков. Предупреждение конфликтов при расследовании мошенничества – залог выполнения следователем задач уголовного судопроизводства.....	124
М. А. Рудь. Проблемы производства неотложных следственных действий в условиях движущегося поезда.....	127
М. И. Фетюхин, Ю. М. Фетюхин. Механизм социальной регуляции конфликтов в процессе реадaptации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы.....	129
В. Ф. Лазаренко. Способы преодоления конфликтных ситуаций при возврате вклада банками РФ.....	132
О. А. Минеев. Конфликты, возникающие при самозащите гражданских прав.....	134
И. В. Шевчук, Е. И. Пухов. Действия следователя в условиях тактического риска при предъявлении лиц для опознания.....	136
Раздел 3. Разрешение конфликтов при взаимодействии с другими службами органов внутренних дел.....	141
М. А. Шматов, В. М. Шматов. Конфликтные ситуации в деятельности следственно-оперативной группы.....	141
Е. А. Зайцева, Д. В. Сердюкова. Конфликтные ситуации при назначении и производстве экспертиз в стадии расследования.....	146
А. Н. Москаленко. О конфликтах взаимодействия следственно-оперативной группы на предварительном расследовании.....	149
А. П. Кругликов, В. К. Соловьев. О взаимоотношениях прокурора и следователя при возвращении дела для дополнительного расследования.....	151

Е. Н. Трофимов, Ю. М. Завражнов, В. В. Гордиенко. Конфликтные ситуации при производстве амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы: причины и пути устранения.....	153
Э. О. Каткова, Л. В. Чулкова. О взаимодействии следователя и эксперта-криминалиста при расследовании преступлений (психологические аспекты).....	156
В. Ф. Щербатов, А. П. Большаков. К вопросу о конфликтах в розыскной деятельности следователя.....	159
О. В. Терпелец. Пути преодоления конфликтных ситуаций на первоначальном этапе предварительного расследования.....	161
А. В. Песоцкий. Допрос обвиняемого в конфликтной ситуации при расследовании незаконного предпринимательства.....	164
В. И. Внуков. Независимая экспертиза и связанные с ней конфликтные ситуации.....	166
А. В. Тарасов. Возникновение и уголовно-процессуальные способы предотвращения конфликта на предварительном следствии.....	169
Р. Г. Сердечная. Проблемы реализации прав участников уголовного процесса на предварительном следствии и пути их разрешения.....	171
О. А. Анферова. Освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия – акт (совокупность актов) компетентных органов.....	175
А. Н. Тюменцев. «Острые углы» взаимодействия правоохранительных органов с учреждениями средств массовой информации	181

В. П. Дворянов, А. Н. Тюменцев. К вопросу о путях предотвращения конфликтов и правилах взаимодействия между сотрудниками органов предварительного следствия с представителями СМИ.....	194
Сведения об авторах.....	202

КОНФЛИКТЫ И КОНФЛИКТНЫЕ СИТУАЦИИ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Издано в авторской редакции
Технический редактор *Е. Н. Полоскова*
Корректоры *С. П. Рачкова, М. С. Емельяненко*
Компьютерная верстка *О. Л. Ходуновой*

ПД № 9-0024 от 25. 05. 2001

Подписано в печать 10.04.2003. Формат 60х84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Arial. Печать офсетная. Физ. печ. л. 13,25. Усл. печ. л. 12,32.
Уч.-изд. л. 14,2. Тираж 200 экз. Заказ № 99.

Волгоградская академия МВД России.
Редакционно-издательский отдел.
400089, Волгоград, ул. Историческая, 130.

ООП ВА МВД России.
400131, Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.